

Министерство образования и науки Российской Федерации Федеральное
государственное автономное образовательное учреждение высшего
образования «Северо-Восточный федеральный университет
имени М.К. Аммосова»

На правах рукописи

Федоров Сергей Егорович

**История исследований млекопитающих
четвертичного периода в Якутии (XVIII – XX вв.)**

Специальность 07.00.10 «история науки и техники»

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени кандидата

биологических наук

Научный руководитель:

д.г.-м.н. Колосов П.Н.

Якутск - 2017

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ	5
Глава I. Донаучный этап изучения четвертичных млекопитающих Якутии	
Якутии	19
1.1. Первые сведения о четвертичных млекопитающих	19
1.2. Мамонт в представлении народов Сибири	20
1.3. Открытие мамонтовой фауны на Новосибирских островах	31
Глава II. Изучение мамонтовой фауны Якутии в конце XVIII – первой половине XIX вв.	37
2.1. Первые находки мамонтов в Сибири	37
2.2. Открытие на территории Якутии Вилюйского носорога (1771 г.) и мамонта Адамса (1799 г.)	44
Глава III. Палеонтологические исследования млекопитающих Якутии в 1850–1900-е гг.	56
3.1. Учреждение Академией наук премии за обнаружение мамонтов	56
3.2. Северо-Восточная экспедиция Г.Л. Майделя (1869 г.)	61
3.3. Открытие Верхоянского носорога (1877 г.)	62
3.4. Полярная экспедиция А.А. Бунге и Э.В.Толля (1885–1886 гг.)	67
3.5. Вторая (1893-1894 гг.) и Третья арктическая (1900-1902 гг.) экспедиции Э.В. Толля	76
3.6. Изучение Березовского (1901 г.), Санга-Юряхского (1908 г.), Ляховского мамонтов (1909 г.)	77
3.7. Создание Якутского областного музея и открытие Якутского отделения Русского географического общества	116

Глава IV. Первые советские исследования мамонтовой фауны (1920–1940-е гг.)	121
4.1. Комплексная экспедиция АН для изучения производительных сил Якутии (1925–1930 гг.)	121
4.2. Находка Среднеколымского мамонта	123
4.3. Создание Комитета по изучению мамонтов и мамонтовой фауны при Зоологическом институте АН СССР	124
Глава V. Изучение млекопитающих четвертичного периода в Якутии в 1950–1990-е гг.	128
5.1. Первые послевоенные находки: Суольский мамонт (1955 г.), Чекуровский мамонт (1960 г.)	128
5.2. Создание республиканской комиссии по изучению мамонтовой Фауны	131
5.3. Наиболее крупные находки ископаемых млекопитающих в 1970-е гг.: Берелехское «кладбище» мамонтов (1970 г.), Тирехтяхский мамонт (1970 г.), Мылахчинский бизон (1971 г.), Шандринский мамонт (1971 г.), Чурапчинский носорог (1972 г.), Мамонтовогорский носорог (1976 г.), Магаданский (Киргиляхский) мамонтенок (1977 г.)	134
5.4. Палеонтологические открытия четвертичных млекопитающих в 1980–1990-е гг.: Аканский мамонт (1986 г.), Абыйский мамонтенок (1990 г.), Чурапчинский мамонт (1991 г.)	183
5.5. Краткий обзор крупных млекопитающих четвертичного периода и их изучение в Якутии	189
Глава VI. Мамонт в жизни и творчестве народов Якутии	200
6.1. Палеолитические изображения мамонтов	200
6.2. Добыча бивня мамонта в арктической Якутии и на Новосибирских островах	202

6.3. Развитие косторезного искусства в Якутии	211
6.4. Музейные коллекции мамонтовой фауны Якутии	218
6.5. Мамонт – один из символов современной Якутии	221
Заключение	223
Выводы	226
Литература	228

Введение

Актуальность исследования. История и популяризация исследований четвертичных млекопитающих Якутии начинается, в первую очередь, с мамонта – символа вымерших животных ледниковой эпохи. Мамонт пользуется неизменным интересом у всех категорий посетителей в музеях, имеющих коллекцию четвертичных животных. Находки трупов мамонтов, носорогов, лошадей, бизонов с мышцами, кожей и шерстью приурочены исключительно к Северо-Востоку Азии. Наличие мощного подземного оледенения с образованием мерзлых грунтов (вечной мерзлоты), достигающего на территории Якутии мощности до 1500 м. – основная причина хорошей сохранности трупов.

История палеонтологических находок зачастую не менее интересна, чем сама находка. Ведь это колоссальный труд и опыт многих поколений ученых, порою даже героизм тех исследователей, которые были первыми, а также местных жителей – авторов находок, каюров, проводников, рабочих экспедиций. В диссертации широко использованы первоисточники. Например, история исследования Березовского мамонта (1901) базируется на отчете начальника экспедиции Императорской Академии Наук О.Ф. Герца, а описание находки и изучение Тирехтяхского мамонта (1970) – на дневниковых записях основателя Музея мамонта НИИПЭС СВФУ, д.б.н. П.А. Лазарева.

История величайших палеонтологических открытий неразрывно связана с историей освоения Сибири, стремлением многих поколений россиян овладеть тайнами здешней природы, «подобрать ключи» к сибирским кладовым – лейтмотив всей истории Сибири. И даже хронология находок в какой-то мере совпадает с историей развития Российского государства. Подавляющее большинство находок было сделано до Первой мировой войны и в 1970-1980-е годы советской эпохи, т.е. в периоды наибольшей стабильности в государстве. В наши дни мы наблюдаем переход изучения четвертичных млекопитающих на качественно новый уровень. Он является

продолжением истории находок и обусловлен применением новых методов междисциплинарных исследований, включая генетические, цитологические, микробиологические и другие вплоть до новейших технологий в области клонирования вымерших животных. Все вышеизложенное свидетельствует об актуальности проведенных исследований.

Степень разработанности проблемы. История палеонтологических исследований в Якутии связана, в первую очередь, с именами известных исследователей П.С. Палласа, С.Г. Гмелина, М.И. Адамса, Э.В. Толля, А.А. Бунге, Г.Л. Майделя, И.Д. Черского, О.Ф. Герца, К.А. Воллосовича, А.А. и Ф.А. Бялыницкого-Бирули, М.И. Бруснева, В.И. Иохельсона, А.Ф. Миддендорфа, В.М. Зензинова, И.П. Толмачева и других, в XX веке – с именами Н.К. Верещагина, Б.С. Русанова, В.Е. Гарутт, А.В. Шера, Э.А. Вангенгейма, А.И. Томской, В.В. Украинцевой, А.Н. Смирнова, Г.Ф. Барышникова, К.Н. Гурьева, П.Н. Колосова, П.А. Лазарева, Ю.В. Шумилова, А.Н. Тихонова, Г.Г. Боескорова, С.Е. Мостахова и других. Материалы исследований и публикации этих авторов позволяют проследить поэтапное накопление сведений, научных знаний о животных четвертичного периода, развитие во времени представлений о мамонте, его спутниках и их роли в культурной жизни коренных народов Севера.

С имен первых якутских промышленников Этэрикэна, Ивана Ляхова, с открытием им в 1770 году южных островов Новосибирского архипелага, богатых остатками мамонтовой фауны и мамонтовым бивнем начинается ранний этап изучения млекопитающих четвертичного периода. Он описан в работах М.М. Геденштрома (1830), А.Ф. Миддендорфа (1860, 1869), И.Д. Черского (1891), В.М. Зензинова (1915), Г.А. Сарычева (1952), П.П. Явловского (2002) и других. Позже, этот ранний период был исследован и проанализирован в работах В.Т. Илларионова (1940), В.М. Пасецкого (1964), В.Л. Иванова (1979), С.Е. Мостахова (2013) и других. Так, в работе В.Т. Илларионова «Мамонт. К истории его изучения в СССР» (1940)

рассмотрены и обобщены вопросы истории изучения млекопитающих четвертичного периода до революции и в довоенные годы. Результаты многолетних исследований истории географического изучения Северо-Востока Сибири наиболее полно приведены в монографии известного якутского краеведа, географа С.Е. Мостахова «История географического изучения Северо-Востока Сибири (XVII – нач. XX вв.): избранные труды» (2013). В его трудах большое внимание уделено участию местного населения в географических исследованиях северных территорий и вкладу русских исследователей и ученых в географические и палеонтологические открытия в Якутии.

Переломный момент в мировоззрениях и взглядах на мамонтов наступил в конце XVIII и в начале XIX века, и связан он с первой достоверной по месту захоронения и научно обследованной находкой мамонта на территории Якутии. Находка эта вошла в историю науки как «Мамонт Адамса» или «Адамсовский мамонт» (1799). Обстоятельства обнаружения и обследования этого мамонта детально описаны М.И. Адамсом (1807, 1808). Впоследствии, исследования М.И. Адамса были обобщены и дополнены в статье В.Б. Дубинина и В.Е. Гарутт «О скелете мамонта из дельты реки Лены» в «Зоологическом журнале» (Дубинин и др., 1954), а также в работах ряда ученых (Верещагин, 1979; 1981; 1985; 1990; 1995; 2001; 2002; Лазарев и др., 2004; Тихонов и др., 2008; Гурьев и др., 2011).

В монографии выдающегося российского геолога и географа, крупнейшего исследователя Сибири последней трети XIX века И.Д. Черского «Описание коллекции млекопитающих животных, собранных Ново-Сибирской экспедицией 1885-1886 гг.» (личный архив П.А. Лазарева, ф. 220) приведены результаты изучения более 2500 костных останков четвертичных млекопитающих, собранных Полярной экспедицией А.А. Бунге и Э.В. Толля, на Новосибирских островах и в бассейне р. Яны. Именно с этой фундаментальной работы, изданной в 1891 году в Петербурге, начинаются систематические исследования мамонтовой фауны Якутии. По словам

П.А. Лазарева, результаты работ И.Д. Черского были «настолько значительны, что заложили основу для дальнейшего развития геологических и палеонтологических исследований в Якутии» (Лазарев, 2008, с.19). Упомянутая монография И.Д. Черского стала настольной книгой для многих поколений палеонтологов.

Экспедиции Академии наук по раскопкам Санга-Юряхского мамонта Санникова (1892), Березовского мамонта Герца (1901), Санга-Юряхского мамонта Воллосовича (1908), Ляховского мамонта Стенбок-Фермора (1909) имели большое научное значение в выяснении систематического положения и биологии мамонта, а также других животных четвертичного периода. Περιπεтии раскопок, транспортировка Березовского мамонта в начале XX века детально описаны в дневниковых записях руководителя экспедиции Академии наук О.Ф. Герца (1902), Е. Пфиценмайера (1926; 1939), микроскопические и гистологические исследования – в работах Ф.А. Бялыницкого-Бирули (1903, 1904, 1909), В.В. Заленского (1905), П.М. Малиева (1908). Вышеперечисленные история раскопок и исследования отражены в работах ряда авторов (Верещагин, 1979; 1981; 1990; 1995; 2001; 2002; Гарутт, 2001; Тихонов и др., 2008). Драматичная судьба Ляховского мамонта Стенбок-Фермора (1909) изложена в публикациях К.А. Воллосовича (1915). Позже, историей находки и исследований Ляховского мамонта занимались Н.К. Верещагин (1979; 1981; 1990; 2002), А.Н. Тихонов (1996), А.Н. Тихонов и др. (2008), П.А. Никольский (2013).

Исследования традиционного промысла бивня мамонта в дореволюционный период, роль и место бивня в жизни народов Севера, обширный фактический материал приводится в работах А.Ф. Миддендорфа (1860;1869), Э.В. Толля (1897; 1959), В.И. Иохельсона (1898;1900). Ф.А. Бялыницкого-Бируля (1903), М.И. Бруснева (1904), В.М. Зензинова (1915), В.Т. Илларионова (1940), Д.Б. Карелина (1946) и других. В этой связи стоит отметить монографию А.Н. Смирнова «Ископаемая мамонтовая кость» (2003), дающую обширную информацию от истории добычи и мировой

торговли костью до научных исследований образования и эволюции ископаемой мамонтовой кости.

Советский период изучения мамонтовой фауны Якутии (1920–1990 гг.) связан, прежде всего, с именем выдающегося российского палеонтолога, известного популяризатора науки Николая Кузьмича Верещагина - д.б.н., профессора, председателя Комитета по исследованию мамонтов при Президиуме АН СССР (1972; 1977; 1979; 1981; 1990; 1995; 2001; 2002). Необходимо отметить его работы «Записки палеонтолога. По следам предков» (1981) и «От ондатры до мамонта. Путь зоолога» (2002), где в деталях описаны и исследованы находки млекопитающих четвертичного периода в Якутии. Именно в этот период, с основанием в 1947 г. Якутского филиала Академии Наук СССР с его Отделом геологии, исследования мамонтовой фауны стали проводиться системно и в самом Якутске. В дальнейшем, исследования этой группы фауны Якутии, их научное и культурное значение освещались рядом авторов: Б.С. Русановым (1976), П.А. Лазаревым (1977; 1995; 1998; 1999; 2002; 2004; 2008), А.Н. Тихоновым (2005; 2008; 2012), К.Н. Гурьевым, П.Н. Колосовым, П.А. Лазаревым (1986; 2011), Г.Г. Боескорковым (2010; 2014) и другими. Одним из итоговых вех изучения млекопитающих четвертичного периода стал юбилейный сборник научных трудов «Мамонт и его окружение: 200 лет изучения» (2001).

Перечень местных изданий на мамонтовую тематику не обширный. Освещение тематики в основном осуществлялось в средствах массовой информации в виде публикаций, очерков и носило информативный характер. Впервые в 1935 году на якутском языке вышла книга российского писателя С. Дмитриева «В поисках мамонта» («Мааманы кердуу») в переводе И.К. Попова. В 1976 году в Магаданском книжном издательстве вышла книга известного якутского геолога, палеонтолога Б.С. Русанова «Внимание: мамонты! Документальная повесть». В нем впервые, в художественной форме, опираясь на документальные и архивные источники, автор описывает историю и исследования значимых находок мамонтов в Якутии начиная от мамонта

Адамса (1799) до Шандринского мамонта (1971). В 1986 г. в Якутском книжном издательстве вышла книга «Муус уйэ аарымалара» («Исполины ледникового периода»): авторы К.Н. Гурьев, П.А. Лазарев, П.Н. Колосов. Главная цель книги известных якутских популяризаторов науки – рассказать доступно для широкого круга читателей о мамонтовой фауне и палеонтологии в целом, основываясь на достоверных фактах, архивных и литературных источниках. К сожалению, книга была издана только на якутском языке и только в 2011 году она была переведена на русский язык, расширена, дополнена и вышла тиражом всего в 500 экземпляров под названием «Исполины ледникового периода». В 1987 г. вышел роман известного эвенского писателя Платона Ламутского «Сир иччитэ» («Дух земли») о судьбе эвена Семена Тарабыкина – Маркани, нашедшего в 1900 году полностью сохранившийся труп мамонта, впоследствии названный Березовским мамонтом.

В 1990 году в типографии Института мерзлотоведения СО АН СССР вышла книга «Экстерьер мамонта» (авторы: Н.К. Верещагин, А.Н. Тихонов) – книга научно-популярного жанра, в доступной и увлекательной форме рассказывающая о анатомических особенностях, биологии и исследованиях мамонта.

Публикации якутских исследователей мамонтовой фауны носили узкоспециализированный научный характер и не предназначались для широкого круга читателей. Издательский дом “Якутия” НИПК «Сахаполиграфиздат» совместно с Институтом прикладной экологии Севера АН РС (Я) попытался восполнить этот пробел книгой «Якутский феномен – мир мамонтов» (2004). Руководителем этого книжного проекта являлся автор диссертационной работы. Среди авторов книги было 5 докторов наук: д.б.н. П.А. Лазарев, Г.Г. Боескоров, Д.Д. Саввинов, Г.Н. Саввинов и д.г.-м.н. Ю.В. Шумилов. В книге отражено состояние палеонтологических исследований, история находок и этапы изучения мира мамонтов до наших дней.

Подводя итог историографического анализа, следует сделать вывод, что научное и культурное значение исследований млекопитающих четвертичного периода в Якутии получили отражение в ряде историко-научных работ. Однако в вышеперечисленных работах преобладает, безусловно, научная составляющая, культурная же остается до сих пор недостаточно изученной. Таким образом, степень разработанности проблемы свидетельствует о необходимости проведения углубленного изучения, анализа роли открытий и исследований млекопитающих для получения целостной картины влияния на фольклор, сознание, быт, традиционный уклад жизни народов Севера.

Хронологические рамки исследования. Диссертационное исследование охватывает значительный промежуток времени: с XVIII по XX вв., который можно разделить на донаучный и научный этапы изучения четвертичных млекопитающих. Научный этап состоит из четырех подэтапов: первый – конец XVIII в. – первая половина XIX в., второй – 1850–1900-е гг., третий – 1920–1940-е гг., четвертый – 1950–1990-е гг.

Цель исследования: Изучение истории исследований млекопитающих четвертичного периода в Якутии (XVIII-XX вв.) в контексте развития отечественной палеонтологии.

Для достижения поставленной цели решались следующие **задачи:**

1. Периодизация истории палеонтологических исследований на территории Якутии.
2. Изучение поэтапного накопления сведений, научных знаний о крупных животных четвертичного периода на основе опубликованных и архивных материалов.
3. Выявление и обобщение малоизвестных деталей истории находок указанных животных четвертичного периода на основе устных источников (легенд, сказаний, преданий местного населения), документов из архивов, музеев, библиотек.

4. Установление влияния образа мамонта на культуру, искусство народов Севера. Выявление и анализ процесса трансформации сознания коренного населения в отношении мамонта.

Методология исследования: исследования начаты после ознакомления со значительным объемом опубликованных и архивных данных, выявления наиболее слабо разработанных вопросов, значимых для науки и общества. Проводился сбор фактических материалов по теме диссертации, который сопровождался работой в музеях, в библиотеках и полевыми наблюдениями. Большую роль в диссертационной работе сыграли книги и другие печатные издания (всего 533 ед. хр.) и 88 папок с документами и фотографиями из личной библиотеки основателя Музея мамонта, д.б.н. П.А. Лазарева, переданных семьей в дар НИИПЭС СВФУ в 2012 году, собранных им в течение 55 лет трудовой деятельности. В диссертации в хронологическом порядке собраны воедино малодоступные для широкого круга общественности материалы из разных литературных источников, архивных документов, дневниковых записей исследователей разных поколений, продолжателями традиций которых являются якутские палеонтологи. Исследования базируются на общепринятых методах историко-научного анализа: систематизации, сравнении и обобщении опубликованных и архивных данных, а также результатов, полученных диссертантом.

Научная новизна. В диссертации впервые: создано целостное представление об открытиях и исследованиях млекопитающих четвертичного периода в Якутии; проведен анализ и установлен временной отрезок переломного момента, произошедшего в сознании людей по отношению к мамонту, в представлении и укоренении его положительного образа (ранее считавшегося негативным) в культуре и искусстве коренных народов современной Якутии; выяснено, что рынок мамонтовой кости способствовал преодолению

многовековой изолированности народов Якутии, и в дальнейшем, стал важнейшей экономической составляющей для Севера республики.

Практическое значение. Содержание диссертационной работы, и, особенно систематизация и обобщение разрозненных фактических данных (биологических, исторических, этнографических, культурологических) истории палеонтологических открытий XVIII–XX вв. может быть использовано в издании иллюстрированных книг, проведении экскурсий, разработке тематико-экспозиционных планов музеев, чтении лекций по истории палеонтологии, при разработке учебных курсов для студентов, а также для проведения природоохранных мероприятий.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Большое значение в выяснении систематического положения и биологии мамонта, а также других крупных животных четвертичного периода, имели находки мамонтовой фауны в Якутии и их исследования.
2. Обнаружению перспективных для научных исследований местонахождений остатков мамонтовой фауны и накоплению материала для научного изучения строения ископаемых млекопитающих четвертичного периода в XVIII – начале XX вв. способствовало развитие промысла бивней мамонта коренным населением Якутии.
3. Развитие биологических исследований млекопитающих четвертичного периода в Якутии связано с социальными и политическими процессами, происходившими в России–СССР. Наиболее продуктивным временем в истории изучения биологии млекопитающих четвертичного периода можно считать 1890–1900-е гг. и 1970–1980-е гг., т.е. годы, когда привлекались необходимые средства для проведения научных исследований.
4. В истории рассматриваемого научного направления могут быть выделены следующие этапы его развития:

1 этап: *Донаучный этап* изучения четвертичных млекопитающих Якутии (с древнейших времен до XVIII в.) дал представление о мамонте как мифическом существе с неясными особенностями строения, поведения и обитания.

2 этап: *Научный этап* (с конца XVIII в. – до конца XX в.) можно разделить на следующие периоды:

I. Первые исследования млекопитающих четвертичного периода учеными-естествоиспытателями (конец XVIII в. – первая половина XIX в.).

Наиболее крупные находки данного периода – Вилюйский носорог (1771) и мамонт Адамса (1799). В это время происходило накопление палеонтологических экспонатов из Якутии в музеях и академических учреждениях России. Большой вклад в развитие рассматриваемого научного направления внесли Д.Г. Месершмидт, П.С. Паллас, М.И. Адамс, М.М. Геденштром, Ф.Ф. Брандт.

II. Комплексные экспедиции Императорской академии наук (1850-1900-е гг.).

Были организованы Северо-Восточная (1869), три Полярные экспедиции (1885-1886, 1893-1894, 1900-1902), экспедиции АН по раскопкам Санга-Юряхского мамонта Санникова (1892), Березовского мамонта (1901), Санга-Юряхского мамонта Воллосовича (1908), Ляховский мамонт Стенбок-Фермора (1909), в результате которых был собран, а затем изучен богатейший материал по анатомическому, морфологическому, микроскопическому, гистологическому строению и питанию вымерших млекопитающих, предприняты попытки реконструкции палеоландшафта и климата четвертичного периода. Исследованиями палеонтологических материалов экспедиций Академии наук занимались Л.И. Шренк, Э.В. Толль, А.А. Бунге, Г.Л. Майдель, И.Д. Черский, М.В. Павлова, И.Ф. Шмальгаузен, О.Ф. Герц, Е.В. Пфиценмайер, А.Ф. Миддендорф, А.А. и Ф.А. Бялыницкий-Бируля, В.В. Заленский, П.М. Малиев, М.И. Бруснев, К.А. Воллосович и другие. Наиболее значительные находки рассматриваемого периода – Верхоянский носорог (1877), Березовский мамонт Герца (1901), Санга-Юряхский мамонт Воллосовича (1908), Ляховский мамонт Стенбок-Фермора (1909). Огромное

значение для развития изучаемого направления имела премия за обнаружение мамонтов, учрежденная Императорской академией наук в 1860 г.

III. Первые советские исследования мамонтовой фауны (1920-1940-е гг.).

В 1920-е гг. начинается активное изучение северных территорий России Академией наук СССР, в том числе палеонтологических останков. Большая роль в этих исследованиях принадлежит экспедиции Комиссии по изучению производительных сил Якутской АССР (1925-1930). Научно описанные находки экспедиции составили основу палеонтологической коллекции Якутского краеведческого музея, где в 1927 году был смонтирован первый сборный скелет мамонта. Самая значительная в научном плане находка данного периода – Среднеколымский мамонт (1924). Для активизации местного населения в поисках и обнаружении останков мамонтовой фауны в 1932 году Академия наук СССР выпускает листовку-обращение о вознаграждении за находку.

IV. Период 1950-1990-х гг. характеризуется подъемом в изучении мамонтовой фауны, что было связано с государственной поддержкой науки, системой планирования научно-исследовательской работы, внедрением новых методов палеонтологических исследований (метода меченых атомов, палинологического, микроструктурного, молекулярного и биохимического анализов, анализов ДНК и др.), привлечением к сбору и обработке материалов ученых различных специальностей. Наиболее известные находки рассматриваемого периода – Суольский мамонт (1955), Чекуровский мамонт (1960), Берелехское кладбище мамонтов (1970), Тирехтяхский мамонт (1970), Мылахчинский бизон (1971), Чурапчинский мамонт (1972), Мамонтовогорский носорог (1976), Чурапчинский мамонт (1991).

5. В 1970-е гг. после известных палеонтологических находок мамонтов и широкого освещения этих находок в средствах массовой информации изменилось восприятие мамонта коренным населением. До этого времени местное население относило мамонтов к выходцам из «нижнего» мира,

несущим смерть, невзгоды и неприятности. Сейчас мамонт является одним из символов современной Якутии.

Апробация работы. Основные положения диссертационной работы основываются на музейной, научно-исследовательской, краеведческой работе и издательской деятельности автора начиная с 1987 года по 2004 год – работы в должности старшего научного сотрудника Якутского государственного музея истории и культуры народов Севера им. Ем. Ярославского, а с 2011 года – в должности заведующего экспозиционным отделом Музея мамонта НИИПЭС СВФУ. Исторические сведения об изучении мамонтовой фауны Якутии, изложенные в диссертации, использованы автором в разные годы в составлении тематико-экспозиционных планов и оформлении экспозиций, консультативной, экскурсионной, методической работе Якутского государственного музея истории и культуры народов Севера им. Ем. Ярославского (г. Якутск); Аллаиховского музея природы тундры и охотничьего промысла им. Д.А. Лебедева (п. Чокурдах, Аллаиховский улус РС(Я); Анабарского краеведческо-этнографического музея (п. Саскылах, Анабарский национальный (долгано-эвенкийский) улус РС(Я); Алданского историко-краеведческого музея (г. Алдан, Алданский улус РС(Я); Верхоянского краеведческого музея «Полюс холода» (г. Верхоянск, Верхоянский улус РС(Я); Вилюйского краеведческого музея (г. Вилюйск, Вилюйский улус РС(Я); Кобяйского краеведческого музея им. Т.Е. Сметанина (п. Кобяй, Кобяйский улус РС(Я); Нижнеколымского музея истории и культуры народов Севера (п. Черский, Нижнеколымский улус РС(Я); Музея мамонта НИИПЭС СВФУ и ряда школьных и ведомственных музеев республики. Диссертант является одним из организаторов, ответственным исполнителем и соавтором тематико-экспозиционных планов выставок: «Природа и культура Якутии» в Музее северных народов Хоккайдо, Япония (2007); передвижной палеонтологической выставки Музея мамонта «Hello, Mammoth!» в Сеуле и Кенджу (Республика Корея) (2011–2012); выставки

«Куда ушли мамонты?» I Фестиваля Русского географического общества (2014).

Диссертант являлся руководителем проекта книги «Якутский феномен: мир мамонтов» (Лазарев и др., 2004), изданной на русском и английском языках, составителем фотоальбома «По следам мамонтов. Экспедиции, исследования и выставки Музея мамонта» (отв. ред. д.б.н. П.А. Лазарев) (Лазарев и др., 2007), буклета Музея мамонта «Продолжая традиции...» (Буклет <...>, 2013). Все эти издания, наряду с другими книгами такого плана, способствуют популяризации мамонтовой тематики, являющейся одним из брендов Якутии и требовали от диссертанта углубленного изучения данного вопроса.

Автор является организатором (с российской стороны) съемок документального фильма «Woolly mammoth: The Autopsy» («Шерстистый мамонт: Вскрытие»), Великобритания, 2014. Это уже третий успешный опыт Музея мамонта по съемкам с ведущими мировыми каналами – предыдущие два фильма были с каналом National Geographic – «Mammoth: Back from Death. Мамонт: Воскрешение из мертвых» (2013) и «Unhearing mammoth. Раскопать мамонта» (2014).

Результаты исследований автора последних лет были представлены на VI-й Международной мамонтовой конференции (г. Гревена и Сиатиста, Греция, 2014); на 80-м съезде Общества американских археологов (г. Сан-Франсиско, США, 2015); на II Международной научной конференции «Открытая Арктика» в Российской Академии наук и на выставке «Арктика-открытый дом» (г. Москва, 2015); на Международном симпозиуме им. академика М.А. Усова студентов и молодых ученых, посвященного 120-летию со дня основания Томского политехнического университета (г. Томск, 2016); на II Конференции World of Gravettian hunters (г. Краков, Польша, 2016); на Международном палеонтологическом семинаре, посвященном изучению плейстоценовых Туматских щенков (г. Якутск, 2016); на Республиканской научно-практической конференции Якутского регионального отделения РГО

«Актуальные вопросы краеведения в Якутии» (г. Якутск, 2016); на Юбилейной конференции, посвященной 115-летию Красноярского краевого отделения РГО (г. Красноярск, 2016); а также на Всероссийской научно-практической конференции «Оймякон – полюс холода», посвященной 125-летию со дня рождения С.В. Обручева (с. Томтор Оймяконского района РС(Я), 2016).

Публикации. По теме диссертации опубликовано 14 работ, в том числе 3 в журналах из списка ВАК.

Структура и объем работы. Диссертация состоит из введения, 6 глав, заключения, выводов, списка литературы. Общий объем диссертации – 245 страниц. Основная часть изложена на 222 страницах. Работа содержит 72 рисунка, 4 таблицы, 3 диаграммы. Список литературы содержит 198 названий, в т.ч. 9 на иностранных языках.

Благодарности. Автор выражает глубокую благодарность: руководителю диссертационной работы д.г.-м.н. П.Н. Колосову за всестороннюю поддержку и помощь в написании; д.б.н. Д.Д. Саввинову, д.б.н. Г.Н. Саввинову, д.б.н. Я.Л. Вольперту; к.б.н. В.В. Величенко; к.б.н. П.П. Данилову; д.б.н. А.В. Протопопову; д.г.-м.н. В.Г. Гадиятову, д.м.н. Д.К. Гармаевой, д.м.н. Р.М. Хайруллину, д.п.н. А.И. Клюкиной, д.и.н. Е.Н. Романовой, к.б.н. П.А. Никольскому за поддержку моих исследований и за консультативную помощь.

Глава I. Донаучный этап изучения четвертичных млекопитающих фауны Якутии

1.1. Первые сведения о четвертичных млекопитающих

Донаучный этап накопления сведений о четвертичных млекопитающих длился довольно долго. По данным А.Н. Смирнова (2003), проводившего глубокие библиографические исследования в области изучения мамонтов, упоминание о данных животных в европейской литературе встречается у древнего Плиния (I век н.э.) (Миддендорф, 1860), при этом рынки Востока (Иран, Хорезм, Китай, Монголия) оказались знакомы с мамонтовой костью намного раньше Западной Европы. От р. Обь до р. Колымы бивни мамонта были объектом добычи и торговли для коренных жителей задолго до освоения этих земель русскими промышленниками. «Голубая кость» – мамонтовый бивень – напоминал своей текстурой, плотностью и цветом слоновью кость и считался редким и дорогим материалом, подобно благородным металлам и драгоценным камням. Торговали ими в основном на Волге, в Булгарах, где арабские купцы покупали мамонтовую кость. Но с конца XV в. торговля костью переместилась в Печорский край, откуда кость через Новгород и Архангельск, шла на экспорт в Европу. Как отмечает Н.Д. Кириллин (Кириллин, 2011), к этому времени был полностью истреблен беломорский морж, на которого охотились ради клыков, и цена на «голубую кость» резко возросла (по Гетчинсон, 1899; Эрман, 1834; Howarth, 1887). Находки разрозненных костей ископаемых животных не давали полного представления ни о внешнем виде животного, ни о том, кому они принадлежали. Порой существовали самые различные гипотезы вплоть до самых фантастических представлений. Так, в некоторых европейских странах, в средние века считали, что гигантские кости мамонтов – это чисто минеральные образования («игра природы»), принимали их за останки святых, даже сохраняя их как «святые мощи», или же, за кости ангелов, низвергнутых с неба, восставших против бога. Известен ряд случаев, когда кости и зубы мамонтов бережно сохранялись

и почитались как в европейских церквях, так и в русских храмах и монастырях (Тихонов, 2005). Классическим примером является вход в кафедральный собор г. Кракова (Польша), архитектурным элементом входной арки которого является бедро мамонта, череп носорога и ребро кита. В других случаях, крупные кости мамонтов воспринимались как кости людей - великанов или мифологических героев. Данная тема раскрыта в работе Дж. Кауфаса «Палеонтологические исследования в Греции: от мифов до современности» (Abstract book <...>, 2014), где великаны – циклопы в греческой мифологии представляли первобытную расу гигантов. Отличительным признаком циклопов было наличие одного глаза посередине лба. Они были сыновьями Урана (Неба) и Гайи (Земли), и звали их Брантес, Стеропс и Аргес. Дж. Кауфас предполагает, что именно кости мамонтов послужили тем материалом из которого были сложены эти мифы: наличие огромных по размеру костей не принадлежащие ни одному из известных в то время животных Европы, а также своеобразное строение черепа мамонта с дыхалом (куда крепится хобот), которое у некоторых особей сужено, напоминая глазницу посередине лба и гипотетически, если поставить скелет мамонта на задние ноги, то, действительно, получится великан с одним глазом посередине лба - циклоп. В средние века в некоторых европейских странах бивни мамонта принимали за рог легендарного, не менее мифического единорога, которые растертые в порошок, могли быть панацеей от всех болезней.

1.2. Мамонт в представлении народов Сибири

В Якутии местные народы полагали, что огромные кости, которые иногда находят по берегам рек и озер, – это остатки гигантского подземного или подводного зверя, скорее всего быка, а бивни – его рога. Комбинированный образ, совмещавший признаки «земной» или «водной» среды, происходил, безусловно, от места находок: чаще по берегам рек и озер, у крутых яров, по отмелям рек. Участник Великой Северной экспедиции

(1739-1740 гг.) Харитон Лаптев, введенный в заблуждение преданиями местных людей, записал, что «мамонты и доньне живут в море». Это предание, несомненно, родилось в результате находки трупов мамонта у береговой черты (Карелин, 1946).

В якутском языке до сих пор существует древнее название мамонта – «Уу огуһа», что означает «водяной бык». В.Л. Иванов (1979) пишет, что по свидетельству О.Ф. Герца, начальника экспедиции Академии наук по раскопке Березовского мамонта (1901), якуты называли мамонта «Уу-Кыыл», что в переводе означает «водное животное», «водяной зверь». «Ороок» или «орок» – так старожилы старинного села Тумат Усть-Янского района называют мамонта, утверждая при этом, что это наименование исконно якутское, а «сэли» – это эвенское слово. По свидетельству А.Г. Томского (записано мной – Ф.С.), жителя этого якутского села, в тамошних местах существует легенда о том, что сильно петляющие речки являются тропами мамонтов – «*орооктор орохторо*» (на як. языке), и когда русло, меандрируя, делает слишком много поворотов и невообразимых зигзагов, почти возвращаясь обратно, старики шутили, что стадо *ороков* следовало за слепым вожаком. Ряд авторов (Верещагин, 1977; Мащенко, 1995; Мащенко и др., 2006; Чубур, 2007; Мащенко и др., 2015) предполагает, что мамонты вели, как и современные слоны, стадный образ жизни, сбиваясь в группы 12-15, порой и до 20 особей и, возможно, совершали суточные и сезонные миграции. При весе взрослого мамонта в 4-6 тонн, стада этих огромных животных могли создавать устойчивые тропы на открытых остепненных участках, как в настоящее время стада дикого северного оленя в тундре, к примеру, на местах переходов рек. По данным В.В. Питулько (Питулько и др., 2015), опираясь на современные исследования (Haynes, 2006), этот зверь действительно воздействовал на ландшафт, создавая системы троп, которые могли быть использованы людьми для ориентировки на местности и перемещения, прежде всего в зимнее время.

Словами «сели», «соли», «сэли», «хеей» эвенки обозначали мамонта, его бивни и мамонтовую кость (Величко, 2011). Известный исследователь

эвенков Г.М. Василевич, отмечает, что при этом «<...> (мамонта) эвенки смутно представляют себе в виде огромного рогатого животного, принимая его бивни за рога, называя их иногда «хэли иэлин» – рога мамонта» (Василевич, 1946, с.154). По ее предположению, термин «хэли», по-видимому, вошел в якутский язык как «хэли»-«сэли». То же слово, в несколько ином произношении, мы встречаем в книге академика А.П. Окладникова: «<...> в верхнем течении речки Сали, что в переводе с эвенкийского языка на русский «мамонт»<...>» (Окладников и др., 1970, с.42).

Мамонт, в представлении якутов, животное огромных размеров и с неизменным атрибутом – рогами, обитающий глубоко под водой или под землей, редко выбирающийся наружу, как правило, чтобы умереть. Солнечный свет считался губительным для мамонтов – обитателей «нижнего» мира. Оказавшись на поверхности мамонт умирал, забрав при этом из «срединного мира» в «нижний мир», кто вольно или невольно стал свидетелем его гибели. Судя по рассказам проводника-якута, изложенным А.Ф. Миддендорфом (1860), мамонт считался у якутов духом-хозяином воды: «<...> его присутствие в воде, – особенно заметно зимой, когда он своими рогами задевает лед на реке, который при этом трещит и ломается» и треск льда, особенно в ночное время, приписывался «проделкам огромного животного, водяного быка (*Уу огуһа*), от которого происходят мамонтовые клыки» (Миддендорф, 1860, с.301). А. Попов упоминает аналогичные предания, бытовавшие у жителей вилюйской группы районов, о том, что «водяной бык ничем не отличается по виду от настоящего быка, кроме большой величины; иногда выходит из воды и бодается с настоящим быком», который пропадает в случае усыхания озера и покрытия слишком толстым слоем льда, причем в некоторых случаях «заблаговременно переходит на другое озеро» (Попов, 1949, с.284).

Существует мнение, что именно образ исполинского мамонта лег в основу якутской легенды о Быке Зимы – огромном быке «с голубыми пятнами, громадными рогами и морозным дыханием» (Пестерев, 2000, с.35). Когда Бык

Зимы обходил свои владения, все в природе застывало и все живое страдало от жестокой стужи. И только в предпоследний день января прилетал с юга могучий орел и громким клетотом отгонял Быка все дальше на север, и он, теряя поочередно рога, к весне и вовсе испускал дух. В ледоход туловище Быка Зимы плыло вниз по Лене в Ледовитый океан, унося в царство вечной зимы души умерших за зиму людей. В.И. Пестерев (2000) на основании якутских легенд делает вывод, что ассоциации людей самого сурового времени года, мороза и холода с чудовищным быком могли возникнуть под впечатлением находок бивней мамонта, которых в старину воспринимали как рога «водяного быка» – «*Уу-огуһа*», что отразилось и на эпосе народа саха – *Олонхо*, недавно причисленного к шедеврам устного и нематериального наследия ЮНЕСКО. По якутскому эпосу *Олонхо*, чудовища – *абааһы*, живущие в «нижнем», подземном мире, «выезжают оттуда на быках и появляются обычно с севера». Согласно шаманским представлениям, север отождествляется с болезнями, напастями для человека: «источник всех болезней находится на севере, между средним и нижним миром» (Пестерев, 2000, с. 35).

Исследователь А.Е. Захарова (2005) подчеркивала, что в образе данного создания (Быка Зимы) четко прорисовывается могучая туша мамонта, и обращает внимание на то, что якуты относились к нему со страхом и почтением: если в якутской мифологии все *иччи* (природные духи) имеют человеческую ипостась и могут вступать в контакт с людьми, то страшный мамонт людей игнорирует, и люди даже не смеют привлекать к себе его внимания, устраивая обряды в честь мамонта-быка, принося ему жертвы, взывая к нему. Фактически мамонт – единственное создание в мифологических верованиях древних якутов, которое, образно говоря, «инертно», т.е. по принципу «не тронь лихо, пока оно тихо» (Захарова, 2005, с. 4). Общаться с мамонтами, не боясь кары, могли лишь только шаманы, да и то не все. К примеру, черные шаманы, даже самые сильные не могли тревожить дух мамонта своими призывами. Только белые шаманы, занимавшиеся

отправлением ритуалов во славу небожителей и защищенные благодатью *айыы* (добрых божеств по якутской мифологии) могли прибегнуть к заступничеству мамонтов. По А.Е. Захаровой (2005), со слов И.А. Суздalова – Сапалаай, *айыы ойууна* (белые шаманы) могли призывать своих особых зверей-помощников, которым доверяли хранить свою душу. Звали такого зверя *Ийэ-кыыл* (мать-зверь). В описаниях Сапалаая, *Ийэ-кыыл* – создание, практически не отличимое от *Уу огуһа*. Возможно, речь идет о женском обличе одного и того же персонажа. Заручившись поддержкой *Ийэ-кыыла*, белый шаман доверял ему самое ценное, что у него есть – часть триединой души. Древние якуты считали, что у человека душа состоит из трех частей: *ийэ-кут* (мать-душа), *буор-кут* (земля-душа) и *салгын-кут* (воздух-душа). Мамонт становился хранителем главной составляющей триединой души – *ийэ-кут* – материнской души, которая под покровительством могущественного создания могла путешествовать во всех трех мирах («нижнем», «срединном» и «верхнем»), приняв силу и форму своего духа-хранителя.

По всей Сибири вплоть до Берингова пролива бытовали предания о косматых подземных исполинах. Вот как об этом писал патриарх российской палеонтологии Н.К. Верещагин в 2002 году: «Туземцы северной Сибири исторической эпохи, кочуя по рекам, наблюдали вытаивание из мерзлого грунта берегов костей, бивней, а иногда и целых трупов мамонтов. Так возникали наивные представления о мамонте, как о гигантской крысе, живущей под землей, после прохода которой земля проседает рвами и ямами, а само животное погибает, как только коснется воздуха <...>. Естественно, что и представления европейцев о мамонте рождались на основе сибирских рассказов, сочинений, небылиц и легенд» (Верещагин, 2002, с.175).

Наиболее полную картину названий, легенд, верований о мамонте у коренных народов Сибири дает С.В. Иванов в труде «Мамонт в искусстве народов Сибири» (1946). Ненцы считали его *Ja-hora* «земляной бык» («*Ja*»-земля, «*hora*» – самец), который жил прежде на земле, потом ушел под землю. Некоторые ненцы даже уверяли, что слышали его рев из-под земли. Там, где

он ступал, образовывались реки и озера, где рыл землю – появились сопки и горы, появились овраги. Жители Васюганья представляли себе мамонта страшным подземным чудовищем, которое в начале жизни имело облик лося, затем уходило под землю или воду, там перерождалось и видоизменялось. Селькупы различали два вида мамонтов: *сурп-козар* – «зверь-мамонт» в образе лося, в старости превращался в мамонта, вместо рогов вырастали клыки, которыми он разрывал берега рек, живя как на суше, так и под водой, и *кволи-козар* «рыба-мамонт», в образе щуки, после ста жизни она принимала огромные размеры и переселялась в глубокие озера. Манси называли мамонта *ма-хар* («земляной бык»), но также по их представлениям были и другие существа, близкие к мамонту, такие как *аньтэн-сорт* – огромное рогатое существо похожее на щуку и наделенное рогами лося и *виткац* – существо, ведущее свой род от лося или медведя, с длинными рогами и рыбьим хвостом. Представления хантов о мамонте были сходны с манси: *мы-хор* или *мы-кар* «земляной бык» – это «громадные рогатые щуки, обросшие шерстью», или же подземные животные, от затеянной меж собой борьбы которых «лед в озерах ломался со страшным треском» (Иванов, 1946, с.136). У северобайкальских эвенков мамонт представляется в образе «большой рогатой рыбы, живущей в море», в других – «полурыба-полужверь, имевший голову сохатого, а хвост и туловище рыбы». А енисейские эвенки считали, что мамонт-*сели* – вредное животное, обитающее на земле и преимущественно живет около Ледовитого океана, «проходя по земле оставляет тропы, а на месте отдыха – озера» (Иванов, 1946, с.136). На основе этих данных можно сделать вывод, что в фольклоре, мифах и преданиях коренных народов Севера образ мамонта приобретал порой причудливые формы, принимая черты современных животных, но неизменно представлялся существом огромных размеров, неразрывно связанным с земной и водной стихиями.

У коренных малочисленных народов Якутии образ мамонта был гораздо глубже вплетен в культуру, предания и верования. Легенды и мифы

юкагиров¹, которых первый юкагирский писатель, первый ученый из коренных народов Северной Азии, общественный деятель Н.И. Спиридонов - Тэки Одулок, охарактеризовал как «один из самых древних и загадочных народов Северной Азии, совершенно до сих пор не изученных» – позволяют предположить, что этот народ сохранил память о тех временах, когда мамонты бродили по бескрайним просторам тундростепей, расстилавшихся на территории современной арктической Якутии (Курилов, 1999, с.7; Жукова, 2008). Известный исследователь Севера, этнограф В.И. Иохельсон записал предания о многочисленности юкагиров в былые времена: «Юкагирских огней так много как звезд на небосклоне в ясную ночь. Перелетные птицы исчезали в дыму юкагирских очагов, и северное сияние было отражением их многочисленных костров» (Иохельсон, 1898, с. 34). На основании изучения юкагирского языка, исследователь этого малочисленного народа Н.Н. Курилов (1999) делает вывод, что древность юкагирской общности может подтвердить название животного, известного как мамонт. По-юкагирски – *холгол*, *хойгол* (тундренный диалект); или *холгут*, *хойгут* (колымский диалект). Предположительно, 30 000 – 20 000 лет назад появились такие понятия как духи и души, колдуны и шаманы и с этого момента у праюкагиров появился верховный бог – *Хойл* (тундренный диалект). Вероятно, мамонт для юкагиров был священным животным, самым сильным и мощным, царем животного царства. До исчезновения мамонта они преклонялись перед его именем – *холг*, или *холгх*. Такое явление наблюдается сегодня в отношении к медведю, когда запрещено произносить настоящее название зверя, его переименовывают: *хайче* – «дедушка», *чамуруун* – «большущий», *ахчагуодьэ хайчиэ* – «босой дедушка», у якутов – *тыатаагы* – «обитатель леса», *эсэкээн* – «дедушка». Таким образом, после исчезновения мамонтов около 10–12 тысяч лет назад, возможно, по причине табу – запрета говорить настоящее имя зверя добавили окончание *ал*

---

¹ Юкагиры – коренной малочисленный народ Якутии – по данным переписи 2002 года численность их составила 1097 человек. Несколько больших родов юкагирских племен застали русские землепроходцы в начале XVII века на обширных пространствах от устья р. Лены до среднего течения р. Анадырь.

(*айл, ай, ол, ул, юл, ыл*) – «внизу», «низ», «смерть», «тьень». Это преклонение впоследствии превратилось в запрет возить мамонтовый бивень, однако, если бивень находили в местах стоянки, «из него делали поделки: пуговицы и прочее» (Курилов, 1999, с.17).

В.И. Иохельсон, касаясь шаманских верований, писал: «...интересно, что в шаманском культе древнего населения края дух мамонта и теперь сохранился. В юкагирских текстах мы встречаем в числе шаманских духов *холгут айби*, т.е. дух, тень или душа мамонта (*холгут* – мамонт, *айби* – тень), и шаман, повелевавший таким духом, считался самым могущественным. Эта наша вещественная земля не могла носить на себе плоти мамонта, но в не материальном царстве теней дух его витает свободно» (Иохельсон, 1898, с.34). По шаманским преданиям, мамонт у юкагиров рассматривался как один из сильнейших духов-помощников шамана. В связи с этим, В.И. Иохельсон задается вопросом: не указывает ли роль мамонта в шаманском культе на «одновременную жизнь этого животного с отдаленными предками первобытного населения края?» (Иохельсон, 1898, с.34). Примечательно и другое название мамонта, *лауйэн кэрэвэ* – «водяная корова». По мнению Н.Н. Курилова (1999), вместо слова *кэрэвэ* – «корова», видимо, существовало другое слово, близкое к *кэрэвэ*, и этим словом могло быть *керел* – «черт», «дьявол» по юкагирско-русскому словарю (Курилов, 1990, с. 204), а в быту, особенно в сказках, означающее понятие «чудовище, страшилище». Значение *лауйэн кэрэвэ* – «водяная корова» могло быть отголоском древних сказаний о мамонтах или что-то в этом роде, так как торчащие два рога коровы похожи на маленькие бивни, что вызвало переполох – мысли о воскрешении из царства смерти, тени – *ал*. Такой же намек имеется в фольклорном материале В.И. Иохельсона (1900). Слово же *Хойл* осталось как память о гигантах и стал означать в памяти предков юкагиров те далекие времена, когда мамонт означал изобилие мяса, благоденствие (Курилов, 1999, с.18).

В.И. Иохельсон (1898) приводит распространенное среди инородцев края «любопытное» предание «с небольшой примесью библейского

элемента заимствованного от русских» (Иохельсон, 1898, с.106), касающееся вопросов древнего местопребывания, образа жизни, гибели и сохранения трупов мамонтов. В предании мамонту вменяется «истребление» лесов ввиду непомерного аппетита, «перемалывая» своими широкими коренными зубами толстые лиственницы и их стволы «как орехи», что привело к отсутствию в тундре древесной растительности. При этом, по преданию, мамонт был «ошибочным, неудачным творением. Дух-архитектор создал его не сообразуясь ни с размерами, ни с плотностью, ни с ресурсами нашей планеты» (Иохельсон, 1898, с.106). Значительная часть неровностей земли связывалась именно с тяжестью мамонта, продавливающего землю, а реки – это следы его троп. В болотистых местах и рыхлой почве, он «совершенно исчезал под землю, зимой в таком виде замерзал и над ним образовались озера». Причиной гибели же мамонта в предании называется все же «катастрофа всемирного потопа». Когда один из отобранной пары мамонтов поставил переднюю ногу на край ковчега, то чуть не опрокинул его. Ной, дабы не потопить свое судно, видя, что невозможно сохранить это животное, оттолкнулся от него (Иохельсон, 1898, с.106). Другой исследователь, А.Ф. Миддендорф в своих трудах приводит это же предание: «Мамонт оказался слишком великим для Ноева ковчега и, не уместаясь, погиб в потоках воды» (Миддендорф, 1868, с.301). В дополнение к вышесказанному, исследователь Арктики В.Л. Иванов, автор книги «Архипелаг двух морей» (1979), утверждает, что спутник барона Э.В. Толля, эвен Джергели, тоже был убежден, что Ной «построил слишком маленький ковчег, что мамонты не поместились в нем, долго плыли за ковчегом, пока не выбились из сил и не потонули» (Иванов, 1979, с.107).

Существующие в данное время среди коренного населения Якутии легенды, предания и верования о мамонтах свидетельствуют в основном о связи мамонтов с подземным, «нижним» миром, где по якутской мифологии, живут злые духи – *абааһы*, которые строят козни людям «срединного» мира, от них же исходят все беды людей и смерть. Вследствие этого и отношение к

вымершему исполину до недавнего времени было совершенно другим. Одно из самых крепких поверий, которое якуты, возможно, переняли от эвенков, свидетельствует о том, что человек нашедший тушу мамонта, обречен. Мамонт не терпит свидетелей собственного бессилия и гибели (он выходит на поверхность только умирать), поэтому его дух мстит и после смерти. Из поколения в поколение передавались предания о «проклятье мамонтов». Якобы находка туши мамонта, нарушение его последнего сна приводит к вымиранию семьи и даже целого селенья (Миддендорф, 1868; Витсен, 2010; Пфиценмайер, 1939). До сих пор представители старшего поколения многих северных районов Якутии весьма неохотно рассказывают о подобных находках, боясь навлечь беду.

Неразрывная связь мамонта с подземным – «нижним» миром, породила у жителей Якутии массу суеверий и предрассудков. В.Х. Иванов (1979) приводит сведения П.Б. Слепцова, изучавшего быт и этнографию жителей Севера Якутии в 20-х гг. XX века. Он отмечал, что якуты «считают мамонта богатством духа земли и, найдя бивень, вместо него закапывают в землю что-нибудь взамен. Если найдут маленький бивень, то зарывают деньги, тряпки, взамен более крупного убивают оленя и на то место, где лежал бивень, заливают свежую кровь, а мясо едят сами: когда найдут большой бивень, то на его место закапывают целиком целого оленя» (Иванов, 1979, с.14). В усть-янской тундре (записано мной – Ф.С.), перед дальней дорогой, в незнакомые места, совершали традиционные обряды, «кормили» огонь, брали с собой «*сир бэлэгэ*» – «дар земле»: разноцветные лоскутки материи, конский волос, бисер. В старину, в приморских тундровых районах Якутии, в качестве преподношения духам земли использовали головную часть шкурки зайца, кукушу (желательно не стреляную, без крови – попавшую в силки) и приговаривали, когда задабривали духов: «Этого у тебя нет, будь милостив к нам, не препятствуй, дай здоровья, крепости духа».

А.Ф. Миддендорф (1868) отметил, что тунгус Шумахов нашедший мамонта Адамса (1799) «<...> впал в тоску, даже в болезнь, по следующей

причине <...> Старики нашего рода сказывали <...>, что они слышали от отцов, как появилось такое чудовище на их полуострове и как семья тогда нашедшего это чудовище, в короткое время вся вымерла» (М. Ванхоннекер, рукопись, 2015). Градоначальник Амстердама Н. Витсен отмечал, что «видят его (мамонта) редко, и если видят, то это к большому несчастью» (Витсен, 2010, с.742). Е.В. Пфиценмайер (1939) также упоминает об опасениях и страхе местного населения в связи с обнаружением в 1900 году туши Березовского мамонта. В романе известного эвенского писателя Платона Ламутского «*Сир иччитэ*» («Дух земли») (1987) подробно описывается отношение сородичей к Маркани – прототипу эвена Семена Тарабыкина, автора находки Березовского мамонта (1900), – который, по их мнению, своей находкой навлек беду и несчастья на соплеменников. Все невзгоды, бедствия навалившиеся на род, связывали именно с находкой мамонта. В дальнейшем, понятие «проклятье мамонтов» и случаи, связанные с несчастными находками туш мамонтов незримо присутствовали в умах жителей Якутии, особенно в северных районах. Наиболее наглядным отображением этого стала неожиданная смерть за короткое время от тяжелой болезни автора находок Тирехтяхского мамонта (1970) и Мылахчинского бизона (1971) Х.М. Стручкова, что дало повод снова заговорить о «проклятье мамонтов». В книге «Исполины ледникового периода» говорится: «Он был полон желания помочь науке новыми находками скелетов исполинов ледникового периода, но рано умер от болезни» (Гурьев и др., 2011, с. 23). Домыслы доходили вплоть до того, что сын и дочь, ошарашенные быстрой кончиной крепкого, здорового отца, вернули властям денежную премию в размере 700 рублей, врученную ему решением Президиума Якутского филиала СО АН СССР, лишь бы болезнь не тронула их. Позже все это оказалось досужим вымыслом, но в народе «осадок» о возможной взаимосвязи этих событий остался.

1.3. Открытие мамонтовой фауны на Новосибирских островах

«А Якольская, государь, земля велика, и людна, и конна», – так описывали московскому царю Михаилу Федоровичу казаки вновь открытую ими страну в письме, датированном 1634 годом. Продвижение русских в Сибирь в XVI–XVII вв. завершилась присоединением обширных территорий к Русскому государству на Северо-Востоке Азии. В 1632 году енисейский стрелецкий сотник Петр Бекетов основал на Лене острог (ныне г. Якутск), который становится опорным пунктом, откуда отправлялись в различные районы Якутии для сбора ясака, попутно доставлявшие сведения дотоле неизведанных землях, закрепляясь там, ставя острожки и зимовья. По неведомым рекам и выучным тропам прорвалась «встречь солнцу» целая плеяда великих землепроходцев XVII века: Пантелей Пянда, Петр Бекетов, Иван Ребров, Иван Галкин, Михаил Стадухин, Семен Дежнев, Юрий Москвитин, Василий Поярков, Ерофей Хабаров, Владимир Атласов. Позже изучением «Якольской земли», занимались известные путешественники, возглавлявшие отряды и целые экспедиции: Витус Беринг, Дмитрий и Харитон Лаптевы, И.И. Биллингс, М.М. Геденштром, П.Ф. Анжу, Ф.П. Врангель, Ричард Маак, Э.В. Толль, И.Д. Черский, Г.Я. Седов и другие (Федоров, 2017, с.147). Имевшие только весельные и парусные деревянные суда, русские землепроходцы использовали в основном водные пути в теплое время года. Кроме дорожной «инфраструктуры» вокруг селений, были, видимо, пути сообщения с дальними родами – улусами, которых к приходу русских насчитывалось более тридцати (Федоров, 2003, с.5; Андросов, 2012, с.13). Скорее всего, такая достаточно хорошо разветвленная сеть конных дорог и троп и позволила русским землепроходцам всего за каких-то несколько лет добраться до крайнего северо-востока Якутии и сопредельных территорий, до самых дальних якутских, тунгусских, юкагирских поселений, а также выйти на побережье Тихого океана.

В дальнейшем Якутск превращается в военный, административный и культурный центр всего Северо-Востока Азии. В «Летописи города Якутска от основания до настоящего времени (1632–1800 гг.)» П.П. Явловского написанного им в конце XIX-в начале XX вв., упоминание о «мамонтровой кости» появляется в описании событий 1760 года: «Осенью, с прибытием устьянских купцов, воеводской канцелярией получено известие, что острова, виденные Яковом Пермяковым² против мыса Святой Нос, действительно существуют. Устьянский якут Этерикан³, желая проверить не умолкавшие слухи о существовании этих островов, в 1759 г. предпринял поездку на север от материка по направлению к предполагаемым островам. Предприятие его увенчалось успехом: он побывал на ближайшем острове, который и получил название Этериканского, или Атриканского, официально замененного нынешним названием. Весть об этом острове, весьма богатом мамонтровой костью, взбудоражило всех якутских промышленников» (Явловский, 2002, с.152).

В поисках новых территорий, богатых пушным зверем и мамонтровой костью, якутские промышленники часто посещали побережье Северного Ледовитого океана. Как правило, они шли по следам песцов и диких оленей, нередко проникая далеко на север, открывали там острова и посещали их в надежде на хороший промысел. Возможно, любознательные промышленники наблюдали и за перелетными птицами, в массовом количестве гнездящимися на островах и совершавшими сезонные миграции с юга на север и обратно. Знаменитый полярный исследователь А. Норденшельд в 1787 г., наблюдая за осенней миграцией перелетных птиц с севера на юг на мысу Челюскина предположил, что к северу от мыса располагается какая-то земля (впоследствии,

---

² Пермяков Яков (ум.1712 г.) – якутский казак, мореход и промышленник, внук землепроходца Ивана Реброва. Открыл вместе с М.Вагиным Ляховские острова в Северном Ледовитом океане. В 1710 г., плавая от Лены к Колыме, видел в море два острова: один - против Святого Носа (Большой Ляховский), другой – против устья Колымы (один из Медвежьих островов) (Мостахов, 1982).

³ Этерикан (Этерикэн) – бывалый промышленник, по одним данным, по И.П. Магидович (Попов Н.И.- Кюндюлюн, 2015) – родом с низовьев р. Лены, по Ф.П. Врангелю и С.В. Бахрушину - из Усть-Янска (Мостахов, 2013).

спустя 35 лет, там была открыта Северная Земля) (Карелин, 1946, с.106). Первым из тех, чье имя известно как первооткрывателя южной группы островов (Ляховских) Новосибирского архипелага, считается ламут⁴ Этэрикэн. В 1759 году Этэрикэн открыл на острове Ближнем (Большой Ляховский) залежи мамонтовых бивней, а, перейдя неширокий пролив, первым посетил лежащий дальше к северу остров Малый (Мостахов, 2013). Открытие островов, богатых мамонтовой костью, высоко оценивалось современниками отважного промышленника. В 1760-х гг. остров Ближний назывался островом Этэрикэна, но позднее, по указу Екатерины II, этот остров и лежащий за ним были наименованы Малым и Большим Ляховскими в честь якутского промышленника Ивана Ляхова, занявшегося спустя десять лет (в 1770 г.) сбором мамонтовых бивней и промыслом песцов на этих островах. Ф.П. Врангель (1841) отмечал, что об открытии острова Этэрикэном упоминалось впервые в «Сибирском Вестнике» Г. Спасского в 1823 г. и в «Хронологической истории» В.Н. Берха (1821–1823 гг.).

Краевед Н.И. Попов-Кюндюлюн в своей книге «Усуяана тюнг былыргыта» (2015, на якутском языке) приводит легенды и предания по истории Усть-Янского улуса, дошедшие до наших дней. Некоторые из них касаются легендарного Этэрикэна и впервые переведены диссертантом на русский язык: «Однажды, братья Этэрикэны охотились на островах Ледовитого моря, добывая пропитание охотой, промысляя песца и собирая бивень мамонта, <...> пока родные братья не перессорились из-за Мокуруусы, в итоге разошлись на три стороны. Младший Этэрикэн подался строго на север и открыл там новые острова, чрезвычайно богатые дичью и мамонтовым бивнем. Загрузившись большим количеством бивня и шкурками песца, он достиг устья Лены водным путем» (Попов-Кюндюлюн, 2015, с.34) (перевод мой – Ф.С.).

Эту старинную ламутскую (эвенскую) легенду, в несколько иной интерпретации, приводит и известный полярник Н.В. Пинегин, руководивший в

---

⁴ Ламут (ломуты, ломутки) – устаревшее название тунгусоязычной народности эвенов до 1931 г., когда их официально стали называть по самоназванию. В данное время проживают преимущественно к востоку от нижнего течения р.Лены в Республике Саха (Якутия), в Магаданской области и Хабаровском крае.

1927-1930 гг. Полярной геофизической станцией АН СССР на о. Б. Ляховском. Согласно легенде, однажды на этом острове летовали ламуты – братья Этэрикэны и жена одного из них Макруша (Мокуруша), но потом братья поссорились из-за нее и убили друг друга (Полярная геофизическая <...>, 1932).

Однако версия этой легенды о двойном убийстве опровергается следующей легендой об Этэрикэне, записанной Н.И. Поповым-Кюндюлюн (2015) (перевод мой – Ф.С.): «К постаревшему Этэрикэну, не знавшему в молодости равных себе в преследовании дичи, удачливому промышленнику и охотнику, наведаясь богатый купец Иван Ляхов. Он специально приехал к нему с множеством товара, разнообразным оружием и приспособлениями для охоты. Как водится, подарил он Этэрикэна разными подарками, накормил его водкой огненной. Обрадованный и вконец одурманенный старик Этэрикэн рассказал купцу ту великую тайну, которую он доселе никому не говорил: «Если отсюда идти строго на север есть особые, большие и широкие земли, чрезвычайно богатые зверем и пушниной, где скопления бивня мамонта напоминают завалы леса». Купец Ляхов услышав такую весть, долго не думая, сразу направился к тем местам, куда указал старик Этэрикэн и нашел эти острова». Память об Этэрикэне сохранилась и в усть-янской тундре. На северо-западе отс. Юкагир есть приметный большой холм – *Этэрикэн булгуньяга* (холм Этэрикэна), на обогреваемой солнцем южной стороне которого, по преданию, в полуземлянке и жил Этэрикэн, добывая пропитание рыбалкой и охотой (Попов-Кюндюлюн, 2015, с.35). Признавая заслуги Этэрикэна в открытии новых островов, известный исследователь Новосибирских островов К.А. Воллосович в 1909 году нанес на карту название «Пролив Этерикэн» – пролив между островами Большим и Малым Ляховским, затем были наименованы речки Большой и Малый Этэрикэн и речка Мокуруша на о. Большой Ляховский (Карелин, 1946, с.12).

Открытие двух островов Новосибирского архипелага отражено в «Летописи города Якутска <...>» (Явловский, 2002) в числе важных событий 1770 года: «Осенью поступило в воеводскую канцелярию донесение якутского

промышленника Ивана Ляхова об открытии им в марте против мыса Святой Нос двух островов» (Явловский, 2002, с.168).

В донесении говорилось о том, что купец Иван Ляхов и «его товарищ Протодьяконов», промышляя песка в марте 1770 г., обратили внимание на то, что с севера на юг по льду моря переправляется «многочисленное стадо оленей». Решив выяснить, откуда они могли идти, Ляхов поехал на нарте по их следам в обратном направлении и в 70-ти верстах от материка вышел на остров, еще 10 лет посещенный Этэрикэном. На следующий день, углубившись к северу еще 20 верст, Ляхов посетил второй остров (ныне Малый Ляховский): «Около полудня он приехал ко второму острову. Видя, что следы и тут еще шли с севера, он снова отправился по ним, но вскоре попал в торосы и принужден был возвратиться на материк» (Явловский, 2002, с.168). Как оказалось позднее, оба эти острова были очень богаты мамонтовой костью и песцами.

По данным В.М. Пасецкого (1964), в своей челобитной, адресованной якутскому начальству, И. Ляхов сообщал о природе посещенных им островов и просил закрепить за ним для промысла как эти острова, так и те, которые он может открыть в дальнейшем. Когда Екатерина II получила донесение Якутской воеводской канцелярии об этом открытии якутского промышленника, то «приказала назвать новые острова Большим и Малым Ляховскими, а самому Ляхову предоставила исключительное право промысла на землях, открытых им, и тех, которые он, возможно, откроет в будущем» (Пасецкий, 1964, с.60). Позже, Иван Ляхов, летом 1773 года, вторично направился на острова, названные его именем, на лодке, вместе с ним «якутский купец Протодьяконов и 5 якутов-гребцов» (Пасецкий, 1964, с.60). С о. Малый Ляховский в солнечный день они увидели вдали что-то похожее на землю. Подплыв к нему, они действительно увидели гористый остров, на котором один из промышленников нашел старинный медный котел. Впоследствии, остров был назван Котельным. Это остров тоже оказался богат мамонтовой костью. Действительно, воочию, только в летнее время можно

обозревать и находить бивни мамонта, когда земля не покрыта снегом. Промышленник И. Протодяконов сообщал, что на первом острове (на о. Б. Ляховском) «мамонтовых костей находили в нем такое количество, что, казалось, весь остров состоит из них» (Карелин, 1946, с.50). Промышленники отмечали любопытный факт: на Новосибирских островах кость попадает «помельче, но посвежее, в ней мало трещин и черноты, видом она побелее» (Карелин, 1946, с.50). Видимые отличия порождали суждения о том, что на островах, возможно, мамонты вымерли позже, чем на материке. Эти предположения подтвердились исследованиями С.Л. Вартаняна впервые обнаружившего в 1993 году на о-ве Врангеля на Чукотском море кости карликовых мамонтов, обитавших 3700 лет назад (Аверьянов и др., 1995). В 2014 году это открытие было названо РИА «Новости» одним из десяти важнейших открытий российских учёных за 20 лет.

В «Летописи <...>» (Явловский, 2002) записаны события за 1775 г.: «В начале марта по распоряжению администрации отправлен на побережье Ледовитого океана якутский землемер Хвойнов» в сопровождении самого Ляхова. Несомненно, что успешная деятельность компании Ляхова и значительные таможенные сборы привлекли внимание правительства. Им было поручено объехать и описать «большую землю» (Ляховские острова) к северу от Святого Носа, виденную Пермяковым и другими в 1710 г. и посещенную Этериканом в 1759 г., М. Вагиным в 1712 г., Иваном Ляховым в 1770 г.» (Явловский, 2002, с.171). Также им следовало проследить за приемом в казну 1/10 части добытой мамонтовой кости и песцов, попытаться обнаружить новые острова и места для промысла, однако вследствие «худой погоды и недостатка корма для собак поездки на другой остров не было и он возвратился в Якутск» (Явловский, 2002, с.171). Именно с имен первых якутских промышленников Этэрикэна, Ивана Ляхова, с открытием южных островов Новосибирского архипелага, богатых остатками мамонтовой фауны и мамонтовым бивнем и начинается один из ранних этапов изучения млекопитающих четвертичного периода.

Глава II. Изучение мамонтовой фауны Якутии в конце XVIII – первой половине XIX вв.

2.1. Первые находки мамонтов в Сибири

Самые ранние, правда косвенные, сведения о находках мамонтов в Сибири дошли до европейцев уже в XVII веке. Впервые термин «*maimanto*» приводится Ричардом Джемсом в Русско-английском словаре-дневнике (Джемс Ричард, 1959), написанном во время его дипломатического путешествия по России 1618-1619 гг. В брошюре В.Т. Илларионова «Мамонт. К истории его изучения в СССР» (1940) указывается, что первое в европейской литературе упоминание о сибирском мамонте принадлежит дипломату-путешественнику Сигизмунду Герберштейну, посетившему Россию в 1517-1526 годах. Сохранилась грамота от царя Алексея Михайловича якутскому воеводе Михаилу Лодыженскому, датированная 16 июня 1652 года: «<...> как-де ходили с Ковымы реки служилые люди Михалка Стадухин с товарищи на новую Почичю реку, и они-де ту кость собирали на берегу, а лежит-де тут на берегу заморская кость многая, мочно-де той кости нагрузить многие суды<...>». И далее: «<...> и те будут служилые люди учнут на море находить рыбью кость большую или малую: и вы б тое рыбью кость велели имать и привозити к себе в Якуцкой, а из Якуцкого присылали к нам к Москве с нашею соболиною казною вместе» (Иванов, 1979, с.107). Несомненно, «служилые люди» еще не различали мамонтовый бивень и моржовые клыки, именуя и те и другие «рыбьей костью». Голландец Николас Витсен, градоначальник Амстердама, в своих дневниковых записях «Путешествие в Московию (1664–1665)» и в труде «Северная и восточная Татария» (Witsen, 1692) (на старых картах Сибирь обычно называлась Татарией), тоже приводит термины «*tamyt*» или «*tamtona*», которыми в России названы эти животные. Он сообщал, что в Сибири находят целые туши мамонтов: «Они говорят (русские), что он живет под землей и что иногда ломает там свои рога. Считают, что эти рога и есть (находимые) клыки. Воды, когда он через них

проходит, расступаются; говорят, он издает ужасную вонь <...>). Он темно-коричневого цвета, хвост как у лошади, ноги короткие» (Витсен, 2010, с.742). Опубликованы они были на староголландском языке и особого распространения не получили. Этот пробел попытался восполнить в наши дни аспирант из Бельгии М. Vanhonnaeker (Ванхоннекер, рукопись, 2015), который перевел первоисточники и интерпретировал записки Н. Витсена. Примечательно, что Витсен никогда не путешествовал дальше Москвы: источниками служили рассказы и беседы с представителями разных народов обитающих на севере и востоке России, а также обширная переписка с путешественниками и учеными того времени. К примеру, сказки и устные рассказы якутского пятидесятника Владимира Атласова побывавшего на Камчатке в 1697-1699 гг. произвели большое впечатление не только в Якутске, но в Москве (Явловский, 2002, с.70). Голландский купец А.А. Виниус, живший в России, передал их текст своему амстердамскому другу Николасу Витсену. Последний перевел их и внес дополнения во второе издание своей книги «Северная и Восточная Татария», опубликованной в Амстердаме в 1705 году. Четверть века спустя они были опубликованы в другой редакции Ф.И. Таббертом (Страленбергом)⁵ в Швеции (Лекай, 2005, с.4). Табберт в своей работе «Историко-географическое описание северной и восточной частей Европы и Азии» (Strahlenberg, Philippe Johann, 1730), изданной в Стокгольме в 1730 году впервые дает разновидности терминов употребляемых для именованя мамонта у разных народов: остяки-самоеды с р. Оби называют его *Kosar*, а татары – *Khir*. Однако более достоверные сведения о мамонтах приводит Эверт Избрандт Идес, который по указу Петра I возглавил русское посольство в Китае при правлении Императора Кан-Си и, следовательно, они имеют прямое отношение к России и российской науке эпохи Петра I. Он в своей книге «Путешествие и журнал по указу Великих Государе<...>»

---

⁵ Филипп Иоанн Табберт (Страленберг) - швед, захваченный в плен русскими после Полтавской битвы и сосланный в Сибирь, автор книги «Историко-географическое описание северной и восточной частей Европы и Азии» (1730). В 1721-1722 гг. был ассистентом немецкого врача и натуралиста Д.Г. Мессершмидта.

(Избраннедес, Эбергард, 1798) приводит термин «*mammut*» использованный язычниками, «такими как Якуты, Тунгусы и Остяки» (Лазарев и др., 2004, с.73). В своем путешествии по Сибири, кроме этнографических, натуралистических и других данных, Идес написал подробную справку о встрече с охотником, промышлявшим мамонтовой костью, который ему сообщил, что как то он «целую голову мамонтову нашел, токмо де мясо на оны уже гнилое было <...>, а кость шейная еще крововая была <...>» (Избраннедес, Эбергард, 1798), а хорошо сохранившуюся ногу охотник привез в г. Туруханск. Но, к сожалению, место находки этого мамонта так и осталось неизвестным, предположительно, он был найден где-то в низовьях р. Енисей (Лазарев и др., 2004, с.73). По этому факту А.Ф. Миддендорф (1869) подчеркивает, что именно Эверт Избрандт Идес первым сообщил о реальном существовании этого зверя. Хотя, безусловно, китайские источники упоминают об обнаружении туш мамонта и до Идеса, в частности, в древней маньчжурской рукописи: «Зверь *Tien-schu* водится только в холодных регионах, на реке *Tai-tunn-giann* и дальше к северу в сторону Ледовитого океана. Этот зверь похож на мышь, но ростом со слона, ненавидит свет и живет в темных пещерах <...>, его мясо холодное и очень здоровое» и в нескольких других рукописях (Лазарев и др., 2004, с.74). Первые попытки научного обобщения сведений о «звере мамонте» принадлежат русскому общественному и научному деятелю В.Н. Татищеву (1686-1750) (рис.1). По указу Петра I в 1720 г. он был направлен в Сибирь «для взыскания рудных мест, размножения промыслов и устройства заводов», «где обыщутся удобные места, построить заводы и из руд серебро и медь плавить» (Лазарев и др., 2004, с.74). Татищев осмотрел несколько мест с костями мамонтов, включая их бивни («клыки»), а также костный материал других животных мамонтовой фауны. Он привел в своем знаменитом письме «Сказание о звере мамонте» к Эрику Бэнзэлусу, основателю Шведского Литературного Общества, опубликованной на латыни в 1725 и 1730 гг. описание внешнего вида мамонтов, образе жизни: «оной зверь <...> не может никогда на свет выттичь;

когда же так близко к поверхности приблизится, то воздух ощутит, то умрет», распространение их в «студенейших северных странах», причины вымирания животных мамонтового комплекса (Татищев, 1979, с.36). Эту статью ученые по праву считают первой работой, посвященной мамонту.

Рис.1. Государственный и научный деятель России В.Н. Татищев (1686-1750) Из книги «Якутский феномен – мир мамонтов», 2004, с. 75.

В это же время в Европу попадает одно из первых изображений животного привезенное из Сибири офицером Леонардом Каггом и представленного на собрание Шведского Литературного Общества 14 декабря 1722 году в Упсале. В описании рисунка было написано, что речь идет о животном, которого сибиряки называют *Mamont*. Рисунок (рис.2) Каггу передал Филипп Иоганн Табберт (Страленберг), но, к сожалению, автор рисунка остался неизвестным (Лазарев и др., 2004).

М.В. Ломоносов (1711–1765) в своем трактате «О слоях земных» указывает, что «мамонттовую кость по Сибири и в самой великой и малой России, так же и в Северных краях пустозерских в земле находят», и делает заключение, что эти находки есть «остаток животного, слонам во всем подобного или действительно из их роду» (Лазарев и др., 2004, с.75).

Безусловно, единичные находки остатков мамонтовой фауны происходили и ранее. В 1718 г. Петр I издал специальный правительственный указ о собирании для созданной им Кунсткамеры, соответствующей современному музею, «уродов» и «редкостей», в том числе костей и трупов мамонта и носорогов (Илларионов, 1940).

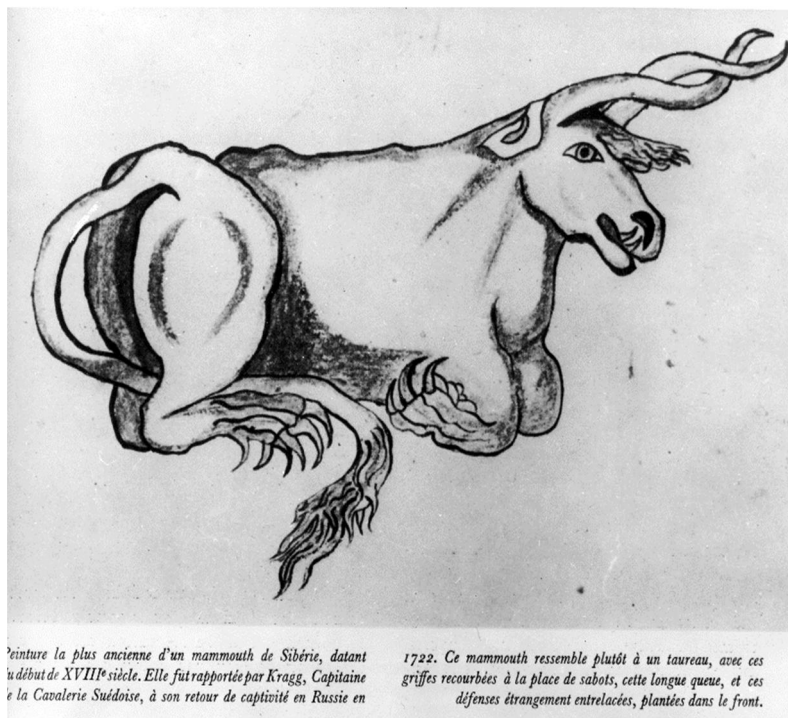

Рис.2. Одно из первых изображений животного, которого сибиряки называли «Маммонт». 1722 г. Из книги «Якутский феномен – мир мамонтов», 2004, с. 74.

В 1720 г. усилиями В.Н. Татищева были подготовлены указы Петра I по поиску полного скелета мамонта. По исследованиям С.Е. Мостахова (2013), уже в 1723 году усть-янский житель Спиридон Портнягин сообщает в Якутскую воеводскую канцелярию, что примерно в 200-верстах от Усть-янского зимовья, по дороге к Святому Носу, он нашел в торфяном болоте голову мамонта с одним рогом (бивнем), а недалеко от него – голову другого зверя, которая «хотя и походила на бычью, однако имела рога не на лбу, а на носу», по предположению Д.Н. Анучина (1879) – сибирского носорога (Мостахов, 2013, с.202).

Одним из первых ученых исследователей естественной истории Сибири стал немецко-российский подданный Даниил Готлиб Мессершмидт (1685–

1735), который по заданию Петра I в 1720–1727 гг. путешествовал по Сибири (до Забайкалья включительно). В своих заметках он упоминает о находке головы и других костей мамонта с остатками кожи и шерсти. По его сведениям, этот мамонт был найден приблизительно в 1724 году русским промышленником Василием Ерловым на восточном берегу реки Индигирка, недалеко от места впадения речки Волковой. Этот случай не остался незамеченным общественностью Якутска – данные о находке зафиксированы в списке важнейших событий за 1724 год в «Летописи города Якутска от основания до настоящего времени (1632-1800 гг.)» П.П. Явловского (2002). В то же время, в 1724 г. житель Индигирки Назар Колесов доставил в Якутскую канцелярию череп мамонта с «огромными бивнями и одним коренным зубом» (Мостахов, 2013, с. 202). В 1724 г. Д.Г. Мессершмидт зарисовал в Иркутске череп и кости мамонта с Индигирки. Сделанные им рисунки впоследствии были опубликованы в Англии в 1737 г. и использованы в 1796 г. знаменитым французским естествоиспытателем Ж. Кювье для доказательства того, что мамонт – вымерший слон (Тихонов и др., 2008). По нашему мнению, упомянутые выше две находки черепов с костями с Индигирки 1724 года, по всей вероятности, это и есть одна и та же находка, которую нашел «русский промышленник» Василий Ерлов, а доставлен в Якутск «жителем Индигирки» Назаром Колесовым. Несмотря на то, что только в 1733 г. для регулярной связи с центром, вызванного стремительным освоением новых территорий, выходит царский указ о учреждении постоянного почтового сообщения Москва-Тобольск-Якутск-Охотск-Камчатка, сообщение между Якутском и Иркутском существовало и до этого. Это был основной путь передвижения людей на восточные окраины Российской империи, по которому ездили тысячи людей: землепроходцы, купцы, казачьи отряды, путешественники и экспедиции. Вероятно, что череп мамонта с «огромными бивнями» был сначала доставлен с Индигирки в Якутск по санной дороге, а затем переправлен в том же году в Иркутск, там же его и зарисовал Д.Г. Мессершмидт.

В 1739 г. Харитон Лаптев во время плавания вдоль северных берегов Сибири к востоку от реки Лены видел остатки трупов мамонтов и носорогов по отмелям рек (Карелин, 1946, с.46). Любопытными якутскими промышленниками в 1742 году был привезен в Якутск найденный на берегу Ледовитого океана на р. Анабар рог «морского зверя»⁶: «белой кости прямой, витой, длиною дву аршин, пяти вершков, весом восемь фунтов без осмухи» (Явловский, 2002, с.139). Рог этот, как редкость, тогда же был отобран у промышленников и передан в марте 1747 г. в Императорскую Академию наук. Голова, лапы и часть кожи этого зверя, по требованию Сибирского приказа, в 1748 г. также поступили в число «редкостей» Академии. Возможно, именно с этих «редкостей» начинается централизация музейных экспонатов - доставка и хранение находок сделанных в Якутии в музеях и академических учреждениях центральной России.

В 1787 г. сообщение о находке полного трупа огромного мамонта, покрытого густой, длинной шерстью на береговом обрыве реки Алазея поступило от местных жителей. В сообщении говорилось, что на обрыве «мамонт стоит вертикально, свесив вниз длинный, как труба, хобот» (Мостахов, 2013, с.202). По свидетельству очевидцев, почти целый труп этого зверя был вымыт почти наполовину, покрыт кожей, на которой местами виднелась длинная шерсть. На наш взгляд, столь характерные детали (наличие длинной шерсти на коже, присутствие хобота, отсутствие внешних повреждений на туше) говорят о том, что, возможно, состояние мягких тканей мамонта было в исключительно хорошем состоянии. Наличие хобота свидетельствует о том, что его еще не успели обнаружить хищники, которые, как правило, выгрызают в первую очередь выступающие части тела. Об этой находке сообщили лейтенанту Г.А. Сарычеву (участнику Тихоокеанской экспедиции (1785-1794 гг.) под руководством И.И. Биллингса), который направлялся тогда в Среднеколымск. По утверждению Г.А. Сарычева (1952),

---

⁶ «Морской зверь» – нарвал или единорог из семейства дельфиновых, обитает в малодоступных местах морей Арктики.

рано наступившая зима помешала ему и его спутнику Г. Мерку добраться до места находки, и этот труп мамонта был безвозвратно потерян для науки.

2.2. Открытие на территории Якутии Вилюйского носорога (1771 г.) и мамонта Адамса (1799 г.)

Впервые хорошо сохранившиеся останки ископаемого животного – шерстистого носорога были найдены якутами – охотниками в декабре 1771 г. на берегу р. Вилюй. Эта находка шерстистого носорога с мягкими тканями описана в «Летописи <...>» в значимых событиях за 1772 г.: «Провезен зимою труп сибирского носорога, найденный в низовьях р. Вилюя. Отрубленные голова, одна передняя и обе задние ноги этой находки ныне находятся в Петербурге в музее Академии наук (рис.3). Они впервые были описаны Симоном Палласом⁷, видевшим их в Иркутске в 1772 г., затем академиком Брандтом, и, наконец, нашим ученым И. Черским» (Явловский, 2002, с.170).

Вот как описывал эту уникальную находку И.Д. Черский: «Верст за 40 выше Вилюйского зимовья, как говорилось в отношении, при котором доставлен этот остаток <...> может быть из-за того же Кентика, происходит и труп Палласовского носорога, найденный с сохранившимися мягкими частями, кожей и шерстью» (Черский, 1891, с. 47). Труп был сильно разложен, поэтому исправник Верхневиллюйского зимовья Иван Аргунов отчленил голову, кисть и стопу. Через якутскую канцелярию он переслал эти находки иркутскому генерал-губернатору Адаму Брилю. В Иркутске упомянутые фрагменты трупа носорога были переданы П.С. Палласу. По его распоряжению они были высушены в духовой печи, волосяной покров при этом сгорел, а кости обуглились. П.С. Паллас первым из ученых дал подробно описанному им виду вымершего носорога название *Rhinoceros lenensis*,

---

⁷ Петер Симон Паллас (1744-1811) – знаменитый немецкий и российский ученый – энциклопедист, естествоиспытатель, географ и путешественник XVIII-XIX вв., первооткрыватель шерстистого носорога.

подчеркивая этим многочисленность его в бассейне р. Лены. Однако данное И. Блюменбахом в 1799 году название *Rhinoceros antiquitatis* прочно закрепилось за шерстистым носорогом. В марте 1772 г. Паллас отправил находку в Санкт-Петербург, в Академию наук. Позднее, останки были описаны Ф.Ф. Брандтом и Л.И. Шренком.

Рис.3. Голова и ноги шерстистого носорога. Бассейн р. Вилюй. 1771 г. Фото из буклета ЗИН РАН: «Мамонты и мамонтовая фауна», 2012.

Начало представительной Петербургской коллекции рогов носорогов, находящейся в Зоологическом институте РАН, было положено академиком П.С. Палласом, который привез образцы рогов из Якутии в 60-х гг. XVIII века. Именно им было дано впервые описание рогов и высказана гипотеза, что эти рога принадлежат шерстистым носорогам, когда-то обитавших в тех местах и ныне вымершим (Паллас, 1769). Впоследствии, Зоологический институт АН СССР в Ленинграде и созданный в его музее «Мамонтовый зал» стал центром накопления всех материалов по ископаемым и современным хоботным, а также и другим животным четвертичного периода (Павловский, 1950; Гарутт и др., 1951, 1952).

В 1849 году российский академик Ф.Ф. Брандт (Brandt, 1849) опубликовал обширное описание этой коллекции останков шерстистого

носорога, хранящейся в Зоологическом институте Российской академии наук. При анализе морфологических деталей рогов шерстистого носорога из коллекции Ф.Ф. Брандт заключил, что «уплощенная с боков форма рогов есть результат мацерации, при котором боковые филаменты были отслоены. По его мнению, первоначально, рога шерстистого носорога были объемными» (Лазарев, 1998, с.101.), ссылаясь на рога носорогов из коллекции Зоологического института под номерами ЗИН 10.776, ЗИН 10.780, ЗИН 10.781., которые были привезены П. Палласом из Якутии. Как выяснилось позже, «здесь мы имеем досадную ошибку, которая больше века вводит исследователей в заблуждение» (Лазарев, 1998, с.102). Под этими номерами оказались рога современных форм африканских носорогов (белого широкомордого: ЗИН 10.780, ЗИН 10.781 и черного узкомордого: ЗИН 10.776) которые, вероятно, были привезены П. Палласом из Иркутска, куда они могли попасть из Китая с торговыми караванами. Как показали дальнейшие исследования более поздних находок рогов носорогов на примере Чурапчинского (1972), Мамонтовогорского (1976), Колымского (2007) носорогов, «уплощенность рога шерстистого носорога с боков – основная его морфологическая особенность» (Лазарев, 1998, с.103).

Ф.Ф. Брандт впервые исследовал под микроскопом кожу и ее эпидермис, рога, хрящ, мускулатуру, строение волосяного покрова головы Вилюйского носорога. Совместно с ботаником К.А. Майером им были исследованы остатки пищи Вилюйского носорога - в глубоких складках эмали коренных зубов набившиеся туда и сильно уплотненные частицы растений: «Остатки пищи, двукратно найденные уже в углублениях зубов вымершего носорога, - раз академиком Брандтом 1), а другой раз мною 2), приводят к убеждению, что животные эти, для поддержания своего бытия, довольствовались представителями той скудной флоры, которые и по настоящее время проникают внутрь полярного круга, да и сам факт сохранения мягких искомым членов постплиоценовой фауны говорил уже в пользу достаточной суровости климата, в котором они помирали» (Черский, 1891, с.620). Характер и

сохранность растительных остатков позволили академику Ф.Ф. Брандту [Brandt, 1877] предположить, что это именно остатки пищи подвергавшиеся длительной мацерации в ротовой полости, а не случайно попавшие туда части растений. При исследовании образцов, полученных из зубов мумифицированной головы носорога с Виллюя, Ф.Ф. Брандт установил «присутствие остатков хвойных плодов, а К.А. Майер нашел среди растительных остатков плоды эфедры (*Ephedra*), К.Е. Мерклин – веточки ивы (*Salix*)» (Гарутт и др., 1970, с.114). Более подробное исследование пищевых остатков из зубов шерстистого носорога осуществил в 1876 г. И.Ф. Шмальгаузен, получивший материал для своей работы из Иркутского музея от И.Д. Черского и Б.И. Дыбовского. Шмальгаузен указывал, что «кроме листьев однодольных (злаков *Gramineae*) и двудольных травянистых растений <...> были определены также веточки ели (*Picea*), лиственницы (*Larix*), ивы (*Salix*), эфедры (*Ephedra*) из семейства *Gnetaceae*. Особенно он подчеркивает, что наиболее часто встречаются остатки стеблей и листьев однодольных растений (по-видимому, злаков)» (Гарутт и др., 1970, с.115).

На заседании по судебной медицине 5 января 1904 года в Петербурге Ф.А. Бялыницкий-Бируля, анализируя исследования Ф.Ф. Брандта головы Виллюйского носорога, отмечал, что « <...> кровеносные сосуды (малые и капилляры), можно было различить и простым, и вооруженным глазом. Они содержали слегка зернистую, местами бурую, местами черноватую и, наконец, кое-где только красную массу похожую на кровь, продолжительное время высушивавшуюся. Сосуды отчасти как бы переполнены были этой массой, что автору представлялось похожим на такое состояние сосудистой системы, которое как будто указывало на смерть животного от апоплексии. Вследствие этого Брандт высказывал мнение, что Виллюйский носорог погиб внезапно вследствие утопления – «*aquae vi succubuisse*» (Бялыницкий-Бируля, 2016, с.28). Что же касается кожи, Брандт писал, что она состояла «из переплетшихся и извивающихся фиброзных волокон <...> с рассеянными желтыми жировыми

клетками и мельчайшими сосудами. Эпидермис <...> удалось получить в форме угловатых клеток, снабженных ядром» (Бялыницкий-Бируля, 2016, с.28). Ради сохранения мягких тканей голова Виллюйского носорога была подвергнута П.С. Палласом термической обработке в духовой печи и при микроскопическом исследовании Ф.Ф. Брандтом «<...> и кровь, и мышечные волокна оказались сильно измененными, так как по-видимому совершенно потеряли свое характерное строение. Было ли тому причиною, как, предполагает Брандт, сильное высушивание на огне или же причиною является процесс разложения трупа – это вопрос спорный» (Бялыницкий-Бируля, 2016, с.28) .

Таким образом, академиком Ф.Ф. Брандтом впервые была предпринята попытка микроскопических исследований мягких тканей ископаемого носорога, проведения сравнительного анализа, сопоставления с тканями современных млекопитающих, выяснения морфологических особенностей, характера питания, реконструкции климата и причин гибели животного.

И все же описываемые случаи находок останков мамонтов и животных мамонтовой фауны, сообщения об этих находках долгое время были эпизодическими, не давали целостной картины, представлений о внешнем виде животных. Переломный момент в мировоззрениях и взглядах на мамонтов наступил в конце XVIII - начале XIX веков. Он связан с первой достоверной по месту захоронения и научному обследованию находкой охотником Осипом Шумаховым мамонта в низовье реки Лены на территории Якутии. Находка эта вошла в историю науки как «Мамонт Адамса» или «Адамсовский мамонт». Обстоятельства обнаружения и обследования этого мамонта детально описаны М.И. Адамсом (1807,1808). Впоследствии, исследования М.И. Адамса были обобщены и дополнены в статье В.Б. Дубинина и В.Е. Гарутт «О скелете мамонта из дельты реки Лены» в «Зоологическом журнале» (Дубинин и др.,1954), а также в работах ряда ученых (Верещагин, 1979; 1981; 1985; 1990; 1995; 2001; 2002; Лазарев и др., 2004; Тихонов и др., 2008; Гурьев и др., 2011).

В 1799 году поступило сообщение о находке трупа мамонта в дельте реки Лены, на полуострове Тумус (Быковском), на берегу Быковской протоки, в восточной части Ленской дельты (Дубинин и др., 1954). В результате обвала берегового обрыва большая глыба смерзшейся породы с тушей мамонта внутри сползла на берег протоки, где и была обнаружена местным «тунгусским князьком»⁸ Осипом Шумаховым. Прельщенный возможностью заполучить крупные, хорошо сохранившиеся бивни мамонта, Шумахов в течение последующих четырех лет регулярно посещал это место, наблюдая, как из постепенно тающей глыбы обнажался труп огромного зверя. Им была установлена здесь даже специальная охрана. Только к лету 1804 года глыба, заключавшая мамонта, полностью оттаяла, и труп упал вниз, на песчаный берег. Лишь тогда Шумахов смог завладеть бивнями - «зацепами», которые он затем продал за 50 рублей приехавшему из Якутска купцу Роману Болтунову. Последний побывал на месте находки и сделал с трупа рисунок, которое вошло в историю как первое изображение трупа мамонта, зарисованное с натуры (рис.4).

Это изображение вместе с подробным описанием самой находки Болтунов передал Якутскому городскому голове Попову. После этого трупом мамонта никто не интересовался. Он оставался лежать на берегу Быковской протоки под постоянно разрушающимся обрывом, под палящим летним солнцем, снегом и дождем, издавая невыносимый запах. В 1806 году об этом мамонте узнал находившийся в Якутске адъютант Академии наук (впоследствии академик), ботаник М.И. Адамс, возвращавшийся из Охотска в Петербург. Ему и передал Попов описание и рисунок, сделанный купцом Р. Болтуновым, а сам купец показал ему хранящиеся в амбаре отрубленные бивни мамонта с Быковской протоки (Мостахов, 2013, с. 203).

---

⁸ Термин «тунгус» являлся собирательным названием всех групп эвенов и эвенков Якутской области, причем в дореволюционной литературе встречался лишь этноним «эвен», а слово «эвенк» не употреблялось вовсе. Эвены в литературе больше назывались ламутами, поскольку жили поблизости от моря. Тунгусы и ламуты – вот самые распространенные в мировой литературе этнонимы, хотя эвены и эвенки так себя никогда и не называли. Этимология этих слов неизвестна.

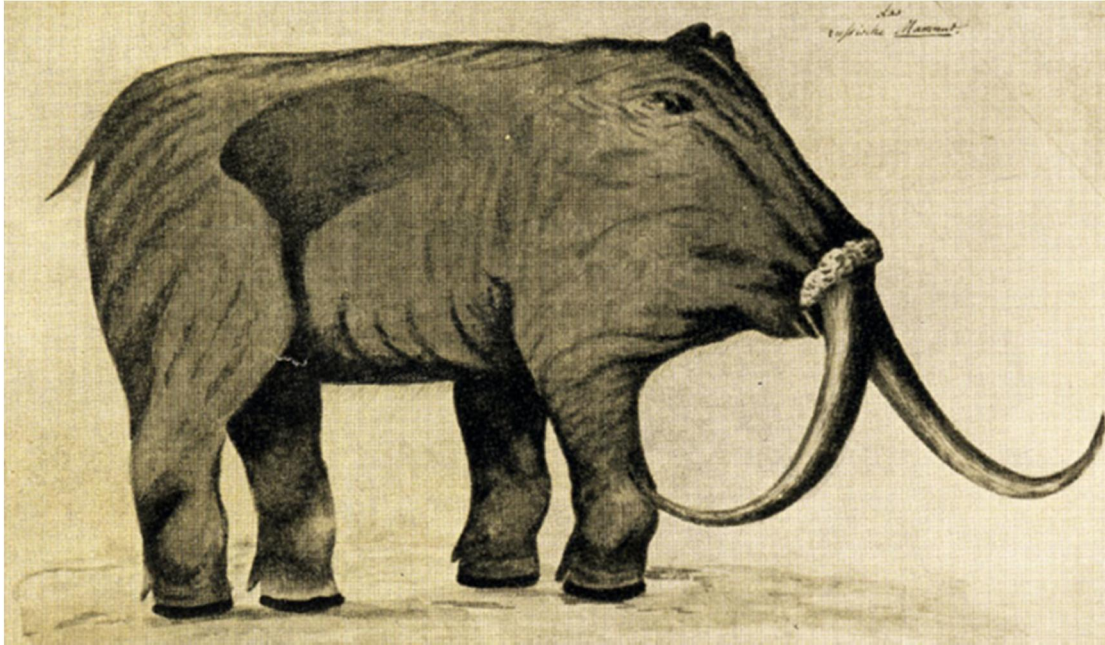

Рис.4. Изображение мамонта, сделанное купцом Р. Болтуновым. Протока Быковская, дельта р. Лена. 1804 г. Рисунок из личного архива П.А. Лазарева (дополнение к приложению №1, ф. 50-й, д. 50.1.)

Адамс переслал эти материалы президенту Академии наук в Петербурге и попросил разрешения поехать на «место залегания» трупа мамонта (Архив РАН, фонд 1, опись 2, д. 1808). Впоследствии М.И. Адамс писал: «Известие о сем достопримечательном открытии побудило меня ускорить путешествие, которое я был намерен предпринять по реке Лене до самого Ледовитого моря; я старался спасти сии драгоценные остатки, которые могли бы пропасть» (Дубинин и др., 1954, с. 424).

Прибыв туда вместе с Шумаховым и несколькими другими сопровождающими, Адамс застал, вместо целого трупа, только «сильно изъеденный скелет с незначительными остатками мягких тканей и кожи, сохранившихся преимущественно на голове и на правом боку животного, на котором лежал труп». Все остальное было уничтожено волками, песцами и другими хищниками, многочисленные следы которых виднелись повсюду вокруг. Кроме того, как выяснилось, местные жители отрубали от туши мамонта целые куски мяса и кормили им собак. Вполне вероятно, что

отсутствующие кости передней левой ноги мамонта (до лопатки) были отчленены для корма собакам (Дубинин и др., 1954, с.424).

Из пояснений О. Шумахова и купца Р. Болтунова: труп этого мамонта при его первоначальном обнаружении был очень хорошей сохранности: «<...> он был так тучен, что брюхо у него отвисало ниже коленных згибов. Сей мамонт был самец <...> но без хвоста и без хобота (Тилезиус, 1821)» (Дубинин и др., 1954, с.424). Тело мамонта, по описаниям Адамса (1807; 1807; 1820) и Тилезиуса (1815-1821), было покрыто густыми волосами, достигающими в передней части тела 40 см в длину. Кожа животного «была темно-серого цвета и покрыта шерстью рыжеватою и жесткими черными волосами», «<...> наподобие моржовой, темно-серого диковатого цвета, толщиной в полтора, а под шеей и на два с половиной пальца. Под кожей на теле жир отверделый, наподобие беловатого древесного вещества (Адамс, 1807а)» (Дубинин и др., 1954, с.424).

По данным В.Е. Гарутт (2001), Адамс распорядился собрать остатки мамонта (кости скелета, большой кусок шкуры с правого бока, большое количество шерсти), очистить и выварить их от жира. Только голова с сохранившейся на ней кожей, правая кисть и обе стопы были оставлены в своем первоначальном виде. На голове было обнаружено одно ухо и, к удивлению ученого и всех присутствующих, в хорошей сохранности один глаз, что позволило суеверным людям истолковать этот факт, что-де мамонт «даже находясь в вечном покое, как будто хотел постоянно видеть и слышать все происходящее» (Гурьев и др., 2011, с.11). Затем все это судном доставлено в Якутск, где Адамсом были выкуплены у купца Р. Болтунова ранее отрубленные Шумаховым бивни. Проезд обоза с Адамсовским мамонтом в Петербург в одной из 28 первых почтовых станций Иркутско-Якутского тракта – Мухтуйской станции, учрежденных «служилым человеком» Захаром Баишевым в 1743 году, зафиксирован в якутских газетах того времени: «<...> по дороге этой проезжали воеводы, губернаторы, священники, служащие Российско-Американской компании, чиновники и ссыльные. Были и

необычные пассажиры, проезжавшие через Мухтуйскую станцию. В ноябре 1806 года здесь побывал профессор М.И. Адамс, который вез с низовьев Лены в Петербург скелет мамонта, причем, ехал с действительным камергером Н.П. Резановым» (Москвитин, 2005, с.25).

В том же 1806 году скелет мамонта был доставлен в Петербург и помещен в доме Волкова, на 4-й линии Васильевского острова в помещении, специально предоставленном Адамсу Конференцией Академии наук. Как следует из данных Архива АН СССР, в этом помещении М.И. Адамс в 1808 году впервые в мире смонтировал скелет мамонта и продемонстрировал его президенту АН и членам Конференции Академии наук (рис.5.) (Архив РАН, ф.4, оп. 2, д. 17). Академики дали высокую оценку и уникальный экспонат поступил в академический музей – Кунсткамеру, где он был обработан и описан академиком Тилезиусом (1815, 1821). При монтажке скелета (Дубинин и др., 1954), М.И. Адамсу пришлось дополнить гипсовыми и деревянными копиями недостающие кости (большую часть ребер и позвонков хвоста, а также левую переднюю ногу, кроме лопатки, часть левого бедра и грудную кость). Изначально, также были поставлены неправильно бивни – левый на место правого и наоборот. К тому же, Адамс нарастил отрубленные Шумаховым основания бивней кусками от бивней другого мамонта, не рассчитав при этом их длину, вследствие чего бивни получились излишне длинными. Самый первый в мире смонтированный скелет мамонта привлек внимание всех слоев населения, явился настоящим культурным событием тех лет и первыми посетителями была императорская семья (Русанов, 1976; Тихонов, 2008).

Предполагают, что в числе первых посетителей были великий поэт А.С. Пушкин, известный писатель И.А. Крылов и другие. Известно, что И.А. Крылов в одной из басен высмеивал тех посетителей Кунсткамеры, которые «любовались едва видимыми глазу насекомыми и не замечали слона» (Русанов, 1976; Гурьев и др., 2011, с.11).

В 1896 году при переносе коллекций в новое здание Зоологического музея АН СССР скелет был перемонтирован на новой подставке, причем бивни были уже поставлены правильно, но надставленные корневые части бивней не были укорочены и что несколько искажает реальные размеры и местоположение бивней в черепе.

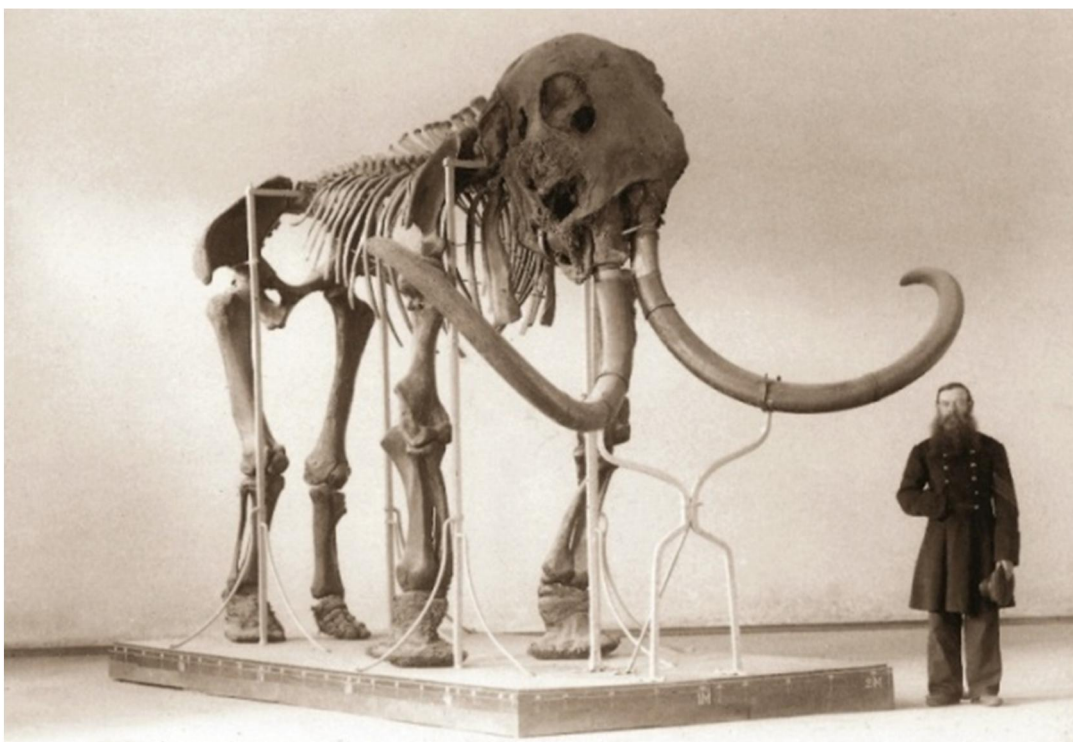

Рис.5. Мамонт Адамса. Открытка. Из личного архива П.А. Лазарева (дополнение к приложению №1, ф. 50-й, д. 50.1.)

По данным В.Б. Дубинина и В.Е. Гарутт (1954), незадолго до переноса коллекций в новое здание Зоологического музея, царское правительство намеревалось подарить скелет Адамсовского мамонта британскому правительству. Вот что писал английский палеонтолог Вудвард (Woodward, 1871) в геологическом журнале «The Geologist»: «Его Императорское Величество Царь пожелал выразить полную сердечность, которую он должен без сомнения теперь чувствовать к Британскому правительству за урегулирование Черноморского вопроса; он не мог выразить это в более приятной форме, чем подарить Национальному музею скелет

Сибирского мамонта, для того, чтобы украсить геологическую галерею нового Национального музея естественной истории...» (Дубинин и др., 1954, с. 425). К счастью, сделка не состоялась, и Адамсовский мамонт навсегда остался в нашей стране.

Рис.6. Известный немецкий анатом, антрополог, естествоиспытатель Иоганн Фридрих Блюменбах (1752-1840). Фото из личного архива П.А. Лазарева (дополнение к приложению №1, ф. 50-й, д.50.1.).

Адамсовский мамонт составил целую эпоху в палеонтологии. Вместе с ним закончился период накопления фантастических представлений о мамонте (Русанов, 1976). Вместо разрозненных и часто плохо сохранившихся находок частей этого животного, был, наконец добыт более или менее сохранившийся труп, который позволил воссоздать внешний облик мамонта в виде полного скелета. М.И. Адамс впервые провел сравнительный анализ костей скелета мамонта с аналогичными костями индийского слона и пришел к выводу, что принципиальной разницы между ними нет (Русанов, 1976). Изучение мамонта Адамса позволили выявить основные анатомо-морфологические, адаптивные особенности «волосатого слона», приспособленного к обитанию в холодном климате. Обладающая неоценимым научным и историческим значением, находка охотника Осипа Шумахова, положила начало систематическим исследованиям мамонтов и мамонтовой фауны. К новым находкам в Сибири проявляли пристальный интерес и ученые Европы. Почти одновременно вывод

о том, что ископаемые кости принадлежат особому виду вымерших животных, сделали французский естествоиспытатель Ж. Кювье и немецкий ученый И.Ф. Блюменбах (рис.6.). Два научных названия шерстистого мамонта были предложены в 1799 году.

Иоганн Фридрих Блюменбах (1752-1840) из Университета Геттингена предложил название *Elephas primigenius*, что означает «Слон первобытный», тогда как Жорж Кювье (1769-1832) предложил *Elephas mammonteus*. Шестое издание труда Блюменбаха «*Hand buchder Natur geschichte*» вышло на несколько месяцев раньше, чем статья Кювье, поэтому название *E.primigenius*, было принято другими авторами, включая самого Кювье. Впоследствии мамонту было присвоено отдельное родовое название – «*Mammuthus*» (Тихонов и др.,2008).

Глава III. Палеонтологические исследования млекопитающих Якутии в 1850–1900-е гг.

3.1. Учреждение Академией наук премии за обнаружение мамонтов

После экспонирования в Петербурге найденного в Якутии мамонта Адамса на протяжении всего XIX века стало поступать множество сообщений о находках мамонтов различной сохранности и из других северных районов России. Известный исследователь Арктики М.М. Геденштром, возглавлявший экспедицию по съемке и исследованию на Новосибирских островах в 1808-1810 гг., на названном ими острове Новая Сибирь «на протяжении одной версты наблюдал около десятка торчавших из земли бивней», при этом, он был убежден, что мамонт «это не слон, а какое-то неизвестное животное, не имевшее хобота и питавшееся древесными сучьями, и бивни его не клыки, а рога» (Иванов, 1979, с.108). Очевидно, что Геденштром не был знаком с работами М.И. Адамса, раскопавшего остатки мамонта на Быковском мысу в 1806 году. В 1807 году устьянский купец С. Горохов обнаружил недалеко от Усть-Янска целую голову мамонта. По совету М.М. Геденштрома (1830), С. Горохов отправил голову мамонта в Академию наук, и, после ее определения в 1809 году, русское правительство наградило его золотой медалью. Однако большинство находок являлись лишь фрагментами животных, не были детально задокументированы, а потому научной ценности не имели. В связи с тем, что в течении долгого времени не удавалось получить известия о находке хорошо сохранившегося мамонта, в 1860 году Академия наук, чтобы как-то заинтересовать местных жителей, устраивала премии за сообщение подобной находке в размере 150 и 300 рублей (в зависимости от сохранности): «Но бывает изредка, что из мерзлой земли выказываются не одинокие кости, а весь костяк допотопного зверя, лежащий как был целиком, кость у кости, как следует <...>. Академия обещает дать награду по сто руб. серебром всякому без различия, будь он инородец, или промышленник, или купец, или служащий кто первый найдет в земле такой костяк большого допотопного

зверя и, заметив место, <...> тотчас же объявит своему ближайшему начальству <...> О пустых толках понапрасну не доносить» (ЯЦГА, ф.37, оп.1, д.752, л.2). По приезду ученого на местонахождение и определения им научной ценности дополнительно автору находки полагалось еще 50 рублей серебром премии, а если «допотопный зверь покажется целиком, кроме костяка еще и с мясом, и с кожей» вознаграждение уже в триста рублей серебром и ученый мог ходатайствовать в зависимости от исключительности находки перед Академией наук о «представления к какой-либо почетной награде» автора находки (Мостахов, 2013, с.262). 700 объявлений за подписями академиков Ф.Ф. Брандта, К.М. Бэра и А.Ф. Миддендорфа было распространено в Восточной и Западной Сибири. Якутским губернатором было разослано в Верхоянский и Колымский округа свыше ста объявлений (ЯЦГА, ф.37-й, оп.1, д.752, л.1). А.Ф. Миддендорф (1869) (рис.7.) во время своих путешествий по Северо-восточной Сибири еще в 1843-1846 гг. обратил внимание на частое обнаружение в мерзлой почве остатков вымерших животных. Признавая большое научное значение этих находок, он предложил Академии наук назначать за каждую ценную находку крупную награду: «Касательно наших мамонтов нужно было бы наперед назначить премии за каждое указание явившегося целого остова и особенно за каждое цельное тело. Эти премии должны быть соразмерны с значением находки для науки и во всяком случае должны быть для находчиков завиднее прибыли, которую они могли извлечь из находки путем торговли» (Зензинов, 1915, с. 983). Однако даже объявление премии не дало ожидаемых результатов. Местные чиновники полагали, что обещанные деньги за находку мамонта не смогут компенсировать все те хлопоты, которые связаны со снаряжением экспедиции, раскопками и доставкой мамонта в Петербург. Наиболее наглядным примером может служить история с находкой трупа носорога на озере Мосток Верхоянского района в конце 50-х годов XIX века (Лазарев и др., 2004).

Рис. 7. Известный исследователь Северо-Востока России А.Ф. Миддендорф (1815–1894). Фото из книги «Якутский феномен – мир мамонтов», 2004, с.72.

Когда верхоянский исправник узнал о находке местными жителями замороженного трупа, он немедленно выслал нарочных, но не в Академию наук, а на озеро – с поручением разрушить труп и сбросить все куски в озеро. Другая, не менее характерная история, тоже связана с тем же Верхоянским районом и описана В.М. Зензиновым (1915). В начале XX века в верховьях р. Бытантай, возвращавшийся из с. Казачье до Верхоянска купец обратил внимание на торчавший из речного обрыва предмет, имевший вид «обрубка», принадлежавшего какому-то огромному животному, погребенному под землей. Он отрубил ногу топором и по приезду в Якутск передал его губернатору. Губернатор сообщил в Академию наук в Петербург и велел организовать через исправника охрану находки силами местных жителей. Верховья р. Бытантай – «местность совершенно пустынная и лежащая в стороне от дорог» и поэтому для охраны «согнали якутов из разных улусов. Все лето просидели несчастные якуты в пустынном месте, не получая ни от кого продовольствия, оторванные от всех летних занятий, послушные непонятному для них приказу начальства. Потеряв все лето и истребив захваченные с собой припасы, они, наконец, отчаялись, добыли труп из земли, разрубили его на части топорами и спустили в реку, а так как охранять после этого было нечего, они разъехались по своим улусам» (Зензинов, 1915, с.985).

Между тем, нога загадочного животного была доставлена в Петербург и было выяснено, что нога принадлежала «первобытному носорогу», труп которого в полной сохранности еще не доводилось видеть научному миру. Редчайшая находка, пролежавшая тысячелетия в вечной мерзлоте была за несколько часов уничтожена людьми и безвозвратно утеряна для науки (Зензинов, 1915).

В вышеупомянутом труде А.Ф. Миддердорф «Путешествие<...>» (1869) отмечал, что сообщения о премиях нужно обнародовать открыто каждые 5 лет, распространяя известия вплоть до самых дальних «инородческих кочевьев», отправляя незамедлительно ученого на находки «обещающей сколько-нибудь успеха» и подчеркивая при этом, что «при всем том для инородцев потребовались бы лишь очень незначительные суммы, сущие безделицы» (Зензинов, 1915, с.983). Несомненно, этот факт экономической составляющей промысла, такое отношение к «инородцам», на наш взгляд, и сыграло одну из определяющих ролей в том, что многие уникальные находки того времени не стали достоянием науки. Промышленник ни материально, ни в какой-то другой форме не был заинтересован в находках целых туш, скелетов животных мамонтовой фауны. Как отмечал этнограф В.И. Иохельсон в конце XIX века, «из всех остатков мамонта только клыки его имеют значение в торговле <...> и наравне с пушниной они служат предметом поиска и вывоза <...>» (Иохельсон, 1898, с.104). Другие не менее важные причины скрывать и не заявлять о находке раскрывает В.М. Зензинов в своем труде «Добыча мамонтовой кости на Ново-Сибирских островах» (1915). Одна из них заключалась в том, что его могли «насильственно или безвозмездно привлечь к труду охранения или транспортировки, то среди инородцев по этому вопросу существует род молчаливого соглашения» (Зензинов, 1915, с.983). Да и труд местного населения по охране, откапыванию, транспортировке трупов животных, без которого невозможны были бы сами палеонтологические экспедиции на севере Якутии, оплачивался «прямо нищенской оплатой» и отношение их к экспедициям было отрицательным, считая их для себя «крайне вредными». Вследствие этого, большинство местных жителей всячески

уклонялись от этих тягостных забот, как отмечал Э.В. Толль, «не стесняясь никакими средствами, даже телесным наказанием» (Зензинов, 1915, с.983). Несмотря на «малую выгодность» промысла мамонтовой кости и для промышленника, и для купечества – обе стороны были вынуждены продолжать промысел. Товарно-денежные отношения промышленника и купца исходили прежде всего из «кабальной зависимости северного промышленника местному купечеству: промышленнику нечем кроме кости расплатиться за забранный в долг товар с купцами, купцам нечем, кроме кости, взыскать с них долги. Так и тянется этот промысел, ни для кого в сущности говоря в Якутской области не нужный. При других культурных условиях этот своеобразный промысел мог бы представлять большой интерес и для науки, и для местного населения» (Зензинов, 1915, с.991). В целом, как писал В.М. Зензинов, дважды побывавший в политической ссылке в Якутии в начале XX века, автор книги «Старинные люди у холодного океана. Русское Устье Якутской области, Верхоянского округа»: «<...> пренебрежение к интересам и труду местного населения губительно отражается на успехах русской палеонтологии» (Зензинов, 1915, с.985). В дополнение к вышесказанному, он приводит пример пропажи из Якутского музея черепа носорога прекрасной сохранности, найденного политическим ссыльным на р. Вилюй и переданного им в музей, сокрушаясь при этом, что «сами научные учреждения – центральные и местные – настолько равнодушно относятся ко всем случайным находкам, которые попадают к ним, что приходится только удивляться» (Зензинов, 1915, с.985). Через два года Зензинов на страницах журнала «Природа и Люди» увидел фотографию этого черепа с подробным описанием, перепечатанного со страниц одного немецкого естественно-исторического журнала. Вилюйский череп «первобытного носорога редкой сохранности <...> каким-то таинственным путем» из Якутии попал в Германию. В.М. Зензинов на этих приведенных им примерах делает вывод, что «при ином отношении к подобным находкам русской науки, администрации и местного населения, их судьба, конечно, была бы

совершенно иной: о прошлом севера мы знали бы гораздо больше, и многие темные вопросы геологии, палеонтологии и климатологии были бы решены» (Зензинов, 1915, с.987).

Хотя специальные объявления о премиях за находку не возымели быстрого эффекта, сообщения продолжали поступать с бескрайних просторов Якутской области. Начиная с 1845 года, житель 1-го Ноготского наслега Усть-Янского улуса Трофим Санников наиболее интересные находки посылал в Зоологический музей Петербурга. В декабре 1896 года по рапорту ученого хранителя этого музея Е.А. Бихнера правление Академии наук выдало Т. Санникову «за труды по нахождению, сохранению и отсылке в Академию наук костей и кожи, мамонта» денежную премию в размере 50 рублей (ЯЦГА, ф. 12-й, д. 9464, л. 235).

3.2. Северо-Восточная экспедиция Г.Л. Майделя (1869 г.)

В 1869 году Северо-Восточной экспедицией под руководством Г.Л. Майделя по поручению Академии наук было обследовано два местонахождения остатков мамонтов, расположенных сравнительно близко друг от друга, на участке между реками Индигиркой и Алазеей: «<...>на первых двух названных речках (Шандрин и Ковшечья) Майделем найдены уцелевшие части бывших там трупов мамонта с кожей и шерстью» (Черский, 1891, с.50). Первое из них было открыто в 1867 году тунгусским охотником на берегу Аччыгый-Хомус-Юрях, притока реки Ковшечьей, к западу от устья реки Алазеи, на высоком яру которого и были обнаружены кости мамонта. Там же найден большой кусок кожи этого же мамонта, покрытый в некоторых местах шерстью. Г.Майдель вырезал и отправил в Петербург наиболее сохранившиеся участки кожи, остальные, вместе с остатками костей, им были зарыты в мерзлоте и поставлен опознавательный знак (Лазарев и др., 2004). За информацию о находке Майдель щедро отблагодарил туземцев – дал «пуд табаку» (Шренк, 1872, с.70). Второе

местонахождение, также обследованное Г. Майделем, расположено примерно в 40 верстах от первого, на р. Шандрин. Здесь, еще в 1839 году охотник за мамонтовой костью Н. Рожин обнаружил в береговом откосе мамонта в стоячем положении: «Из обрыва была видна низко опущенная голова животного и передние ноги, остальное же туловище было заключено в земле. По словам Рожина, голова, грудь и брюхо животного были покрыты волосами» (Бялыницкий-Бируля, 2016, с.22). Участниками экспедиции была откопана изолированная ступня передней конечности, неподалеку изолированная ступня задней ноги мамонта «<...> вполне обтянутая кожей» (Черский, 1891, с. 59), принадлежащая, по-видимому, ему же. Прилежавшие участки мерзлой породы содержали в себе остатки мамонтовой шерсти. Г. Майдель высказал предположение (Лазарев и др., 2004), что здесь залегал хорошо сохранившийся труп мамонта, но в результате обвала он упал в реку и был снесен течением. Только обе ноги этого животного случайно остались в мерзлой почве. Другие исследователи (Лазарев, 2008) рисуют иную картину реконструкции гибели животного: мамонт, возможно, попал в грязевую нишу по колено и погиб, туша разложилась и, вероятно, была частично растащена хищниками, а ноги покрытые грязевыми наносами, были захоронены на многие тысячелетия.

В книге А.Н. Смирнова «Ископаемая мамонтовая кость» (2003) приводятся слова Г. Майделя, руководителя Северо-Восточной экспедиции обилии мамонтовых бивней на р. Эрби («эрби» – пила на як. языке) на междуречье рр. Индигирка и Алазея: «<...> местные жители называют рекой Пилой, так как после каждого паводка из ее берегов торчит множество клыков» (Смирнов, 2003, с.152).

3.3. Открытие Верхоянского носорога (1877 г.)

В 1879 году в Москве на выставке демонстрировалась голова носорога, доставленная краеведом, этнографом, коренным жителем г. Верхоянска

Н.С. Гороховым, автором десятка статей по вопросам географии и этнографии. Замороженный труп носорога был обнаружен им на берегу р. Халбуй (приток р. Бытантай, впадающий в р. Яна) примерно в 150 км севернее г. Верхоянска. От трупа отчленили голову и ступню, из-за нехватки времени не удалось извлечь полную тушу перед ледоходом. Позднее, труп носорога был вымыт весенним половодьем и утонул в реке. Уникальная находка поступила в Иркутский музей. Ее описал известный исследователь Сибири, геолог и палеонтолог И.Д. Черский (1891). За заслуги в поисках и находках крупных древних животных Н.С. Горохов был удостоен медали, позже был избран членом Восточно-Сибирского филиала Русского географического общества (Гурьев и др., 2011). Позднее, в 1879 году Сибирским отделом Императорского Русского географического общества находка была передана в Зоологический музей Российской Академии наук. По свидетельству директора Зоологического музея ЗИН РАН А.Н. Тихонова, голова Верхоянского носорога (рис.8.) является «лучшей в мире находкой останков головы носорогов. Местами сохранился шерстный покров; видны места прикрепления двух рогов» (Тихонов, 2012, с.3). Результаты радиоуглеродного анализа показали, что носорог с р. Халбуй жил и погиб примерно 33000 лет назад.

Эта находка значительно стимулировала дальнейшие исследования шерстистых носорогов. В 1880 году академик Л.И. Шренк провел исследования обеих мумифицированных голов шерстистого носорога Виллюйского (1771) и Верхоянского (1877). Побудили его к этому видимые отличия в строении голов носорогов: голова Виллюйского носорога укорочена в продольном направлении и относительно высокая, а голова Верхоянского носорога, напротив, имеет удлинённые пропорции. Отмеченные различия в строении черепов послужили впоследствии обоснованием для выделения П.А. Лазаревым (2005) двух подвидов шерстистых носорогов: *Coelodonta antiquitatis jacuticus* и *Coelodonta antiquitatis antiquitatis*. Эти и другие морфологические особенности строения носорогов были в дальнейшем проанализированы и изложены в работах Н.В. Гарутт в 1987, 1988, 1991 гг. на

Всесоюзных совещаниях по изучению мамонта и мамонтовой фауны, в 1995 году на Международном симпозиуме по изучению мамонта, на Международных музейных симпозиумах (1995) и на Всероссийских Палеонтологических сессиях (1996, 1996, 1998) (Гарутт, 1999, с.7). Н.В. Гарутт продолжила исследования известного палеонтолога, палеозоолога и популяризатора науки В.Е. Гарутта.

В связи с развитием в ботанике спорово-пыльцевых методов исследований в 1970 году группой ученых была предпринята попытка дополнительного изучения растительных остатков с ротовой полости Верхоянского (Халбуйского) носорога. Для исследования необходимо было получить такой материал, который бы меньше подвергался воздействию внешних факторов. Для получения остатков пищи из зубов носорога В.Е. Гаруттом была частично вскрыта ротовая полость, оставшаяся до этого недоступной для изучения. При помощи препаровальных игл и скальпеля из складок эмали зубов удалось собрать некоторое количество остатков пищи. Образцы, помещенные в стерильные пробирки и закрытые пробками, были переданы в Лабораторию биогеоценологии Ботанического института Академии наук СССР, где материал изучался Е.П. Метельцевой при консультации академика В.Н. Сукачева (Гарутт и др., 1970, с.116).

Рис.8. Мумифицированная голова Верхоянского носорога. Бассейн р. Яны. Конец XIX в. Фото из книги «Якутский феномен – мир мамонтов», 2004, с.48.

Изученные образцы показали малое количество пыльцы древесных и обилие пыльцы травянистых форм, с преобладанием большого числа пыльцы злаков (148 зерен) и полыней (37 зерен), указывающих на луговой или степной характер сообществ, на безлесность территории. На основании полученных данных о составе пищи шерстистого носорога с р. Халбуй, а также материалов других ученых, исследователи сделали вывод о том, что «животное это было преимущественно травоядным, хотя в некоторых случаях оно, по-видимому, и употребляло в пищу ветки кустарников и деревьев» (Гарутт и др., 1970, с.116).

Как показали исследования, ряд анатомических и морфологических признаков носорога, которые считаем необходимым привести полностью, свидетельствует о питании шерстистого носорога травянистыми растениями (Brandt, 1849; Шренк, 1880; Черский, 1898; Гарутт и др., 1970; Лазарев и др., 1998, Н.В. Гарутт, 1999), которые были сформулированы Е.В. Гаруттом в 1970 году:

1. *«Пропорции тела.* В результате изучения биологии живущих сейчас носорогов устанавливается четко выраженная зависимость общих пропорций тела животного от образа жизни, точнее от характера питания. Так, носороги, пищей которых служат главным образом ветви и листья кустарников и деревьев, имеют, как правило, относительно высокие конечности и короткое туловище. Наоборот, у степного белого африканского носорога *Ceratotherium simum* (Burchely), питающегося в основном травой, конечности относительно короткие, поэтому туловище кажется сильно вытянутым в длину.

Исследуемый нами шерстистый носорог (Верхоянский носорог) также обладал короткими конечностями и длинным туловищем, т.е. по своим пропорциям практически не отличался от травоядного носорога Африки.

2. *Строение черепа.* У носорогов плоскость затылка образует с линией основания черепа угол, величина которого не одинакова у различных форм. Размеры этого угла являются показателем положения головы носорога по отношению к шее и туловищу, что находится в прямой зависимости от образа жизни и характера питания этих животных. У лесных и лесостепных носорогов,

таких как индийский и черный африканский, величина этого угла меньше, чем у питающихся травой белых носорогов.

Плоскость затылка шерстистого носорога образует с линией основания черепа тупой угол. Это свидетельствует о наклонном положении его головы по отношению к туловищу, что, очевидно, связано с добыванием травянистой растительности с земли.

3. *Строение носовых костей и рога.* В отличие от всех ныне живущих носорогов, шерстистый носорог обладал черепом со сплошной костной носовой перегородкой, сросшейся с сильно развитыми носовыми и межчелюстными костями. У молодых особей шерстистого носорога окостенение носовой перегородки бывает завершено не полностью.

На голове шерстистого носорога находились два рога: передний и задний. Первый рог несет на своем переднем крае следы сильного стирания. По нашему мнению, оно может свидетельствовать о том, что шерстистый носорог использовал передний рог наряду с копытами для добывания корма из-под снега в зимнее время. В связи с подобной функцией рога становятся понятными и причины развития у этого животного мощной окостенелой носовой перегородки - дополнительной опоры для носовых костей, несущих передний рог; у других носорогов носовая перегородка образована только хрящом.

4. *Строение верхней губы.* У лесных и лесостепных видов современных носорогов, пищей которых являются преимущественно ветки и листья, верхняя губа сильно развита, довольно длинная, свисающая книзу и очень подвижная. С помощью такой губы, действующей наподобие хоботка, эти животные прихватывают ветки, обгладывая с них кору и обрывая листья. У степного носорога верхняя губа, наоборот, короткая, широкая, приспособленная для захватывания травы. Исследование мумифицированных голов шерстистого носорога с р. Халбуй и из Старуни показало, что это животное, так же как и белый носорог Африки, обладает широкой короткой губой, что подтверждает предположение о питании его травой. У головы носорога, доставленной П.С. Палласом с р. Вилюя, верхняя губа не сохранилась» (Гарутт и др., 1970, с.117).

Именно первые находки мумифицированных остатков шерстистых носорогов *Coelodonta antiquitatis* (Blumenbach) на территории Якутии: Вилюйского (1771) и Верхоянского (1877) дали начало исследованиям ископаемых носорогов в России, которые впервые были освещены в работах П.С. Палласа (1769, 1772), Ф.Ф. Брандта (1849), Л.И. Шренка (1880) и И.Д.Черского (1898) .

3.4. Полярная экспедиция А.А. Бунге и Э.В.Толля (1885–1886 гг.)

Знаменательной вехой изучения четвертичных млекопитающих стала организация Академией наук двухлетней полярной экспедиции (1885-1886 гг.) для «исследования побережья Ледовитого моря в Восточной Сибири, преимущественно от Лены по Яне, Индигирке, Алазее, Колыме и пр., в особенности больших островов, лежащих в не слишком большом расстоянии от этого берега и получивших название Новой Сибири» (Виттенбург, 1960, с.9). Возглавили Новосибирскую экспедицию геолог А.А. Бунге, один из активных сотрудников полярной станции на о. Сагастыр на побережье моря Лаптевых, и барон Э.В. Толль (рис.9.).

Рис. 9. Известный исследователь Севера барон Э.В. Толль (1858-1902). Фото из книги «Якутский феномен – мир мамонтов», 2004. – С.80.

Как описывает исследователь Арктики В.Л. Иванов (1979), именно во время этой полярной экспедиции 13 августа 1886 года произошло событие, определившее всю его дальнейшую судьбу: с северного берега острова Котельный, с устья речки Мугур-Юрэх, он увидел «ясные контуры четырех столовых гор с прилегающим к ним на востоке низким остроконечием» (Иванов, 1979, с.27). Картина была настолько четкой и ясной, что Толль определил расстояние до гор (около 150 верст) и заключил, что они сложены трапповыми породами подобно островам Земли Франца-Иосифа. Дальнейшая его судьба, жизнь и помыслы были посвящены одной единственной цели – достижению увиденного острова, легендарной Земли Санникова, которую Толль в дневниковых записях назвал «мечтой многих лет жизни». Крылатую фразу «Раз ступить ногой - и умереть!» о неведомой Земле Санникова приписывают проводнику Толля эвену Василию Протодьяконову – Джергели (Иванов, 1979, с.27). Итоги этой многопрофильной, в сущности, первой научно-исследовательской экспедиции на Новосибирские острова были обобщены в статье Э.В. Толля «Ископаемые ледники Новосибирских островов, их отношение к трупам мамонтов и ледниковому периоду», опубликованной в 1897 году в Записках Императорского географического общества. Первые научные представления о жизни мамонтов и отношении их мерзлых трупов к грунтовым льдам Арктики были изложены именно в этом труде, обобщающем результаты работ Русской полярной экспедиции под его руководством. Касаясь причин вымирания мамонтов, Э.В. Толль связывал гибель этих гигантов с «раздроблением существовавшего в прошлом между Азией и Америкой обширного Арктического материка, в результате чего климат стал менее континентальным, но охладился, при этом исчезли богатые пастбища» (Верещагин и др., 1985, с.11). Э.В. Толлем впервые было бесспорно доказано, что кости млекопитающих залегают не во льду, а в перекрывающих лед слоях. До этого времени, М.И. Адамс предполагал, что его мамонт (1799) залегал среди нагромождений морских льдин, а А.Ф. Миддендорф, признавая ископаемый лед горной породой, считал, что трупы мамонтов залегают

непосредственно во льду. Э.В. Толль убедительно доказал в своем труде, что «мамонтный материк» сформировался после образования толщи льда и последняя служила своего рода фундаментом огромной равнины» (Иванов, 1979, с.114). Он высказывал мысль о возможном соединении «мамонтowego материка» с американским континентом. Изучая коллекции полярных экспедиций Э.В. Толля, крупный палеонтолог начала XX века, знаток млекопитающих и особенно ископаемых лошадей, М.В. Павлова (1906) обратила внимание на чрезвычайное сходство ископаемых лошадей Сибири с североамериканскими лошадьми, что навело ее на мысль об обмене фаунами в геологическом прошлом, причем великолепная сохранность костей с Новосибирских островов заставила предположить ее о принадлежности к ныне живущим видам.

В 1863 году усть-янский эвенк Осип Слепцов нашел на р. Буор-Юрэх (восточный приток р.Чондон) бассейна р. Яна останки мамонта с мягкими тканями и с шерстью. Это местонахождение было обследовано Э.В. Толлем в марте 1886 года. К сожалению, спустя 23 года после находки, ему удалось найти и собрать лишь части скелета и остатки шерсти этого мамонта, так как все мягкие ткани разрушились за годы, прошедшие со времени открытия. Автор находки Осип Слепцов сообщил Э.В. Толлю, что тогда он обнаружил здесь прекрасно сохранившуюся голову, покрытую «светло-коричневыми, пушистыми волосами». За находку Академия наук наградила Осипа Слепцова денежной премией в размере 100 рублей (ЯЦГА, ф.12, оп.1, д.3298, л.198).

Комплексная туристско-краеведческая экспедиция под руководством известного краеведа-энтузиаста, директора музея «Полюс холода» Верхоянского района В.З. Кириллиной, организованная в 1985 году Верхоянской и Боронукской школами в составе 21 человек с 15 по 29 июня провела исследовательскую работу по реке Яне по водному маршруту: Верхоянск-Батагай-Черюмча-Усть-Куйга-Северный-Казачье-Усть-Янск-Нижнеянск. Вот как пишет В.З. Кириллина в своей статье «Школьный музей в 1960-е-80-е гг.»: «В этой экспедиции ребятам запомнилась встреча со старо-

жилами Усть-Янска. Была организована встреча с семьей Барабанских. у которых дед С.А. Барабанский был участником экспедиции барона Э.В. Толля в качестве каюра. После экспедиции он привез с собой подсвечник, поднос и подаренное Толлем ружье» (Кириллина, 2002, с.14). Потомки С.А. Барабанского преподнесли в дар районному музею «Полюс холода» бесценные реликвии – поднос и подсвечник, связанные с именем легендарного полярного исследователя Э.В. Толля. Школьная экспедиция посетила местность *Толль Аартыга*, где в р.Яна впадает речка Юньюгэн, которую летом 1885 года посетил Э.В.Толль в поисках мамонтовых останков. По словам местных жителей близлежащего с.Сайдды он «ходил пешком по берегам р.Яны с целью найти целую тушу мамонта, но так и не нашел». По уверениям местных жителей, раньше в этой местности была листовница, на которой были вырезаны буквы «Э.Т.». Но, к сожалению, мы нашли только слово «... инородец». Остальные буквы, слова были выдолблены дятлом» (Кириллина, 2002, с.14). В августе 2012 года диссертант в составе палеонтологической экспедиции предпринял безуспешную попытку отыскать эту листовницу на местонахождении Юньюген.

На южном побережье о. Б. Ляховский в районе р. Зимовье д-р А.А. Бунге в 1886 году обнаружил останки трупа молодого мамонта с сохранившимися фрагментами кожи и, стопы с роговыми копытцами: «на том же острове <...> найден был, по словам проводника г.Толля, труп мамонта. Остатки этого животного, уже вымытые из наносного яра, вместе с кусками кожи и клочьями шерсти, находил здесь и сам Бунге, причем, согласно рассказу одного из его работников, здесь же открыт был однажды и целый труп овцебыка или мускусного быка (*Ovibos moschatus*). С черепом и рогами овцебыка местные жители хорошо знакомы, хоть животное это известно у них под странным названием «морской козел», указывающим, по-видимому, на предполагаемое ими обитание в море» (Черский, 1891, с. 76).

Архивные документы Якутского Центрального государственного архива указывают на ряд находок трупов мамонтов в конце XIX века. Так, в августе

1879 года упомянутый выше член Восточно-Сибирского филиала Русского географического общества верхоянский купец Никита Горохов, нашел половину мамонта по притоку р.Тянки в 150 верстах от г. Верхоянска. Об этой находке верхоянский исправник Б.Ф. Кочаровский немедленно сообщил в Академию наук. В январе 1890 года житель Верхоянского округа Христофор Стручков нашел тушу мамонта (ЯЦГА, ф.26-й, оп.1, д.670, лл.2,6; д.807,л.1).

Безусловно, не только позднее донесение сведений о находках играло главную роль в палеонтологических открытиях, но и немаловажное значение имели и природные условия на местах залегания мамонтовых останков- активная эрозия почвы, обвалы береговой линии рек, высокий уровень паводковых вод и прочие факторы. Так, Э.В. Толль сообщал, что мамонт, обнаруженный на северо-западном берегу о. Б.Ляховский в 1860 году промышленником И. Боярским, находился «в стоячем положении в углублении берегового льда, заполненного глиной» (Иванов, 1979, с.125). Этот несомненно интересный палеонтологический объект через три года был унесен морем вследствие стремительного разрушения берегового обрыва. На основании геологических исследований местонахождения этого мамонта Э.В. Толлем были сделаны выводы об интенсивности разрушения морского берега.

Результатом изучения более 2500 костных останков четвертичных млекопитающих, собранных этой экспедицией «севернее полярного круга» на Новосибирских островах и в бассейне р.Яны, явилась первая крупная монография выдающегося российского геолога и географа, крупнейшего исследователя Сибири последней трети XIX века И.Д.Черского «Описание коллекции млекопитающих животных, собранных Ново-Сибирской экспедицией 1885-1886 гг.», изданная в 1891 году в Петербурге. Именно с этой фундаментальной работы начинаются систематические исследования мамонтов и животных мамонтовой фауны Якутии. Вводная часть этого труда начинается так: «В 1884 г. <...> на средства Императорской Академии Наук, снаряжена была ученая экспедиция для исследования течения р.Яны и группы

так называемых Ново-Сибирских островов, привлекавших внимание всего образованного мира, начиная с конца истекшего столетия. Посвятив лето 1885 г. на путешествие по р.Яне, а в 1886 г. на изучение островов, члены экспедиции: д-р А.А.Бунге и барон Э.В.Толль успели собрать весьма интересные коллекции по различным отраслям естествознания. В том числе находилось и собрание ископаемых костей послетретичных млекопитающих, состоящее из слишком 2518 экземпляров <...> Все эти остатки принадлежат 25 видам млекопитающих животных <...> на Новой Сибири - 10 остатков только два вида...низовья р.Лены, где найдены 6 видов (49 костей) <...> система р.Яны: 12 видов (386 остатков) <....> остров Большой Ляховский видов 21 и остатков (2082)» (Черский, 1891, с. 1). Как видно из отчета экспедиции (Черский, 1891), небольшая коллекция остатков собрана А.А. Бунге на известном сейчас обнажении Улахан-Сулар на р.Адыча, а затем на речке Юньюген, впадающей в Яну около 35 верст ниже устья р. Бытантай. Далее вниз по р.Яна упоминается только два местонахождения, «давших приращение палеонтологического материала, именно: Дыринг-Аюн (около 60 верст южнее Казачьего, т.е. несколько севернее 70 градуса) и окрестности самого Казачьего. Первая из этих местностей замечательна в том отношении, что по свидетельству местных жителей, в ней, около 1878 г., обнаружился целый труп лошади в таких же условиях, в каких это бывает с мамонтами» (Черский, 1891, с. 75). Основная, значительная часть коллекции была собрана на о-ве Б.Ляховский, в основном по устьям речек, уже в «вымытом» состоянии, главным образом вблизи местности «Малое Зимовье» на южном берегу острова. И хотя качественный анализ видового разнообразия животных мамонтовой фауны позволил сделать вывод о том, что «коллекция эта... не дала нам ни одного нового вида» (Черский, 1891, с. 619), было установлено, что на территории Восточной Сибири обитало 56 видов млекопитающих четвертичного периода, 25 из которых приходилось на территорию Якутии. И.Д. Черский проделал огромную работу по обработке коллекции, в частности, провёл тщательные анатомо-морфометрические измерения костей.

Кроме того, проанализировал геологию и стратиграфию Новосибирских островов, а также причины вымирания животных мамонтового комплекса и возникновения своеобразной арктической фауны в конце третичного времени, из «которой развивались впоследствии представители североазиатских постплиоценовых млекопитающих» (Черский, 1891, с. 641). Вся собранная и обработанная коллекция Полярной экспедиции была отнесена И.Д. Черским к единой «постплиоценовой» фауне, приуроченной в основном к «верхнему горизонту» рыхлых отложений (Лазарев, 2008, с. 18). Эта фауна получила название «смешанная фауна», отличительной чертой которого было «совместное существование животных <...> например, сайга и овцебык, северный олень и дикая лошадь, тушканчик и песец и т.д.», в настоящее время ареалы этих животных не только не соприкасаются, но и полностью разобщены (Вагенгейм, 1977, с.129). По подсчетам И.Д. Черского, коллекция ископаемых млекопитающих с Новосибирских островов состоит из 32% северных видов, 16%-южных и 52% - общих для севера и юга форм. В связи с этим, он пришел к выводу, что «<...> глубокий север Сибири должен был пользоваться климатом, несравненно более благоприятным, нежели современный» (Черский, 1891, с.617). По его мнению, «южные формы, к которым он причислил лошадь, бизона, сайгу, тигра (пещерного льва), могли делать забеги к крайнему северу летом» (Вагенгейм, 1977, с.129). Свою точку зрения причин вымирания мамонтов И.Д. Черский объяснял всеобщим похолоданием и развитием зоны тайги. По словам П.А.Лазарева, результаты работ И.Д.Черского были «настолько значительны, что заложили основу для дальнейшего развития геологических и палеонтологических исследований в Якутии» (Лазарев, 2008, с.19). Данное им описание остатков четвертичных млекопитающих по материалам А.А.Бунге и Э.В. Толля являлось настольной книгой многих поколений палеонтологов.

Следует подчеркнуть, что И.Д. Черскому принадлежит идея учреждения научных станций (баз) и организации долгосрочных экспедиций на севере Якутии для изучения и охраны палеонтологических находок (трупов

мамонтов, носорогов и других вымерших животных (Черский, 1891). Он считал, что продолжительное пребывание естествоиспытателя на северных территориях Якутии давало бы возможность «сейчас же осмотреть и оценить значение каждого из заявленных туземцами, места открытия таких трупов <...>. Присутствие и деятельность его в этих негостеприимных местах служили бы, вместе с тем, полным ручательством и тому, что каждая из возможных находок трупов вымерших постплиоценовых животных делается достоянием науки» (Черский, 1891, с. 622). Там же Черский писал, что «классический вопрос о вымерших гигантских толстокожих - о мамонте и носороге потерял значительную долю прежнего своего обаяния <...> стремление найти прямое и безусловное решение проблемы о климатических условиях, современных названным великанам <...> Но что же дали нам до сих пор сделанные открытия в этом отношении? <...> Находки трупов мамонта и носорога, покрывавшихся, как известно, густою шерстью и снабженных толстым слоем подкожного жира, могли лишь незначительно изменить наши воззрения на современные им климатические особенности Крайнего Севера Сибири. Дальше такого взгляда находки сохранившихся трупов вымерших толстокожих гигантов не могли подвинуть уровень наших сведений в интересующем нас отношении. Поэтому вопрос о мамонте и носороге получает ныне одно лишь зоологическое значение: находки их трупов ознакомят нас с подробностями наружной и внутренней их организации, могут дать в высшей степени ценное приобретение для музея (чучело вымершего животного!) и только. От прежнего вопроса (о мамонтах — авт.) остается в силе, так сказать, одна лишь первая (зоологическая) часть его. Что же касается второй, климатической, то в этом отношении мелкие кости тигра, благородного оленя, антилопы, ископаемой лошади, найденные в условиях, устраняющих мысль о возможности переноса их <...> и в пластах, стратиграфически определенных, имеют несравненно больший интерес, нежели лучший из трупов вымерших исполинов» (Черский, 1891, с. 621).

Таким образом, И.Д. Черский в своем труде попытался обосновать назревшую необходимость создания научных станций (баз), содержание «постоянного естествоиспытателя» на Крайнем Севере Сибири для оперативного реагирования на находки, чтобы определить научную ценность, принять меры по сохранению находки (в особенности трупов животных) до приезда экспедиции, необходимость комплексных исследований местонахождений мамонтовой фауны, которые бы позволили расширить знания как о распространении, эволюции и причинах вымирания этих животных, так и о климатических, геологических изменениях на Земле, не ограничиваясь лишь «зоологическим значением».

В январе 1890 года Академия наук предложила Э.В. Толлю возглавить «Экспедицию Академии наук для исследования рек Яны, Индигирки и Колымы», но по состоянию здоровья Толль отказался от руководства. Тогда, четырехгодичную экспедицию возглавил геолог И.Д. Черский (рис.10.). 28 мая 1891 года экспедиция Академии наук прибыла в г. Якутск.

Рис.10. Известный исследователь Сибири, геолог, палеонтолог И.Д. Черский (1845-1892). Фото из книги Б.С. Русанова «Внимание: мамонты!», 1976, с.33.

Первым делом он посетил областной музей и провел экспертизу палеонтологических находок. Целью научной экспедиции И.Д. Черского в низовья рек Индигирка и Колыма было не столько отыскание цельного трупа мамонта, как ошибочно полагали многие, например, Б.С. Русанов (1976),

сколько получение гораздо более фундаментальных научных данных к проблеме палеоэкологии Берингии - обширного палеоконтинента, соединявшего в единое целое азиатский и американский материки (Лазарев и др., 2004). И.Д. Черский буквально пожертвовал своей жизнью для решения этой проблемы: он скончался во время экспедиции в 1892 г. и похоронен близ поселка Нижние Кресты в низовьях Колымы. В советское время этот поселок – один из красивейших на российском Крайнем Севере был назван именем российского ученого.

3.5. Вторая (1893-1894 гг.) и Третья арктическая (1900-1902 гг.) экспедиции Э.В. Толля

В начале 1892 года житель Усть-Янска М. Санников в 250 верстах от поселка, на берегу р.Санга-Юрях, обнаружил целую тушу мамонта и сообщил в Академию наук о находке (ЯЦГА, ф.12-й, оп.1, д.9464,л.127). После смерти И.Д. Черского в 1892 году, Э.В.Толль согласился возглавить экспедицию и уже в 1893-1894 гг. состоялась Вторая арктическая экспедиция Э.В.Толля. Главной задачей было исследование местонахождения Санга-Юряхского мамонта М. Санникова, раскопки и доставка трупа мамонта в Петербург. По данным С.Е. Мостахова, в случае успешного выполнения этой задачи ему разрешалось расширить программу экспедиции «изучением неизвестных частей Сибири», в частности, исследованиями бассейна реки Анабар и Новосибирских островов (Мостахов, 2013, с.420). К сожалению, когда Э.В. Толль с автором находки М. Санниковым добрались до местонахождения, их ждало большое разочарование - были обнаружены лишь небольшие остатки кожи с шерстью, кости конечностей и нижняя челюсть молодого мамонта. Череп был без бивней, которые оказались давно разломаны и научной ценности они уже не представляли.

Третье и последнее путешествие в море Лаптевых Э.В. Толль предпринял на судне «Заря» в 1900 году со специальной целью поисков Земли Санникова,

однако осенью 1902 года во время пешего перехода по ненадежному льду Э.В. Толль и его спутники погибли. Несмотря на гибель путешественников, экспедиция на яхте «Заря» по праву считается первой Русской полярной научной экспедицией в море Лаптевых, во время которой были собраны «богатейшие материалы по метеорологическим и гидрологическим условиям, по ледовому режиму моря, по флоре, фауне и геологии островов и побережья с выполнением картографических работ» (Карелин, 1947, с. 112). Именно во время своей последней экспедиции, Толль на основе своих исследований сделал вывод, что «гибель мамонтов была обусловлена сокращением суши на севере в результате трансгрессии, а также возможными болезнями» (Толль, 1959, с.300).

Участники полярных экспедиций Э.В. Толля А.А. Бялыницкий-Бируля, М.И. Бруснев, К.А. Воллосович внесли неоценимый вклад в изучение млекопитающих четвертичного периода и в целом в исследовании Северо-Востока России. Обширный палеонтологический материал, собранный полярными экспедициями Э.В. Толля определила и обобщила М.В. Павлова в труде «Описание ископаемых остатков млекопитающих, собранных русской полярной экспедицией в 1900-1903 гг.» (Павлова, 1906). В этой работе она описала остатки четвертичных млекопитающих с о-вов Котельный, Новая Сибирь, Фаддеевский, Столбовой и п-ова Быковский (дельта р. Лены), условия залегания останков, особое внимание при этом уделила ископаемым лошадям. М.В. Павлова отмечала на несомненное сходство с современными животными, рассматривая возможное их распространение, «дающее повод предполагать прежнее соединение Европы с Америкой» (Ширина, 2011, с. 85).

3.6. Изучение Березовского (1901 г.), Санга-Юряхского (1908 г.), Ляховского мамонтов (1909 г.)

Только в 1901 году усилия многих поколений ученых в поисках целой туши мамонта увенчались успехом. Поразительная находка полной туши

мамонта была сделана в середине августа 1900 года охотником-эвеном Уяганского рода Колымского округа Семеном Тарабыкиным (Тарабукиным) на правом притоке Колымы-реке Березовка примерно в 150 км к юго-востоку от г.Среднеколымска. В долине р.Березовка он с товарищами охотился на дикого северного оленя. В обрыве реки он обнаружил хорошо сохранившуюся голову мамонта (ЯЦГА, ф.49-й, оп.1, д.1603, л.2). Она была повреждена волками, вырывавшими мясо вместе с кожей и иногда даже с костями. Тарабыкин с двумя другими охотниками вырубил торчавший из головы бивень (второй бивень отсутствовал, возможно, еще раньше он выпал из головы скатился в реку) (Лазарев и др., 2004). Отрубленный бивень в конце августа на осенней ярмарке продал казаку И.Н. Явловскому.

На протяжении периода с конца XVIII по начало XX в. в Якутии функционировало несколько ярмарок (Явловский, 2002). Из них крупнейшая – Якутская, II разряда, утвержденная Сенатским указом от 24 июня 1768 году наряду с Иркутской и Селенгинской ярмарками (рис.12.). «Третью ярмарку», говорилось в указе, «учредить надлежит в г.Якутске; время ж на то определяется летом июня с 1-го августа по 1-е число, да зимою весь декабрь месяц» (Полное собрание <...>, 1830, с.695). Кроме Якутской, также существовали Олекминская ярмарка и Кыллахская, начинавшиеся раньше Якутской, так как они располагались выше по течению р.Лена, Анюйская, Колымская, Вилюйская, Алданская и другие ярмарки. Мелкие и средние купцы объезжали местные ярмарки и скупали бивень мамонта на местах, в свою очередь, они перепродавали ее на более крупных ярмарках, преимущественно на Якутской, более состоятельные купцы – на Ирбитской, Нижегородской, Новгородской, Иркутской ярмарках.

По определению И.В. Шкловского, колымский купец «это особое существо, всю жизнь проводящий в полярной пустыне». В начале октября, как только замерзнут «бадараны» (болота), из Якутска отправляются вьючным порядком транспорты купеческой клады. Главный груз состоит «из кирпичного чая, листового табаку, бракованных ситцев и водки <...>»

(Шкловский, 1895, с.7). Подобного рода замечания делал и В.М.Зензинов: «<...> и крупные российские фирмы не брезгают отправлять на такую далекую окраину, как Якутск, всякую заваль, залежавшуюся годами на складах; поэтому нередко на кусках всякого рода мануфактуры можно здесь встретить клеймо «брак», смысл которого, конечно, остается загадочным для северного инородца <...>» (Зензинов, 1916, с.194). В марте кладь прибывает в Колымск. Часть продается тут же, но «большая часть на собаках отправляется на Анюй, на Чукотскую ярмарку<...>. В начале мая купцы отправляются из Средне-колымска в Якутск с грузом пушнины и клыков, да еще нескольких красивых дикарок, которых покупают у клана. Цена девушки на крайнем северо-востоке – кирпич чая и чашка водки, т.е. несколько меньше, чем стоит олень» (Шкловский, 1895, с.9).

Рис.11. Якутская ярмарка на р. Лена. г. Якутск, начало XX в. Открытка. Из личного архива П.А. Лазарева (дополнение к приложению №1, ф. 50-й, д. 50.1.)

Житель г. Среднеколымска, казак И.Н. Явловский еще зимой 1892 года познакомился с И.Д.Черским и общаясь с ним понял, что находка целых туш и скелетов мамонтов может представлять большой научный интерес (Гурьев и др., 2011). Так же он был в курсе того, что Академия наук награждает лиц, указавших ей место нахождения трупов мамонтов. Явловский обратил внимание на присутствие остатков шерсти на бивне, привезенном для продажи на ярмарке эвеном С.Тарабыкиным. Подробно расспросив обстоятельства находки бивня, он предположил, что на этом месте может быть целый труп

мамонта и договорился с охотниками, что они покажут место находки. Вначале ноября того же года он отправился с тремя эвенками на Березовку и обнаружил труп мамонта на указанном Тарабыкиным месте. Для защиты от погрызов волков и других хищников они завалили находку землей и камнями. Для неоспоримого доказательства находки Явловский отрезал куски кожи с шерстью с различных участков тела. По приезду в Среднеколымск, он сообщил о находке помощнику колымского исправника Н.Л. Горну, который по инстанциям передал эту весть до якутского губернатора В.Н. Скрипицына, а тот незамедлительно известил Академию наук. Какоказалось впоследствии, незамедлительное извещение сыграло ключевую роль в сохранении этой уникальной находки. 17 апреля 1901 года в Академии наук в Санкт-Петербурге узнали о находке, а далее события развивались чрезвычайно стремительно: уже 3 мая из Петербурга на Колыму выехала специальная научная экспедиция. Начальником экспедиции назначили старшего зоолога Зоологического музея Императорской академии наук О.Ф. Герца, в ее состав вошли также старший препаратор Е.В. Пфиценмайер (рис.13.) и студент Юрьевского университета Д.П. Севастьянов (Герц, 1902). Благодаря «благосклонному сочувствию» министра финансов С.В. Витте немедленно была ассигнована сумма в 16,3 тыс. рублей для снаряжения экспедиции на р. Берёзовку (Тихонов и др., 2008).

Рис. 12. Старший препаратор Зоологического музея Е.В. Пфиценмайер. Начало XX в. Фото из личного архива П.А. Лазарева (дополнение к приложению №1, ф. 50-й, д. 50.1.)

Новость о находке туши мамонта в Якутии широко освещалась в периодических изданиях того времени на первых полосах. Так, 3 мая 1901 года «Московские ведомости» писали:

«Найден целый труп мамонта. Находится на р. Березовой в 140 верстах к востоку от заимки «Быстрие», отстоящей от города вниз по Колыме в 160 верстах. Его видел и описал казак Явловский. Казак привез шерсть, кусок мяса с кожей, кусок желудка с содержимым - травой, мхом, а также бивни», а издание «Научное обозрение» отмечало, что «<...> по распоряжению Императорской Академии наук местные власти должны позаботиться о сохранении драгоценной находки впредь до прибытия специалистов<...>» (Гурьев и др., 2011, с.16).

В дальнейшем, каждый шаг, этапы маршрута экспедиции О.Ф.Герца через огромные расстояния России, детали раскопок на местонахождении, транспортировка туши вызывали огромный интерес:

«В Иркутске находится экспедиция в Колымский край. Состоит из г-на Герца и двух спутников, командированных Академией наук на р.Березовую для раскопок мамонта, для такой цели ассигновано 11300 руб.» («Петербургские новости», 30 мая 1901 г.).

«Экспедиция за мамонтом прибыла в Якутск 1 июня. При удаче, чтобы добраться до места, потребуется 2,2 месяца. Труп мамонта должны доставить в Петербург, и это будет единственный в мире экземпляр» (28 июня 1901 г., «Новое время») (Гурьев и др., 2011, с.11).

События, перипетии этой экспедиции, сами раскопки и транспортировка в Петербург подробно описаны авторами книги «Мамонты Сибири» (2008, рукопись) А.Н.Тихоновым - директором Зоологического музея РАН и Ю.К. Бурлаковым-геологом, членом Ассоциации полярников АСПОЛ, основанной на архивных, музейных документах и материалах отчетов начальника экспедиции Императорской Академии Наук О.Ф. Герца (Герц, 1902).

Уже 3 мая 1901 года экспедиция выехала на скором поезде из С.-Петербурга прибыла в Иркутск 14 мая. В течение недели здесь были закуплены продовольствие и необходимое снаряжение. Из Иркутска ученые на телеге и лодке добрались до поселка Усть-Кут на р.Лене, где сели на пароход «Почтарь», доставивший их в Якутск 14 июня. Протяженность пути от г.Якутска до г.Среднеколымска - свыше 3 тыс. верст, которые предстояло проехать на почтовых лошадях, верхом и пешком. Поскольку на каждой почтовой станции имелось лишь от 4 до 6 лошадей, экспедиция двигалась двумя отрядами, с интервалом в несколько дней (рис.13.). Наиболее трудным участком оказался путь от Верхоянска до Среднеколымска. Имевшаяся здесь тропа была заброшена три года назад, так как грузы в Среднеколымск стали доставлять с гавани Ола на побережье Охотского моря. На преодоление этого участка потребовалось два месяца. Мешали проливные дожди и заболоченная тайга с труднопроходимыми болотами. В описании дороги до Колымы в документе якутской воеводской канцелярии «Якутского уезда роспись дальним и ближним ясачным острожкам и зимовьям» писалось, что «через гору ехать на конях от Якуцкого до Верхоянского зимовья пять недель, а от Верхоянского до Зашиверского индигирского зимовья ехать на конях же четыре недели, а вот от Индигирского верхнего зимовья идти на нартах до среднего Индигирского зимовья два дня, а от среднего до нижнего Индигирского зимовья три дня, а от нижнего зимовья идти на нартах три недели до Алазейского зимовья», от Алазейского зимовья дальше на Среднеколымск (Федоров, 2003, с.7). Естественными преградами служили горные хребты, перевалы, в особенности Верхоянский хребет с его вершинами, достигающими до двух с половиной тысяч метров, переход через который был невероятно труден. Насколько эти переходы были трудны описывал известный якутский краевед Модест Кротов в своей книге «В просторах Индигирки» в 1934 году: «Почти каждый путник, добравшийся до перевала, не задумываясь превращался в язычника: оставлял на его вершине какой-нибудь мелкий предмет, лоскуток яркой тряпки, разменную монету,

стараясь задобрить «того», от кого зависит благополучный подъем и не менее благополучный спуск<...>» (Кротов, 1934, с. 5).

Как писал известный исследователь Камчатки С.П. Крашенинников, характеризуя передвижения по Якутии на лошадях по берегам рек, лесистым горам «<...> ни одна с целыми копытами не приходит до места. Горы чем выше, тем грязнее; на самых верхах ужасные болота и зыбуны, в которых если вьюшная лошадь проломится, то освободить ее нет никакой надежды» (Федоров, 2003, с.9).

Достигнув с невероятными усилиями Среднеколымска, в конце августа О.Ф. Герц с шестью нанятыми рабочими отправился на р.Берёзовку, торопясь построить зимнюю избу и предупредить новое замерзание трупа мамонта. Их согласился сопровождать помощник исправника Н.Л. Горн. Кстати, он своевременно выкупил у местных жителей доставленный в поселок левый бивень мамонта и сохранил его в полицейском управлении. Бивень имел в длину 1м 74см, диаметр у альвеолы 13см и вес 21 килограмм. Судя по толщине, он принадлежал самцу средней величины. Вдоль бивня проходила трещина и были видны следы ударов топором.

От Среднеколымска до заимки Быстрой (150 верст) отряд добирался на двух лодках, а далее – на купленных лошадях. В заимке Мысовой встретились с казаком Явловским, посланным исправником еще весной для охраны места находки. По его словам, он побывал на месте захоронения мамонта совсем недавно из-за своей болезни и рассказал, что вследствие частых дождей большое количество земли, которой был прикрыт мамонт, снесло вниз по склону, труп частично обнажился, при этом хобот, верхняя часть головы и спина оказались объедены хищниками. Шерсти на открыто лежащих частях Явловский не заметил. Безусловно, если бы не болезнь (или лень) казака, то можно было предупредить эти повреждения (Герц, 1902; Тихонов и др., 2008, рукопись).

По пути от заимки Быстрой до местонахождения мамонта 7 сентября путников застали снегопад и пурга, сильно затруднившие движение. Поздно

вечером 9 сентября прибыли в нужную точку. Труп мамонта, прикрытый землей, оказался нетронутым. Начальником экспедиции О.Ф. Герцом был принят следующий план действий: в короткий срок выкопать труп из земли, расчленив его на части и в замороженном виде перевести зимним путем на лошадях в Якутск и далее в С.-Петербург. В лагере был поднят белый флаг экспедиции с изображением мамонта.

На следующий день рабочие приступили к строительству зимней избы, а Герц приступил к наружному обследованию мамонта. Труп находился в трехстах метров от палаточного лагеря, на левом берегу р.Берёзовки, в 35-ти метрах выше уровня воды, в береговом обрыве высотой 55 метров.

Вскрыв слой земли, которым Явловский прикрыл труп мамонта, Герц обнажил череп, кожа которого большей частью была объедена хищниками. Между зубами он обнаружил хорошо сохранившиеся остатки пищи, что свидетельствовало о быстрой смерти животного. На глубине 70см ученый наткнулся на левую переднюю конечность, покрытую со всех сторон до плеча волосами. Верхний слой кожи (эпидермис) полностью сгнил, но шерсть еще держалась при помощи вмещающей сырой земли. Для ее сохранения на ногу были наложены биндажи. Шерсть на верхней стороне ноги состояла из желто-бурого скомканного подшерстка длиной 25-30см с густо стоящей чалой остью, превышающей подшерсток на 10-12см. Конечность согнута таким образом, что видно было, как мамонт пытался выкарабкаться из ямы или щели, в которую, вероятно, упал сверху, но был так сильно травмирован, что не смог освободиться. В дальнейшем выявились переломы тазовых костей и правого предплечья. При дальнейшем откапывании обнаружилась и правая передняя нога, подвернувшаяся при падении тела почти горизонтально под брюхо. Ость и подшерсток желто-бурого цвета сохранилась здесь только в нескольких местах. На обеих ногах сохранились по пять ногтевидных копытец, хотя более поздние находки имели, как правило, по три-четыре копытца (Тихонов и др., 2008, рукопись). Из сидячего положения мамонта следовало, что он находился в том же положении, в каком застигла его смерть и не был принесен сюда

водой. Очевидно, голова мамонта обнажилась раньше других частей: кожа с нее и хобот давно сгнили или были съедены хищниками. Чтобы иметь возможность работать с трупом после наступления сильных холодов, когда ни кирка, ни лопата бесполезны перед вечномерзлыми грунтами, О.Ф. Герц решил выстроить над ним отапливаемую бревенчатую избу. До этого он был просто прикрыт брезентом. 18 сентября отряд переехал из палаток в новую зимнюю избу, построенную в лесу и прикрытую от ветров.

Рис. 13. Язык и нижняя челюсть Березовского мамонта. р. Березовка, 1901 г. Фото из личного архива П.А. Лазарева (дополнение к приложению №1, ф. 50-й, д. 50.1.)

Присутствие густой шерсти показывало, что животное могло хорошо переносить холодный климат. Смерть вследствие недостатка пищи также исключалась, так как в желудке было найдено большое ее количество.

Рис.14. Зимняя изба экспедиции. р. Березовка, 1901 г. Фото из личного архива П.А. Лазарева (дополнение к приложению №1, ф. 50-й, д. 50.1.)

Фотография новой жилой избы (рис.14.) позволяет рассмотреть некоторые детали обустройства жилья и быта участников экспедиции. Изба срублена из лиственницы, проконопачена мхом, для рубки деревьев использовалась пила. Видно, что для быстроты постройки бревна не очищались от коры. Традиционный способ отопления жилья – печь-камелек, сложенный из лиственницы-тонкомера и обмазанный глиной. С правой стороны угол избы промазан глиной, которая, возможно, осталась от изготовления *камелька*, для теплоизоляции - предотвращения выдувания тепла из избы и продувания холодными ветрами со стороны печи снаружи. Примечательно устройство дверных петель. Такого типа петли для открывания входных дверей без единого гвоздя, изображенные на фотографии, лестницу на крышу промысловики и сейчас используют в своих охотничьих избышках. Дверь обтянута лошадиной шкурой, также видны лошадиные и олени шкуры. На крыше избы торчат рога ископаемого бизона, лежит голова лошади. Участники экспедиции питались в основном кониной, что подтверждается дневниковыми записями О.Ф. Герца (Герц, 1902). Промысловики обычно на крыше хранят продукты питания, мясо, опасаясь погрызов мышевидных грызунов. На стене избы висит *черкан* для ловли мелких пушных зверьков, шкурка глухаря - боровая дичь является прекрасным подспорьем для питания в зимнее время. На участниках экспедиции надеты традиционные кухлянки из оленьей шкуры мехом наружу, используемые по сей день как незаменимая промысловая мужская верхняя одежда. Оторочка капюшона и подола из волчьей шкуры, у второго -подол кухлянки и рукава, вероятно, из шкуры россомахи, который из-за своеобразного строения ости волоса не индевеет на морозе. На ногах у всех сапоги - *торбаза* из сыромятной конской кожи, которые Е. Пфифценмайер охарактеризовал так: «замечательны своей непромокаемостью якутские сапоги на мягкой подошвах, сделанные из конской кожи. Якуты их называют «сари» (Пфифценмайер, 1928, с.9). Бережное отношение к оружию характеризует брезентовый чехол, сшитый по размерам

ружья. И даже ответ на часто задаваемый вопрос - на какой стороне ремня носили в старину якутский нож, дает эта фотография – на левой стороне.

Рабочие переключились на строительство второй избы над трупом. Через день в лагерь прибыл отряд Е. Пфиценмайера, однако, третий их спутник – студент Севастьянов, добравшись до Среднеколымска, отказался дальше идти, мотивируя тем, что «ему, как геологу, нечего делать на месте находки», а по другим источникам, сослался на болезнь: «В Среднеколымске он упал духом, и уже до Березовки ему не добраться и отказался идти дальше» (Герц, 1902; Тихонов, 2005, с.23). К 30 сентября закончили вторую избы. Чтобы мамонт не замерзал, решено было топить печь круглосуточно, но не очень сильно, лишь бы поддерживалась положительная температура. В оконные проемы вставили куски льда, а вместо двери повесили шкуру лося. Теперь можно было начинать капитальные раскопки. После удаления земли с открытой спины, обнажился желудок и остатки пищи. Обнажившаяся стенка желудка была темно-кофейного цвета, она оказалась сильно сгнившей и разорванной. В желудке содержалось большое количество остатков пищи. В этот же день отделили левую переднюю ногу, чтобы спасти державшуюся еще на шерсти, могущую отвалиться при дальнейшем оттаивании. Поскольку некоторые мягкие ткани мамонта были подвержены гниению, их сразу же отработали квасцами и солью.

Рис.15. Общий вид находки. р.Березовка, 1901 г. Фото из личного архива П.А. Лазарева (дополнение к приложению №1, ф. 50-й, д. 50.1.)

Весьма примечательно описание мяса мамонта: «Жилистое и проросшее жиром мясо из-под левого плеча имело темно-красный цвет и на вид было таким свежим, как сильно промерзшее бычье или конское мясо. Долгое время участники экспедиции советовались «не отведать ли нам этого мяса, так как оно имело очень аппетитный вид, однако никто не мог решиться взять его в рот, и ему предпочитали конину. Брошенное собакам мясо мамонта съедалось ими весьма охотно» (Герц, 1902; Тихонов и др., 2008, рукопись). Слой сала под кожей достигал 9см толщины. Оно белого цвета, без запаха, имело губчатую, ноздреватую консистенцию и легко резалось. Мясо, помещающееся между ребрами и кожей, легко сдиралось отдельными слоями. Кожа на левом плече достигала 19мм, а на правом – 23мм толщины.

Большие пучки волос, торчавшие из мерзлой земли около нижней губы и принадлежавшие подбородку и груди, достигали длины в оборванном виде 36см. Полная их длина около 50см. Волосы ости, торчащие в земле непосредственно позади нижней губы, совершенно черного цвета, а ближе к передним ногам становятся пепельно-белокурыми. Герц взял с собой всю вмещающую глыбу земли в замороженном виде. Такой же длины оказалась и бледно-белокурая шерсть с левого плеча. Шерсть, помещающаяся от левого плеча до брюха, имела пеструю окраску. С корня она красно-бурая, посередине – рыжеватая, а на концах – желтого цвета. А вот остатки волос с левой щеки, достигавшие в длину 23см, имели от рыжевато-бурой до черной окраску. Подшерсток здесь менее густой, нежели на прочих участках кожи, цвет его желтоватый. Щетинистые волосы ости сохраняют упругость, пока они находятся в мерзлоте, а при комнатной температуре в избе быстро отвердевали и становились ломкими. Поэтому их приходилось держать на открытом воздухе при минусовых температурах. Ученые наложили биндажи на левую переднюю ногу, упаковали ее в сено и обтянули мешковиной, чтобы сохранить шерстный покров.

Рис.16. Момент раскопок Березовского мамонта. р. Березовка, 1901 г. Фото из личного архива П.А. Лазарева (дополнение к приложению №1, ф. 50-й, д. 50.1.)

Из желудка вынули остатки пищи, отсекли правую переднюю ногу выше плеча, вскрыли ее до предплечья и вынули сломанную посередине плечевую кость, поврежденную при падении мамонта. При этом кость имела патологические наросты. Хотелось привести целую ногу, но ее тяжесть была слишком велика для одной нарты. Но мясо и жир хорошо сохранились и их решено было забрать. Волосы имелись только на нижней стороне ноги. Интересно, что местами сохранились частицы крови, напоминающие марганцевокислый калий в мелких кусочках. При размягчении они оставляли после себя легко смываемые темно-красные пятна, на ощупь они напоминали грубый сухой песок. Частицы такой крови находились между желудком и грудной костью, в то время как кровь, вынутая выше, имела светлый, глинисто-желтый цвет и на ощупь напоминала известь.

Части желудка, к которым после вскрытия имел доступ воздух, разрывались даже при осторожном прикосновении, однако ученым удалось вынуть значительную часть желудка с содержимым хорошей сохранности. Впоследствии, содержимое желудка весом около 12 кг исследовал академик В.Н. Сукачев (1914), который обнаружил пыльцу злаков, осок и других луговых растений, составляющих летний пищевой рацион мамонта. В 1957 году Л.А. Куприянова впервые провела палинологические исследования на

захоронении Березовского мамонта (Тихомиров, Куприянова, 1954; Куприянова, 1957), а в содержимом желудка обнаружено наличие большого количества пыльцы травянистых растений (99,8%), главным образом злаковых (97%) и только 2,6% составляла пыльца разнотравья, пыльца древесных и споры мхов и папоротников составляли всего лишь по 0,1%, что позволило ей сделать вывод, что Березовский мамонт «существовал в эпоху с более мягким климатом, чем современный, и соответственно с более богатой растительностью, когда леса Восточной Сибири были распространены дальше на север, как и луговые, и лугово-степные ландшафты» (Куприянова, 1957, с.335). Выявленное в ходе споро-пыльцевого анализа наличие преобладающего количества «плодов и семян и незначительное содержание пыльцы древесных пород (0,1%), цветение которых приходится на начало лета», привели к заключению, что Березовский мамонт погиб в конце лета или осенью (Томская, 2000, с.9).

7 октября, после оттайки мерзлоты, удалось добраться до ранее недоступной части трупа. Ею оказался выпяченный вниз зад. При его очистке выяснилось, что тазовая кость сломана, видимо, при падении мамонта с обрыва. Крестцовая кость была целой. Бедренные кости задних ног были так крепко связаны с берцовыми костями, что пришлось вырезать их из окружающего мерзлого мяса целиком, а расчленив лишь на следующий день. Подняв при помощи рабочих весивший до 200кг кусок брюшной кожи, ученые открыли полный хвост. Он был довольно коротким и состоял из 22-25 хвостовых позвонков. При жизни хвост был усажен длинными волосами, теперь они обломились на две трети и застряли в слое льда под трупом. Длина волос составляла 20-35см, ржаво-бурой окраски. Длина хвоста достигала 36см, обхват у комеля – 32см.

Рис.17. О.Ф. Герц (справа) и Е.В. Пфиценмайер у остатков Березовского мамонта. р.Березовка, 1901 г. Фото из личного архива П.А. Лазарева (дополнение к приложению №1, ф. 50-й, д. 50.1.).

11 октября участники экспедиции произвели последние операции над трупом, после чего все части трупа перенесли в жилую избу и тщательно упаковали. Под местом, где раньше помещался мамонт, вырыли шурф, который на глубине 1,9м наткнулся на чистый лед, аналогичный ледяной стене сзади террасы. В этот день, наконец, выпал долгожданный снег и можно было приступить к перевозке трупа в Среднеколымск.

За два дня рабочие изготовили 10 примитивных саней, на которые погрузили части мамонта, поскольку для разового подъема груза лошадей не хватало. 15 октября Герц отправил первый отряд во главе с Явловским, а сам остался ожидать возврата лошадей. Вторым отряд вышел через неделю. 25 октября вся экспедиция была в Среднеколымске. По этому поводу «Правительственный вестник» 18 декабря 1901 года писал: «Экспедиция Академии наук для исследования в Колымском округе, прибыла в Средне-Колымск с вывезенным мамонтом. Скелет и кожа, за малым исключением, найдены целыми<...>. Найденные части мамонта доставляются в Петербург в замороженном виде» (Гурьев и др., 2011, с.16). В Среднеколымске весь груз, вес которого составлял 1,6 тонны, подготовили к дальнейшей перевозке на лошадях по маршруту Среднеколымск-Верхоянск-Якутск-Иркутск, к железной

дороге (рис.19.). Каждый кусок тела обернули в мешковину, упаковали в сено, сверху натянули целый мешок и зашили в свежие шкуры. Герц решил, что и дальше лучше двигаться двумя отрядами, из-за малочисленности сменных лошадей на почтовых станциях.

Что касается транспортировки, то согласно наблюдениям В.И. Иохельсона (1898), из Колымского края в Якутск пушнина и мамонтовая кость обычно отправлялась весной, «обыкновенно в мае месяце, с обратными якутами-подрядчиками, привозящими зимою купеческую кладь из Якутска», при этом мамонтовые бивни зашивались в «сыромятные футляры, не пропускающие влаги и защищающие кость от лучей солнца. Небольшие куски кладут в сумы с пушниной. Тяжелые – более трех пудов – бивни перевозят зимой на оленьих нартах» (Иохельсон, 1898, с.111). Под «сыромятными футлярами» подразумевались «коровьи, сыромятные сумы», при этом подчеркивалось, что «лучшей упаковки, чем эта простая, первобытная, не нужно; никакие фабричные чемоданы или сундуки не выдержали бы столь тяжелого пути». Примечательно отношение местных жителей к печати: «Зашнурованная сума запечатывается печатью торговца, для чего ниткой привязывается деревянная колодка, к которой концы ниток припечатываются сургучом. К такой печати инородцы относятся с особым благоговением, как к символу частной собственности и неприкосновенности. Печать – это своего рода знак *табу*. Замок не пользуется таким почтением как печать» (Иохельсон, 1898, с. 113).

Рис.18. Обоз с Березовским мамонтом выходит из г. Среднеколымска. 1901 г. Фото из личного архива П.А. Лазарева, дополнение к приложению №1, ф. 50-й, д. 50.1.

Согласно данным В.И. Иохельсона, «стоимость провоза от Колымска до Якутска около 3 р. с пуда. Провоз же товаров из Якутска в Колымск обходится в 5р.-5р.50 к. с пуда, так подрядчики с лошади, т.е. с 6 пудов, берут 30-35 руб. Кроме того упаковка товаров обходится на пуд около 50 к., так как сума стоит от 2 до 3 руб.» (Иохельсон, 1898, с.114). В каждую переметную суму клали до 2-2,5 пудов груза, в итоге получалось 4-5 пудов на каждую лошадь. Этот груз якутская лошадь несла в летнее время, по труднопроходимым местам, когда «весь край состоит из сплошных болот». А зимой навьючивали больше груза – до 6 пудов. На 10 вьючных лошадей предназначался один ямщик. Лошади привязывались длинным поводом к вьючному седлу или за хвост впереди идущей лошади. Ямщикам вменялась в обязанность следить за грузом, поправлять вьюки во избежание натирания тела лошади, постоянный присмотр и уход за лошадьми, знать местность и выбирать наиболее удобные тропы и безопасные проходы. В «транспорте» обыкновенно могло быть 30, 50 или 100 лошадей (Иохельсон, 1898, с.114).

Первый отряд на 11 санях во главе с Е.В.Пфиценмайером двинулся 15 ноября, второй, во главе с О.Ф.Герцом, - 26 ноября (Гурьев и др., 2011). Двигаться приходилось круглосуточно, при морозах до -50 градусов, только на полдороге, в Верхоянске, позволили себе отдохнуть два дня. Здесь лошадей сменили на оленей, причем большие расстояния людям приходилось преодолевать пешком (рис.20.). От р. Алдан опять воспользовались лошадьми. Первый отряд прибыл в Якутск 24 декабря, а второй – 6 января. Через 10 дней оба отряда двинулись по зимнику в Иркутск по р.Лене.

Российские газеты не оставляли без внимания передвижения экспедиции О.Ф.Герца:

«Труп мамонта с громадными усилиями доставлен из Колымска в Якутск на 20 нартах. Разделившаяся на две партии экспедиция находится на пути из Якутска в Иркутск, где будет в начале февраля» («С.-Петербургские ведомости», 21 января 1902 г.) (Гурьев и др., 2011, с. 16).

Рис. 19. Переход обоза на оленьих упряжках через Верхоянский хребет. 1901 г. Фото из личного архива П.А. Лазарева (дополнение к приложению №1, ф. 50-й, д. 50.1.)

Рис.20. Конный обоз движется по льду реки. 1901 г. Фото из личного архива П.А. Лазарева (дополнение к приложению №1, ф. 50-й, д. 50.1.)

«Мамонт оказался целым. Мясо и жир найдены свежими. Жир хорошо горит, а мясо с удовольствием едят собаки. В желудке оказалось 2-3 пуда пищи. Вес всего взятого экспедицией – 67 пудов» («Правительственный вестник», 26 января 1902 г.) (Гурьев и др., 2011, с.16).

Во избежание перегрузки и поломки на каждой из почтовых станций изготовили постоянные большие сани. На станциях останавливались на несколько часов только для смены лошадей. Последняя часть пути заняла 16 дней. 6 февраля выехали из Иркутска по железной дороге в Петербург, куда благополучно прибыли 18 февраля 1902 года, тем самым была выполнена одна из важных задач экспедиции – доставить труп мамонта из Сибири в замороженном виде в Петербург до наступления теплых дней.

Заключительный этап этой эпопеи так описывала газета «Московские новости» 1 марта 1902 г.:

«С 19 февраля началась распаковка привезенного в Петербург мамонта. Особое внимание на себя обращает кожа снятая с живота: ширина куска кожи, весом 7 пуд., 3,5 арш. и толщина - от 19 до 28мм. Сохранился в неприкосновенности хвост в 36 см и в окружности 32мм. Открыта также голова. Кожа облезла, сохранился только череп, один клык, челюсти и зубы. На теле желтоватый как у верблюда, пух в 9мм. Цвет шерсти несколько темнее» (Гурьев и др., 2011,с.17).

Таким образом, вся экспедиция заняла около 10 месяцев, в ходе которых было пройдено 3,6 тыс. км на санях и 1,8 тыс.км верхом через труднопроходимую тайгу, горные перевалы и лесотундру. Лишь благодаря завидному терпению и выдержке участников удалось достичь места находки до зимнего промерзания грунта. Начальник экспедиции О.Ф.Герц особо подчеркнул большое содействие со стороны Иркутского генерал-губернатора Н.И.Пантелеева, Якутского губернатора В.Н.Скрипицына и помощника среднеколымского исправника Н.Л. Горна (Тихонов и др., 2008, рукопись).

Находку поместили в Зоологический институт Академии наук. При изучении оказалось, что индивидуальный возраст этого взрослого самца составляет около 50 лет (определено по бивням), а абсолютный возраст – около 44 тыс. лет, то есть он относился к ранним мамонтам. На реконструированном чучеле туши этого зверя цвет сохранившейся и частичноподклеенной шерсти совпадает с дневниковыми записями О.Ф. Герца (Герц,1902). Это всемирно известное чучело Березовского мамонта стало эмблемой Зоологического института и образованного позже при нем Мамонтового комитета АН СССР. Обширные сведения об этом экземпляре изложены в трех томах Научных результатов экспедиции Императорской Академии Наук (1901, 1909, 1914гг.). В 2014 году международная палеонтологическая экспедиция Музея мамонта установила на месте находки Березовского мамонта памятную доску.

Первое микроскопическое исследование мягких тканей мамонта провел проф. Глебов [Проф. Глѣбовъ. «*Récherches microscopiques sur les parties molles du Mammouth*» Bulletin de la Société impériale des naturalistes de Moscou. T. XIX. 1846. № III, p. 108.]. Оно было произведено в 1846 году над тканями найденного в 1839 году, так называемого, Трофимовского мамонта (Бялыницкий-Бируля, 2016, с.26). Проф. Глебов утверждал, что уже по макроскопическому виду тканей этого мамонта можно было без труда отличить мышечную ткань, клетчатку, жир, а под микроскопом хорошо различалась мышечные волокна, клетчатка, т. е. волокнистая соединительная ткань и сухожилия, жировая ткань, эпителии, кровяные тельца, нервные волокна мозга и проч. Он высказывал удивление, что «в течении столь продолжительного времени, когда разрушается металл и гранит, столь нежные ткани как волокна мозга, клетки тканей мамонта представляют по большей части те же анатомические особенности даже самые тонкие, как и живое тело» (Бялыницкий-Бируля, 2016, с.26). Однако более поздние исследования ряда исследователей (Ф.А. Бялыницкий-Бируля, 1903, 1904, 1909; В.В. Заленский, 1905; П.М. Малиев, 1908) показали, что «ничего похожего на нервную ткань в том виде, как она нам представляется при нынешних микроскопах и усовершенствованных методах гистологических исследований, в изучавшемся проф. Глебовым мозгу при помощи весьма еще несовершенного инструмента мамонта не имелось» (Бялыницкий-Бируля, 2016, с.26). Аналогичные выводы касались и других изученных проф. Глебовым структур: мышечных волокон, сухожилий, жировой ткани, мозговой ткани и др.

Сопоставляя данные полученные проф. Глебовым в 1846 году с данными изучения Березовского мамонта проведенными 1903-1909 гг., исследователи пришли к выводу, что ткани Трофимовского мамонта «были сильно изменены, и, по-видимому, аналогичны тем, которые найдены нами в тканях Березовского мамонта» (Бялыницкий-Бируля, 2016, с.27). Этот вывод, основанный на микроскопических и гистологических исследованиях Трофимовского (1839) и Березовского (1901) мамонтов, имел большое значение для общих выводов

относительно условий сохранения в мерзлой почве Сибири трупов мамонтов, носорогов и других млекопитающих четвертичного периода.

Исследования Березовского мамонта отражены в работах Ф.А. Бялыницкого-Бирули «О некоторых трупных изменениях в тканях Березовского мамонта (с демонстрацией препаратов» (1904); «Микроскопическое исследование отложения на сломанной правой плечевой кости мамонта, найденного на р. Березовке близ Средне-Колымска в 1901 г.» (1903); «Гистологические и микрохимические наблюдения над тканями Березовского мамонта. (С картою и таблицей с микрофотограммами и фотографическим снимком)» (1909); в труде академика В. В. Заленского «Остеологическія и одонтологическія изслѣдованія надъ мамонтомъ (*Elephas primigenius* Blum.) и слонами (*El. indicus* L. и *El. africanus* Blum.) (1904); проф. Н.М. Малиева «Мышечная система переднихъ и заднихъ конечностей мамонта» (1908).

Прежде всего, эти исследования касались состояния и сохранности мягких тканей Березовского мамонта. Несомненно, что исследователям тканей мамонтов и носорогов приходилось иметь дело с объектом более или менее измененным процессом разложения, «<...> о полной свежести мамонтового мяса, быть может, одна невольная иллюзия<...>» (Бялыницкий-Бируля, 2016, с.27). Свидетельством тому является описание Е. Пфиценмайера (1928) раскопок Березовского мамонта: «От туши шла невообразимая вонь. Приходилось часто останавливаться, чтобы сполоснуть руки в Березовке, но это мало помогало<...>. Жар от самодельного камина растапливал глину, работать было легче, но запах стал совсем невыносимым. Приходилось копать, замотав лица шарфами. Вонь доходила даже до жилой избушки, стоявшей в полутора километрах от туши» (Нелихов, 2010, с.59), «<...> Вокруг распространился отвратительный, аммиачный запах. Он пропитал наши инструменты, рабочую одежду, наконец, нас самих» (Пфиценмайер, 1928, с.54.). Анализируя процесс разложения мягких тканей мамонта, исследователи не исключали, что методы консервирования (соль, квасцы, мышьяк, алкоголь) примененные на месте

раскопки, «не достаточно предохранили предназначенные для микроскопического исследования объекты от последовательных изменений» (Бялыницкий-Бируля, 2016, с.25), несмотря на то, что как писал О. Герц (1902): «Самая заботливая мать не сумеет нести своего ребенка более бережно, чем я переносил остатки допотопной фауны» (Нелихов, 2010, с.9).

В то же время во время микроскопических и гистологических исследований ученые не пришли к единому выводу о времени начала происхождения трупного разложения. Высказывались предположения, что, либо изменения в мягких тканях мамонта произошли уже на его далеком пути от р. Березовка до Петербурга, либо Березовский мамонт подвергся после своей смерти процессу медленного разложения при низкой температуре в сильно влажной среде и при недостаточном доступе воздуха, оказавшись засыпанным массами грунта, «когда имелись, по-видимому, благоприятные условия для превращения жировой ткани его тела в жировоск» (Бялыницкий-Бируля, 2016, с.25), т.е. эти условия давали возможность превращению некоторых частей трупа в жировоск, но вместе с тем не превышала того предела, когда наступило бы гниение тканей из-за отрицательных температур вечномерзлых пород. Наглядным примером превращения жировой ткани в жировоск служит исследование Ф.А. Бялыницким-Бируля (1904) места перелома правой плечевой кости, где образовалось отложение, классифицированное им как жировоск (*adipocire*) – слоистая очень хрупкая масса, которая является «одним из продуктов трупного разложения животного организма» (Бялыницкий-Бируля, 2016, с.17).

Микроскопическому исследованию были подвергнуты кожа, подкожная клетчатка, кровь, мускулы, волос, мозг с твердой оболочкой, кости, стенки желудка. Относительно кожи В.В. Заленский замечал, что «она нигде не сохранила эпителиального покрова и вообще клеточных элементов, хотя волосы местами остались в волосяных мешочках», а кровь, взятая «из скоплений ее на животе и полости груди, состояла из темно-коричневой массы смешанной с песком, от которого она с трудом отделялась» (Бялыницкий-Бируля, 2016, с.28).

Мышцы выглядели очень хорошо сохранными и годными для анатомической препаровки, но при микроскопическом исследовании оказались сильно измененными. Большой интерес представляли остатки сосудов, желтовато-красная окраска содержимого которых зависела, по-видимому, от наполнявшей их крови. Структура головного мозга оказалась сильно измененной и высохшей и под микроскопом оказалась «совершенно нарушенной». В заключение академик В.В. Заленский, руководивший Зоологическим музеем РАН с 1897-1906 гг. (Слепкова, 2006), пришел к тому выводу, что «из мягких частей Березовского мамонта сохранились волокнистые элементы тканей, что же касается клеточных элементов, то они везде погибли» (Заленский, 1905, с.28). К аналогичному выводу пришел и Ф.А. Бялыницкий-Бируля (1904, с.31): «<...> нигде мною не было найдено клеточных элементов, волокнистая же ткань оказывалась весьма хорошо сохраненною и сильно развитою». Кроме маленьких ушей, густого плотного подшерстка, одним из адаптивных особенностей мамонта к суровому климату В.В. Заленский считал наличие «анального клапана – складки кожи под хвостом, прикрывающее анальное отверстие» (Тихонов, 2005, с.12).

Что касается причин гибели Березовского мамонта, здесь исследователи не расходятся с мнением О.Ф. Герца (1902), что мамонт, провалившись в «прорез ледника» (или в «береговой обрыв реки»), был засыпан землею (возможно еще и снеговыми массами), которая послужила с одной стороны причиной его быстрой смерти вследствие асфиксии, а с другой стороны способствовала сохранению его трупа до наших времен, благодаря соседству мощных отложений льда: «Самый труп лежал прямо на льду и под ним не было наносной почвы. Такой характер местности и условий залегания мамонта согласно с показаниями О. Ф. Герца должен быть в высокой степени способствовать сохранению мамонта» (Бялыницкий-Бируля, 2016, с.37). При падении Березовский мамонт получил сильнейшие травмы: полный кривой перелом правой плечевой кости и сложный перелом обеих тазовых костей с образованием на местах перелома кровоизлияний, отмеченных О.Ф. Герцом

(1902) в «лопаточных областях и на груди». Посмертная поза мамонта свидетельствовала о попытках выбраться наружу из ловушки, но полученные травмы, придавление массами грунта не дали ни единого шанса на жизнь.

Ф.А. Бялыницкий-Бируля (1903; 1904; 1909), академик В.В. Заленский (1905), проф. П.М. Малиев (1908) в своих работах по микроскопическому и гистологическому исследованиям Березовского мамонта подчеркивали, что говорить о «полной сохранности тканей Березовского мамонта, едва ли представляется возможным. Очевидно, процесс трупного изменения тканей, хотя быть может крайне замедленный, происходил в них продолжительное время» (Бялыницкий-Бируля, 2016, с.33). Кроме того, их исследования внесли большой вклад в реконструкцию палеоландшафта, растительности, климатических и природных условий обитания мамонтов, особенностях питания, в анатомических и морфологических характеристиках мамонтов.

Вместе с тем, В.М. Зензинов в статье «Добыча мамонтовой кости на Ново-Сибирских островах» (1915), дает объяснение почему местные жители неохотно принимают участие в раскопках, транспортировке мамонтовых остатков на примере Березовского мамонта: «Груз весил несколько сотен пудов; выкапывание мамонта из мерзлой земли и перевозки стоили местному населению больших трудов, но труд промышленников и возчиков был оплачен очень скупно» (Зензинов, 1915, с.984).

Рис.21. Чучело Березовского мамонта в Зоологическом музее РАН. Фото из личного архива П.А. Лазарева (дополнение к приложению №1, ф. 50-й, д. 50.1.)

Рис.22. Скелет Березовского мамонта. Зоологический музей РАН. Фото из буклета ЗИН РАН: «Мамонты и мамонтовая фауна», 2012.

В начале работ казаку Явловскому сулили золотые горы, но как отмечает В.М. Зензинов, «в своих расчетах он жестоко ошибся» (Зензинов, 1915, с.985). Промышленник, в надежде на будущую награду, с хлопотами на сохранение трупа, потерял много времени, все лето, с весны до осени, провел в заимке недалеко от места захоронения мамонта в ожидании приезда экспедиции Академии наук, а затем принимал непосредственное участие в раскопках и транспортировке мамонта до г.Среднеколымска. Это время было отнято у него от промысла рыбы, от зимнего промысла песка, и самое главное, от перевозки зимних купеческих грузов, что составляет один из главных заработков северного населения. И в конце концов, «в результате, через несколько лет хождения бумаги по инстанциям, получил от якутского губернатора в виде награды завсе понесенные им труды и расходы <...> всего лишь серебряную медаль. Нужно было видеть его огорчение и негодование!» (Зензинов, 1915, с.985).

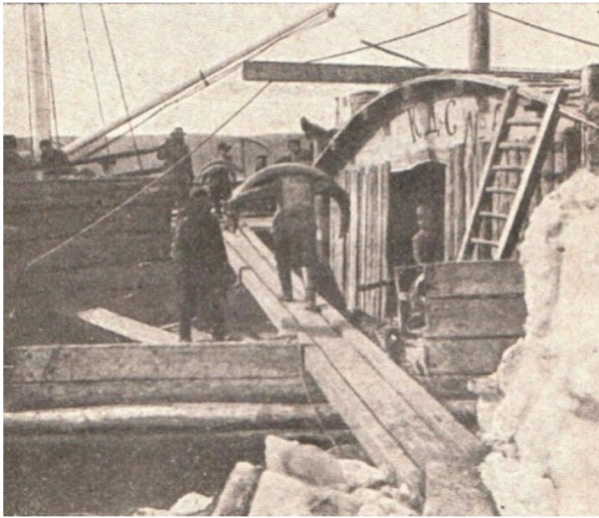

Рис.23. Погрузка бивней на пароход. п.Кюсюр, низовье р. Лена. Начало XX в. Фото из журнала «Природа», 1915, №7-8, с. 990.

Все вышеописанные случаи привели местное население к тому, что они начали опасаться быть втянутыми в такие истории. Следующий наглядный пример приводит П.А. Никольский (2013): по поручению графини Шуваловой священник о.Лаврентий Чагин из с.Казачье предлагал собирать имеющиеся на островах в большом количестве костные останки вымерших животных и обещая им платить такую же сумму как и за бивни мамонта, однако, желающих промышленников на это не нашлось. Этот факт свидетельствует о том, что даже промышленники одного из центров бивневого промысла на островах не верили в материальную выгоду от такого мероприятия, а лишь предпочитали заниматься традиционным и стабильным видом заработка – поисками исключительно бивня мамонта.

23 октября 1907 года житель Ламунхинского рода Усть-Янского улуса 85-летний эвен Василий Протодяконов (Джергели), бывший проводником и другом Э.В.Толля, в 300 верстах от села Казачье на правом берегу реки Санга-Юрях, впадающей в Омудляхскую губу моря Лаптевых обнаружил сравнительно хорошо сохранившийся труп мамонта (Мостахов, 2013). О находке губернатор Якутской области И.И. Крафт сообщил в Академию наук. В начале 1908 года из Петербурга пришли 2 телеграммы за подписью бессменного секретаря Академии наук академика С.Ф. Ольденбурга. В них

выражалась благодарность В. Протодяконову-Джергели за его «внимание (к) интересам науки» и что Академия наук намерена отправить экспедицию под руководством геолога К.А. Воллосовича для раскопок мамонта. Так же в телеграмме содержалась убедительная просьба к якутским властям принять все меры охраны места захоронения мамонта до приезда специалистов экспедиции.

Якутский губернатор отправил к местонахождению трупа мамонта верхоянского казака Турантаева, снабдив его особой инструкцией некоторые пункты которого касательно условий мер охраны, сбережения и предосторожности не потеряли актуальности и по сей день:

«1. По прибытии в Усть-Янск пригласить Джергели и вместе с ним выехать к месту нахождения мамонта, запастись всем необходимым для проживания на два месяца.

2. Разыскав труп мамонта, оставить его в том положении, в котором он находился; для сбережения от гниения и от расхищения песцами немедленно труп обледенить настолько, чтобы образовалась на обнаженных частях трупа толстая корка льда.

3. Труп мамонта охранять все время до приезда на место экспедиции Воллосовича. К трупу не допускать никого из промышленников, под страхом строгой ответственности. К охране должен принять участие и Джергели, которому необходимо объявить, что за находку и за свой труд он получит хорошее вознаграждение. По прибытии на место экспедиции поступить в ее распоряжение и действовать согласно указаниям членов экспедиции» (Мостахов, 2013, с.439).

9 февраля 1908 года экспедиция Академии наук в составе геолога К.А. Воллосовича и препаратора Е.В. Пфиценмайера выехала из Петербурга и уже 22 марта прибыла в с. Казачье Усть-Янского улуса. Из Якутска до места находки экспедицию сопровождал казачий урядник Степан Расторгуев - участник многих экспедиций, в том числе И.Д. Черского и Э.В. Толля. По свидетельству современников, Расторгуев был «коренаст, собою ладен,

рыжеволос и голубоглаз, широк в плечах, щедр и любознателен. Знал многие местные языки, обычаи» (Павлов, 2014, с.173). В с.Казачье к ним присоединились несколько жителей Усть-Янского улуса, в том числе участники Русской Полярной экспедиции Э.В. Толля Николай Гулимов - по прозвищу «Куртах», Гаврил Хабаров и др. Однако на месте находки по прибытии на Санга-Юрях ученые обнаружили небольшого мамонта, у которого не хватало многих костей. Это была взрослая самка 50-55 лет, завязшая в конце лета вилу на берегу реки. Экспедицией были вывезены череп, хобот, куски кожи, волосы, правые передняя и задняя ноги. Впоследствии, по данным радиоуглеродного анализа, был установлен абсолютный возраст находки - около 37000 лет. По свидетельству участников раскопок (Тихонов и др., 2008), хобот этого мамонта был схож с хоботом современных слонов, отличаясь, в основном, волосатостью на верхней стороне (рис.26.). На обеих передних ступнях имелось по три роговых копытца. Задние ноги были покрыты длинными темно-бурыми остевыми волосами и коротким подшерстком (рис.25.). На запястье и плюсне они достигали 15см, а выше локтевого сустава – 35см. На спине и правом боку пряди остевых волос имели в длину до 48см. Мощная ороговевшая подошва диаметром 37-39см выдавалась из-под волосатого венчика пальцев на 35-40мм и была рассечена глубокими трещинами на неправильные «отдельности» числом досорока.

Были заметны следы трех отвалившихся ногтеобразных копытец высотой в 3,5-4см. На хранящихся в Зоологическом музее РАН хоботе и ногах этого мамонта шерсть оказалась сильно утрачена. Средняя часть монтированного хобота голая с внешней стороны, только на верхнем участке сохранилось пятно коричневых обломанных волос размером 5x5см. На нижней стороне имеются участки подшерстка с длиной волокон 30-50мм. Направление волос на хоботе вперед и вниз. Кусок высохшей шкуры со спины и правого бока имеет размеры 149x117см и толщину на уровне бедра до 11мм, а на уровне шеи - около 6мм. В области задних ребер большой участок шерсти состоит из жестких остевых волос темно-коричневого окраса и длиной в 14-

15см,а также густого подшерстка охристого окраса и длиной в 2,5-3см. Такой короткий подшерсток свидетельствует о прошедшей весенней линьке мамонта.

Рис. 24. К.А. Воллосович в поварне.о. Котельный, лагуна Нерпалах. Фото из ПФА РАН, ф.14, оп.2, д.217.

Рис. 25. Задняя нога Санга-Юряхского мамонта. Зоологический музей РАН. Фото из буклета ЗИН РАН: «Мамонты и мамонтовая фауна», 2012.

Рис.26. Средняя часть Санга-Юряхского мамонта. Наиболее длинный фрагмент хобота, известный науке. Зоологический музей РАН. Фото из буклета ЗИН РАН: «Мамонты и мамонтовая фауна», 2012.

Необходимо отметить, что организация экспедиций на северо-восток России стоили невероятно дорого. Например, на раскопки Санга-Юряхского мамонта Государственным казначейством было отпущено 16982 рубля (Tolmashoff, 1929), что составляет по нынешнему курсу более 21000000 рублей (Никольский, 2013). Во время экспедиции за Санга-Юряхским мамонтом якутские промышленники рассказали К.А.Воллосовичу о находке хорошо сохранившейся туши мамонта в истоках р.Этерикэн на Большом Ляховском острове в 1906 году, который вошел в историю как Ляховский мамонт Стенбок-Фермора.

Большинство скелетов с остатками мягких тканей, найденные в вечной мерзлоте Якутии, находятся в отечественных музеях, однако есть одно исключение - это остатки трупа мамонта, найденного на острове Большой Ляховский в 1906 г. В настоящее время его скелет экспонируется в Национальном музее естественной истории в Париже (Франция). История находки подробно изложена в статье К.А. Воллосовича (1915), а также в работах А.Н.Тихонова (1996; 2008, рукопись), П.А. Никольского (2013). В 1906 г. хорошо сохранившийся труп мамонта был найден на Большом Ляховском острове (Новосибирский архипелаг) в верховьях реки Этерикэн (ныне Малый Этерикан).

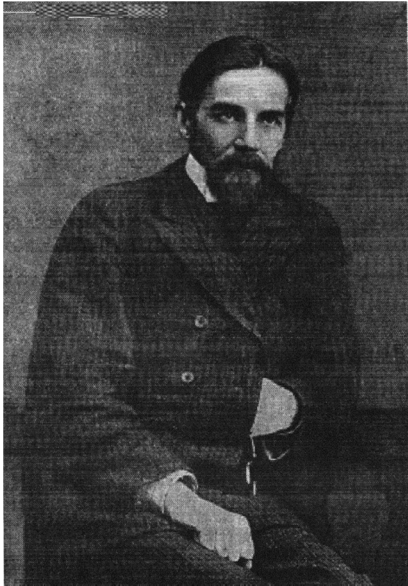

Рис.27. Российский геолог, исследователь арктических районов Сибири К.А. Воллосович (1869-1919). Фото из рукописи П.А. Никольского «Ляховский мамонт», 2013 г.

Известие об этой находке было сообщено устьянским промышленником Николаем Гулимовым-Куртах геологу К.А. Воллосовичу во время его пребывания на севере по поручению Академии наук для раскопок Санга-Юряхского мамонта в 1908 году. По свидетельству автора находки, промышленника Алексея Горохова (бывшего проводника Э.В. Толля и К.А. Воллосовича в 1901-1902 гг.), труп мамонта лежал всей массой на тонком мерзлом иле на дне ручья, причем была обнажена лишь правая часть головы, левая же вместе с бивнем находилась в мерзлом наносе. От черепа с остатками кожи и шерсти был выломан двухпудовый правый бивень великолепной сохранности и отрублен хобот «длинная, около сажени, сужающаяся к концу труба<...>с темными, почти черными волосами» (Никольский, 2013, с.1). Впоследствии, они были безвозвратно утеряны для науки. Чтобы сберечь для науки ценную находку, Воллосович решил не терять времени и организовать раскопки немедленно на свой страх и риск. Для финансирования этого предприятия он занял деньги у местных промышленников, надеясь, что позднее все издержки будут возмещены Академией наук. При этом Воллосович обещал промышленникам, что он выкупит бивни и остатки ископаемых животных по цене «мамонтной кости». Не имея 100%-ных

доказательств наличия и состояния этого мамонта, Воллосович, безусловно, сильно рисковал. А промышленники, в свою очередь, уверили его в том, что легко найдут место захоронения мамонта по месту стоянки А.Горохова – как известно, следы в тундре сохраняются на долгое время. По сведениям П.А. Никольского, «по словам И.П. Толмачева (выдающегося геолога и исследователя Арктики, вычеркнутого из отечественной истории из-за эмиграции в 1922 году), Константин Адамович много задолжал промышленникам, которых попросил разведать место находок и добыть остатки мамонта, в надежде получить потом деньги от Академии наук (Tolmachoff,1929), об этом же сообщает А. Малахов (Малахов,1969), со слов сына Воллосовича, Константина Константиновича» (Никольский, 2013, с.1).

Поздней осенью 1908 года по возвращению в Петербург, Воллосович попытался получить средства от Императорской Академии наук на экспедицию на Новосибирские острова для раскопок мамонта и покрытия долгов, понесенных им в 1908 году. Однако академик Фёдор Богданович (Фридрих Карл) Шмидт, бывший до этого председателем комиссии АН по организации полярных экспедиций, хоть и отнесся с большим вниманием к просьбе Воллосовича, вынужден был констатировать, что «нет никакой надежды получить от правительства нужные для этого средства, так как нельзя быть уверенным, судя по опытам прошлых экспедиций, снаряженных по подобным сообщениям, при том, в большинстве случаев не оправдавших возлагавшихся на них надежд, повторится тоже самое, акроме того, двумя предшествующими экспедициями на Березовку и Санга-Юрах уже в достаточной мере насыщен интерес к предприятиям, значительная же стоимость их создала вообще неблагоприятную обстановку для ходатайств подобного рода». После такого ответа Константину Адамовичу оставалось только «ликвидировать свои попытки» (Никольский, 2013, с.2).

В связи с тем, что Воллосович так и не получил от Академии наук денег, затраченных на раскопки мамонта, он был вынужден прибегнуть к помощи графа А.В. Стенбок-Фермора, который возместил все его долги и, таким

образом, практически приобрел мамонта. Граф Александр Владимирович Стенбок-Фермор являлся давним другом Воллосовича: «<...> с графом у меня установились сердечные отношения еще в годы студенчества, когда я был некоторое время его воспитателем» и «<...> охотно согласился принять на себя весь риск этого предприятия и в случае его успеха использовать возможно лучше в научных целях» (Никольский, 2013, с.2). Однако privately Воллосович не раз высказывался, что «графом владела честолюбивая идея отправить ценную находку в Париж», где он в это время жил почти постоянно, в надежде получить за это орден Почетного Легиона (Никольский, 2013, с.2), что подтверждается словами сына Воллосовича – Константина Константиновича (Малахов, 1969) и И.П. Толмачева (Tolmachoff, 1929), работавшего с К.К. Воллосовичем в следующей полярной экспедиции в 1909 г. В 1912 г. Ляховский мамонт был подарен А.В. Стенбок-Фермором правительству Франции, за что он был якобы удостоен "Ордена Почетного Легиона". Однако по свидетельству А.Н. Тихонова (Тихонов, 1996; Тихонов и др., 2008), французские коллеги не смогли найти этому подтверждения, а российская наука и Зоологический музей Академии Наук лишились ценнейшего экспоната.

История раскопок и доставки Ляховского мамонта в Петербург растянулась на 3 года (Тихонов, 1996; Никольский, 2013). В декабре 1908 года Воллосович получил сообщение от промышленников, что им удалось обнаружить в конце лета место находки мамонта на Ляховском острове. Они сообщили, что туловище мамонта с сохранившимися мягкими тканями (мышцами, жиром, кожей, мехом) лежит на левом боку под слоем ила. При осмотре ими был сделан вывод, что несмотря на замеченные повреждения, мамонт сохранился неплохо и может представлять для науки значительный интерес. Летом 1909 года Воллосович и Стенбок-Фермор отправили промышленникам деньги и подробные инструкции по раскопкам. К сожалению, как пишет П.А. Никольский (2013), сам Воллосович не смог принять участия в раскопках, так как был назначен начальником одного из

отрядов экспедиции министерства Торговли и Промышленности, задачей которой было изучение побережья Северного Ледовитого океана для обеспечения навигации по Северному морскому пути от Берингова пролива до Лены. Прибыв по пути следования к месту экспедиционных работ в с.Казачье, он уже не застал раскопчной бригады, которая уже выдвинулась на Новосибирские острова.

Рис.28. М.И. Бруснев (слева) и К.А. Воллосович , участники Русской полярной экспедиции 1901-1902 гг. Фото из рукописи П.А. Никольского «Ляховский мамонт», 2013 г.

Но в доказательство о наличии мамонта разведочная партия передала ему толстый кусок шкуры мамонта, которую он к концу лета отправил в Петербург. Летом 1909 года промышленникам не удалось раскопать мамонта, так как остатки его залежали в долине ручья, который пришлось отводить, на это было затрачено очень много времени.

Раскопки были продолжены наемными рабочими весной 1910 года. Как отмечал К.А. Воллосович (1915), «на глубине одной сажени добыты были две ноги, отдельные куски кожи, части скелета и куски мяса, добыты еще две ноги и большой кусок кожи с ухом, который пришлось разрубить, так как выемка его целиком оказалась очень трудной; в этом куске находилась и часть хвоста. В наносе возле мамонта находилось много волос, мелких кусков мяса и жира, кроме того найдены разорванные части желудка с остатками пищи, уже

смешанной с илом и имевшей зеленоватую окраску» (Воллосович, 1915, с.604). Большая часть мяса, плохо сохранившиеся куски шкуры, внутренние органы мамонта (часть желудка и кишечника) были оставлены промышленниками в леднике на острове. К сожалению, дальнейшая судьба этих остатков неизвестна. Однако они не поленились захватить полутораметровый половой член мамонта (Тихонов и др., 2008), который, по мнению Воллосовича, своими крупными размерами указывает на то, что «мамонт погиб от удушья при заносе его туши грязевыми наплывами» (Воллосович, 1915, с. 605). Ляховский мамонт – один из немногих экземпляров из известных полных скелетов мамонтов, пол которого подтверждается наличием гениталий (Тихонов, 1996).

Весной того же года, раскопанный материал с трудностями был доставлен по ненадежному весеннему льду в с.Казачье и помещен в ледник до осени, затем последним пароходом по р. Лене был доставлен в Якутск. С установлением зимнего сообщения по ямскому тракту Якутск-Иркутск, груз был доставлен на лошадях до Иркутска, а затем в декабре 1910 года - на поезде в Санкт-Петербург.

Ляховский мамонт, доставленный графу Стенбоку-Фермору в его пригородное имение «Охотничий домик» в пос.Лахта под Петербургом, пришел в мерзлом состоянии и до своей препарировки сохранялся в специальном для него леднике. П.А. Никольский (2013) подчеркивает, что «таким образом, впервые в истории, остатки мамонта удалось доставить к месту исследований в ни разу не размороженном виде», приводя при этом ссылку на Е. Пфиценмайера (1926), что «Березовский мамонт в 1901 году во время раскопок размораживался, потом снова был заморожен и в таком виде транспортировался в Санкт-Петербург» (Никольский, 2013, с.4). Далекий долгий путь он перенес без существенных повреждений благодаря тщательной упаковке. Пострадали лишь некоторые крупные кости, не упакованные столь тщательно в силу своих больших размеров, впрочем, эти повреждения могли произойти и во время извлечения мамонта из мерзлых

грунтов. Следов расчленения промышленниками туши также не наблюдалось, за исключением конечностей и некоторых кусков кожи, «они добыты уже разрозненными» (Воллосович, 1915, с.605). Там же, К.А.Воллосович (1915) в своих заметках перечисляет, что «остатки егосостояли из следующих частей:

А) черепа с левым бивнем, верхней губой и левым глазом;

Б) главнейших частей скелета туловища;

В) куска кожи головы и спины с левым ухом, куска кожи крупа с хвостом и нескольких кусков кожи из разных частей туловища;

Г) мужского полового органа и нескольких кусков уже разложившегося мяса с жиром;

Д) четыре ног, из которых левая задняя имеется целиком от колена, остальные же только с кожей и ступнями, притом вся кожа сохранилась только на левой передней и на правой задней ногах, а на правой передней ноге кожа имеется только вниз от колена, равно как и на левой задней ноге» (Воллосович, 1915, с. 605).

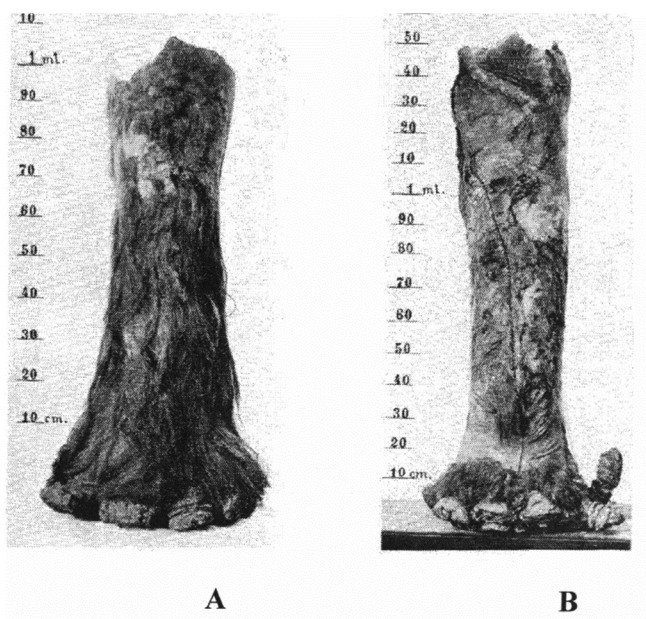

Рис. 29. Ноги Ляховского мамонта Стенбок-Фремора. п. Лахта, 1911 г. Фото из журнала «Природа», 1915, №4, с. 605.

В большинстве источников сообщается, что Ляховский мамонт поступил в Национальный музей естественной истории в Париже в 1912 г. Однако, по данным П.А. Никольского (Никольский, 2013, с. 4), есть все основания

полагать, что он был перевезен туда еще до декабря 1911 г., то есть в Лахте он находился около года. За это время экспонат был подробно изучен К.А. Воллосовичем в специально оборудованном для этого помещении. Впервые удалось достоверно реконструировать естественное положение бивней мамонта, так как в прежних находках бивни в первую очередь вырубались промышленниками и определить их естественное положение в черепе не представлялось возможным.

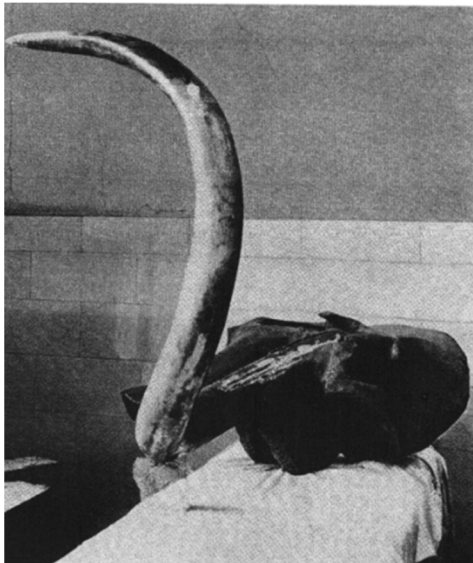

Рис. 30. Череп с левым бивнем Ляховского мамонта Стенбок-Фремора. п. Лахта, 1911 г. Фото из журнала «Природа», 1915, №4, с. 604.

Кроме особенностей экстерьера мамонта, Воллосович на основе изучения шерстного покрова мамонта заметил, что «вкожных покровах представляют большой интерес части их с уцелевшими волосами на голове, на спине, на ногах» (Воллосович, 1915, с. 606) и установил наличие совершенно разных типов остевых волос характерных для весенней линьки и для современных видов животных. Эти данные позволили ему сделать вывод о времени гибели мамонта – начало лета. Особенный интерес Воллосовича вызвали ступни мамонта, которые «по своей сохранности представляют наиболее ценную находку среди его остатков. Они впервые выясняют строение копыт и подошвы этого животного, которые в прежних находках были настолько неполны и разрушены, что о них возможны были только

гадательные суждения» (Воллосович, 1915, с. 606). Таким образом, причисляя хорошо сохранившиеся ступни мамонта к «наиболее ценным находкам» и исходя из морфологических особенностей строения подошвы мамонта, Воллосович отметил, что такое строение подошвы является весьма удачным приспособлением для передвижения по «трясучим, заболоченным низинам, которыми изобиловала мамонтовая тундра, оттаивавшая летом, судя по остаткам ее растительности, несколько глубже, чем современная<...>» в поисках пищи и возможных сезонных миграций (Воллосович, 1915, с.606). Другие материалы Ляховского мамонта в России не исследовались. Академик В.Н. Сукачев, крупнейший геоботаник того времени, определил содержимое желудка мамонта, обнаружив при этом злаки, осоки и мхи, типичных для открытых пространств плейстоцена (Никольский, 2013, с.5).

Рис.31. Подошвы левой передней и левой задней ног п. Лахта, 1911 г. Фото из журнала «Природа», 1915, №4, с. 606.

Уже в начале 1912 года почти целый скелет с черепом и левым бивнем, ноги с мягкими тканями, мясо, жир, разрозненный мех, большой кусок кожи с глазницей и ухом, местами покрытый волосами, пенис оказались в Париже. Точную дату передачи Ляховского мамонта графом Стенбок-Фермором в Национальный музей естественной истории разные источники называют от 1912 до 1914 гг. В настоящее время скелет Ляховского мамонта и часть его мягких тканей экспонируется в Галерее эволюции этого музея. Точное

местонахождение остальных экспонатов (например, задней ноги) неизвестно (Тихонов, 2005). Французские ученые поначалу проявили большой интерес к подаренному уникальному экспонату, а позднее писали о нем только в связи с перемонтажом скелета. Интересно отметить, что примерно в те же годы, когда был доставлен в Париж скелет Ляховского мамонта, во Франции был найден и смонтирован в Булонском музее (Bouloqne Museum) почти полный скелет мамонта из долины реки Аа (del'Aa) (Тихонов, 1996; Тихонов и др., 2008). В 1926 г. скелет все еще монтировался (Digby, 1926), находясь в запасниках, и только в 50-х годах XX столетия монтаж наконец был закончен Ивом Коппенсом (Coppens, 1958) (рис.32.).

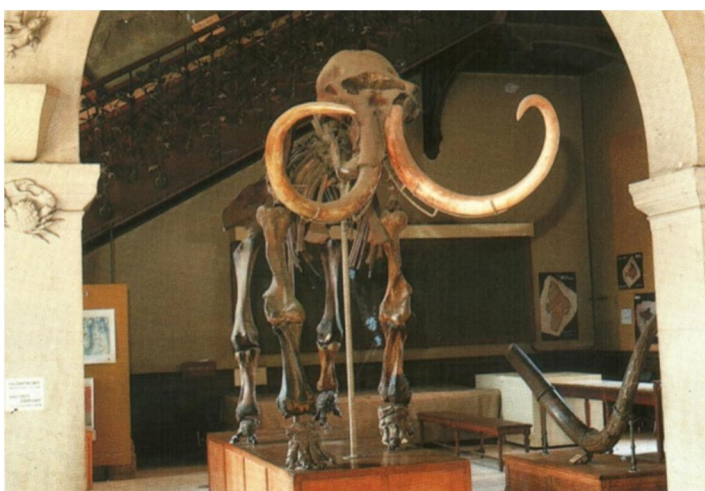

Рис.32. Скелет Ляховского мамонта Стенбок-Фермора. Национальный музей естественной истории, Париж, Франция. Открытка. Из личного архива П.А. Лазарева (дополнение к приложению №1, ф. 50-й, д. 50.1.)

В конце XX столетия, в связи с возросшим интересом мирового сообщества к палеонтологии, проблемам изменения климата, молекулярной генетике остатки Ляховского мамонта снова были подвергнуты исследованиям (Никольский, 2013). Впервые была дана морфологическая характеристика скелета (Тихонов, 1994; 1996). Выяснилось, что это некрупный самец в самом расцвете сил. Были получены радиоуглеродные даты: Beta 79731 >46 000 лет (Yang et al., 1996) и LSM-10145 >49 000 лет (Debruyne et al., 2003). Таким

образом выяснилось, что Ляховский мамонт пролежал в мерзлоте Новосибирских островов не менее 50 000 лет, то есть он является одним из самых древних среди находок подобного рода (Никольский, 2013). Вместе с тем следует отметить, что проведенные молекулярно-генетические исследования Ляховского мамонта дали весьма противоречивые результаты. Одна группа авторов показала, что мамонты ближе к современным азиатским слонам (Yang et al., 1996), другая же группа, напротив, продемонстрировала большую близость мамонта к африканскому слону (Debruyne et al., 2003). Исследования Ляховского мамонта продолжаются, и он еще послужит науке и человечеству в разгадке тайн мамонтов.

3.7. Создание Якутского областного музея и открытие Якутского отделения Русского географического общества

20 февраля 1887 года собрание Якутского областного статистического комитета приняло решение по примеру других комитетов собрать и сохранить у себя редкие произведения природы и изделий человека. Собрание постановило «обратиться ко всем исправникам Якутской области, а также к тем из частных лиц, на содействие которых можно было рассчитывать, с просьбой принять участие в собирании статистическому комитету коллекций, присылать ему предметы» (Якутский музей, 2004, с. 98). Масштабы собирательской работы охватили всю область, среди первых жертвователей были врачи, купцы, священники, ссыльные и простые люди.

26 мая (7 июня) 1891 г. состоялось открытие Якутского областного музея при Статистическом комитете в помещении одной из лавок Гостиного двора (Якутский музей, 2004). Ко дню открытия музея было выставлено 924 экспонатов естественноисторического характера, из них 80 – палеонтологические (Боескоров, 2010). Первым экспонатом стал череп ископаемого быка, найденный летом 1886 года на берегу реки Вилюй жителем Чочуйского наслега Вилюйского улуса Семеном Егоровым. Находка

была передана вилюйскому исправнику Антоновичу, но палеонтологический экспонат, предназначенный для российской выставки, так и не доехал до места назначения. Сложности с отправкой черепа в Иркутский музей на выставку подтолкнули А.И. Попова - потомственного казака, служившего секретарем в Якутском статистическом комитете, к созданию музея. В настоящее время Якутский государственный объединенный музей истории и культуры народов Севера им. Ем.Ярославского является одним из старейших и крупнейших музеев Сибири и Дальнего Востока (рис.11).

Рис 33. Краеведческий музей расположен в здании памятника архитектуры - архиерейских покоев. Конец 1970-х гг. Фото автора (из личного архива С.Е.Федорова)

25 августа 1913 г. в здании Якутского областного музея состоялось открытие Якутского отдела Русского географического общества («Якутский музей», 2004). Главной задачей отдела являлось исследование Якутии в географическом, этнографическом и статистическом отношениях. Для этого предполагалось объединить деятельность местных краеведов и исследователей, а также создать собственный печатный орган и содействовать местному музею.

В 1915 году якутский отдел Русского географического общества сообщил Совету общества о новой находке останков мамонта, сделанной в Вилюйском округе охотником-якутом Н.Т. Андреевым. Совет РГО

поблагодарил Андреева за сообщение и отправил его записку с планом находки в Академию наук (Изв. ИРГО, 1916). Однако, по С.Е. Мостахову (2013), намеченная экспедиция в Вилюйский округ не состоялась из-за неблагоприятных условий военного времени и бурных революционных событий 1916-1917 годов.

Анализируя численность находок животных мамонтовой фауны до революции, Н.К. Верещагин (2002) писал, что: «Уже Е. Пфиценмайер перечислял в 20-х гг. XX столетия 23 находки мерзлых трупов мамонтов, носорогов и их частей. Нет сомнения, что на самом деле местные жители обнаружили за последние два десятилетия не менее сотни туш мамонтов и носорогов, которые так и ушли в неизвестные могилы» (Верещагин, 2002, с. 193).

В 1929 году И.П. Толмачевым была составлена и опубликована полная сводка находок мамонтов и носорогов за два с лишним столетия, с 1692 по 1905 гг. (Карелин, 1946). На основе этой сводки (см.Таблицу 1) была составлена карта местонахождений, где видно, что из 34 достоверных находок мамонтов в России, на территории Якутии было найдено 24.

Таблица 1

Находки остатков мамонта в России (1692-1905 гг.)

№ п/п	Год открытия	Кем описан	№ п/п	Год открытия	Кем описан
1	1692	Идес	18	1866	Бунге
2	1724	Мессершмидт	19	1867	Майдель
3	1780	Адамс	20	1870	Майдель
4	1787	Сарычев	21	1870	Майдель
5	1797	Адамс	22	1876	Норденшельд
6	1799	Адамс	23	1879	Бунге
7	1800	Потапов	24	1891	Толль
8	1839	Рожин	25	1899	Буримович

9	1839	Мохульский	26	1900	Герц
10	1843	Миддендорф	27	1903	Бруснев
11	1854	Хитрово	28	1905	Толмачев
12	1857	Бунге	29	1906	Стенбок-Фермор
13	1860	Толль	30	1907	Волоссович
14	1863	Колесов	31	1909	Кутоманов
15	1863	Толль	32	1910	Соловьёв
16	1864	Шмидт	33	1915	Транзе
17	1866	Шмидт	34	1923	Эндрьюс

Диаграмма 1

Находки млекопитающих четвертичного периода на территории Якутии в XXVIII-XX вв.

На основе вышеперечисленных находок на территории Якутии, исторических и архивных данных можно сделать вывод, что огромную роль в обнаружении остатков животных четвертичного периода на обширных территориях Якутии сыграли именно местные коренные жители Якутии. До 1917 года они нашли несколько десятков остатков трупов мамонтов, носорогов и других животных разной степени сохранности, не считая во много раз

большого количества полных или частичных скелетов животных. Однако многие находки так и не стали достоянием науки из-за позднего сообщения научным организациям, отдаленности Якутии от научных центров, медленного передвижения экспедиций в дореволюционной России.

Глава IV. Первые советские исследования мамонтовой фауны (1920–1940-е гг.)

4.1. Комплексная экспедиция АН для изучения производительных сил Якутии (1925–1930 гг.)

Первый этап научного изучения мамонтовой фауны прерывается бурными событиями в России: Февральской и Октябрьской революциями, гражданской войной, наступившей затем разрухой. Первый этап оказался весьма растянутым во времени — длился около двух веков. Это и неудивительно, учитывая инфраструктуру того времени, отсутствие путей сообщения и огромные расстояния: находки остатков мамонтов, ареал обитания животных мамонтового комплекса, оказались приурочены к самым северным и восточным регионам Азии, мало посещаемым и труднодоступным. Возобновляется изучение мира мамонтов уже в советское время, когда началось активное освоение северных территорий России. Академией наук СССР была организована комплексная экспедиция для изучения производительных сил Якутии. Экспедиция начала свою работу 7 апреля 1925 года и работала до 1931 года. В течении этих лет в работе экспедиции принимали участие всего 186 ученых разных направлений. По результатам исследований самого первого комплексного изучения Якутии, были опубликованы монография «Якутия», 39 выпусков материалов комиссии АН СССР и 47 томов трудов якутской комиссии, 7 книг к 10-летию Якутской АССР, словарь якутского языка, 2 карты Якутии (Якутия: рекорды <...>, 2004). Наряду с развертыванием геологических, географических изысканий велся сбор и изучение остатков мамонтовой фауны. Многие экспонаты в краеведческий музей были переданы участниками экспедиций Комиссии по изучению производительных сил Якутской АССР (1925–1931гг.), составившие впоследствии основу палеонтологической коллекции ЯГОМИ и КНС им. Ем. Ярославского (Боескоров, 2010). Впервые в молодой республике – Якутской АССР в 1927 году из отдельных костей мамонта был собран сборный скелет в

Зоологическом отделе Краеведческого музея, привлекший всеобщее внимание общественности (Винокуров, 1991).

Рис.34. Первый сборный скелет мамонта, выставленный в Зоологическом отделе Краеведческого музея в 1927 г. Присутствуют (слева направо): Г.А. Попов (директор музея), П.А. Ойунский-Слепцов (Председатель ЦИК Советов Якутской АССР), сотрудник музея М.М. Измайлова. Якутск, 1927 г. Фото из личного архива П.А. Лазарева (дополнение к приложению №1, ф. 50-й, д.50.1.)

Уже в 1932 году вице-президент Академии Наук СССР академик В.Л. Комаров подписал обращение к населению страны «О находках ископаемых животных»: «По берегам северных рек, ручьев и морей вымываются водой из слоев земли остатки давно вымерших животных, когда-то живших в Сибири на севере Европейской части СССР: отдельные кости, черепа или даже цельные скелеты и трупы мамонтов, носорогов, ранних быков, лошадей, оленей и других. Все эти находки трупов с мясом, кожей и шерстью, а также цельные скелеты и черепа представляют большой научный интерес. Они нужны Академии наук СССР для изучения и для выставок в музеях.

Поэтому Академия наук СССР просит всех граждан, нашедших такие остатки вымерших животных или слышавших о них, во-первых, принять меры

к охране от уничтожения дикими животными или от дальнейшего размыва водою, во-вторых, возможно скорее сообщить по радио или почтой в Москву, в академию наук об этих находках. За это Академия наук СССР будет выдавать денежное вознаграждение, в зависимости от научной ценности находки, размером до тысячи рублей» (из фондов Музея мамонта НИИПЭС СВФУ). Листовка была распространена во всех северных республиках СССР.

4.2. Находка Среднеколымского мамонта

Среднеколымский мамонт известен по обрезку кончика хобота, найденного в 1924 году на берегу р. Большая Бараниха в Якутии (Тихонов и др., 2008). Хобот был передан в 1929 году учительницей г. Среднеколымска Кондратьевой геологу К.Я. Пятовскому, который привез его в Зоологический институт Академии наук. История этой находки неизвестна, но это редчайший экземпляр такого рода (рис.35.).

Рис.35. Окончание хобота мамонта Пятовского. Среднее течение Колымы. 1924 г. Из буклета ЗИН РАН: «Мамонты и мамонтовая фауна», 2012.

В результате мумификации образец деформирован и сморщен. Общая длина его по спинке 28 см, а после парафинирования – 26 см. Прослеживаются 23 кольцевидных валика шириной 5-10 мм. Верхний отросток на конце хобота

имеет длину по краю 95 мм и ширину в основании 60 мм. Нижний отросток в виде лопатовидной губы имеет длину 55 мм и ширину 65 мм. По морфологии кончик хобота мамонта напоминает таковой у африканского слона. Здесь возможно сходство в способах добычи корма в высокотравных саваннах и тундростепях. Поверхность морщинистой кожи толщиной в 2мм вся в пупырышках от выпавших волос. Кое-где в складках сохранились тонкие белесые волоски и прядки длиной 3-5 см. Такими же волосками была покрыта брюшная поверхность хобота и внутренность раструба. Ноздри открывались внутри кончика хобота двумя овальными отверстиями диаметром 24x40 мм. Спавшаяся хрящевато-мышечная ткань хобота напоминает теперь микропористую резину черного цвета. Так как хобот лишен костей, то утрачивается при захоронении в первую очередь, поэтому этот экземпляр со среднего течения р. Колыма, как подчеркивает А.Н. Тихонов, предположительно принадлежал «очень хорошо сохранившейся туше мамонта» (Тихонов, 2012, с.31).

Некоторые исследователи (Гурьев и др., 2011) допускают, что, возможно, Кондратьева передала экспонат под влиянием листовки-обращения к населению Якутии. Листовка от имени Якутской комиссии (экспедиции) по просьбе Геологического музея АН была за подписями председателя комиссии академика В.Л. Комарова и ученого секретаря профессора П.В. Виттенбурга. В ней, в частности, говорилось о вознаграждении авторов находки трупа и остатков древних животных, где были «указаны суммы до 500 рублей, мануфактура, табак и продовольствие до 200 рублей» в зависимости от научной ценности находки (Гурьев и др., 2011, с.132).

4.3. Создание Комитета по изучению мамонтов и мамонтовой фауны при Зоологическом институте АН СССР

Знаменательным событием в советской палеонтологии явилось создание в декабре 1948 года при Зоологическом институте АН СССР Комитета по

изучению мамонтов и мамонтовой фауны. Вначале, Комитет был создан для руководства раскопками и исследованиями Таймырского мамонта (Методические рекомендации <...>, 1979), обнаруженного на северо-западной части Таймырского полуострова осенью 1948 года. Директор Палеонтологического института АН СССР Ю.А. Орлов, профессора Б.С. Соколов, В.И. Громов, Р.Ф. Геккер, А.П. Быстров и другие высказали мнение о необходимости организовать при Биоотделении АН Комитет для координации работы по изучению трупа мамонта между отдельными институтами (Тихонов, 2005). Организатором и председателем Комитета стал академик Е.Н. Павловский. Впоследствии, он был преобразован в Комитет по изучению мамонтов и мамонтовой фауны. Создание такого комитета позволило объединить усилия палеонтологов, ученых различных сфер деятельности, краеведов, местных жителей по выявлению и изучению остатков мамонтовой фауны на обширных пространствах СССР под общим руководством специалистов Комитета.

Между тем, на территории Якутской АССР продолжали находить остатки мамонтовой фауны. Так, в 1946 году на берегу р. Струйка в верховьях р. Индигирки Ю.Н. Поповым (Попов, 1956) был обнаружен фрагмент нижней части трупа бизона с прекрасно сохранившейся ногой с кожным и шерстным покровом коричнево-бурого окраса, роговыми копытами черного цвета с сильно стертymi передними краями. Примерно в это же время в низовьях р. Яны, вблизи с. Казачье, был найден фрагмент задней конечности бизона с кожным и волосяным покровом.

В 1948 году Г. Щелкановым (Лазарев, 2008) в местности Хапташинский Яр, расположенной на восточном берегу Хромской губы моря Лаптевых, на береговом обрыве был обнаружен огромный труп мамонта с длинными волосами. К сожалению, вскоре после находки труп вместе с вмещающими породами обвалился и был безвозвратно утерян для науки. Внимательное отношение ученых в сложный послевоенный период к находкам остатков мамонтовой фауны характеризует следующий случай. Охотниками на песца в

1945 году была обнаружена в своих охотничьих угодьях целая туша бизона. Из рассказа А.Г. Томского, жителя с. Тумат Усть-Янского улуса (2011) (записано мною. - Ф.С.):

«В 1945 году охотники из с. Тумат, ремонтировавшие «пасти» (ловушки - «давилки» на песцов), обнаружили на берегу озера Биэсик в 20-ти километрах севернее от оз. Солунтах целую тушу бизона. Туша была целой, постепенно вытаивала из-под вечномерзлых толщ под высоким обрывом. Обнажившиеся части тела бизона (теменную часть и холку) охотно клевали чайки, крачки и объедали песцы. Охотники с холки отрезали куски шкуры для изготовления стелек для обуви. В 1959 г. местный житель И.К. Ребров рассказал об этой находке ученым-зоологам, приехавшим изучать мышевидных грызунов в Усть-Янский район. И только спустя несколько лет, в 1963 году один из ученых обнаружил свои записи и сообщил в Институт мерзлотоведения о находке. В апреле этого года в сельсовет с. Тумат пришла телеграмма: «В 1945 году вы обнаружили быка. Можете ли указать сейчас это место?». Один из авторов находки, Н.Г. Протодяконов ответил утвердительно. Уже 20 апреля 1964 года прилетел самолет АН-2 на лыжах, и, погрузив 6 собак, собачьи нарты, кубометр дров, груз, ученых и, забрав Н.Г. Протодяконова, улетел на место находки. Я вместе с С.И. Колесовым на двух собачьих упряжках по 12 собак выдвинулся за ними, также взяли еще 6 собак для их упряжки. Около 330 км пути преодолели за трое суток и ночью прибыли на место. Снеговые надувы достигали до двух метров в высоту и мы, расчистив и утоптав снег, поставили большую 8-местную палатку. Снег сильно мешал поискам: приходилось рыть траншеи длиной до 20м и шириной 1,5-2м в глубоком снегу. Обнаруженные кости очищали щеткой, отпаривали паяльной лампой. В ходе пяти дней поисковой работы в основном встречались кости разных животных, но тушу бизона так и не удалось обнаружить. Корм для собак заканчивался, на носу были майские праздники и 4 мая на трех собачьих упряжках двинулись обратно и 8 мая прибыли в с. Тумат. С почты, с помощью передающего

устройства «Паркс», по азбуке Морзе передали сообщение в п. Батагай Верхоянского района и за учеными прилетел самолет АН - 2 и они улетели».

Немногочисленность находок послевоенного периода, безусловно, имела свои объективные и субъективные причины: страна занималась восстановлением народного хозяйства после Великой Отечественной войны.

Глава V. Изучение млекопитающих четвертичного периода в Якутии в 1950–1990-е гг.

5.1. Первые послевоенные находки: Суольский мамонт (1955 г.), Чекуровский мамонт (1960 г.)

В июле 1955 года во время проведения дорожно-строительных работ на Лено-Амгинском междуречье на берегу р. Суола местным жителем Д.М. Игнатовым были найдены часть скелета мамонта с мягкими тканями: фрагмент черепа мамонта, нижняя челюсть, два бивня, плечевые, бедренная и кости запястья, ребра, куски неразложившихся мышц, жира и шерсти. Раскопки местонахождения были проведены в том же году экспедицией под руководством проф. В.Г. Зольникова (Зольников, 1960; Гурьев и др., 2011; Боескоров, 2010; Боескоров и др., 2014). Описание Суольского мамонта было сделано Б.С. Русановым (1968), который определил его как самостоятельный новый вид мамонта рода *Mammuthus*–*M. Suolensis* Russanov, 1968, а П.А. Лазарев (2008) описал его как «ранний» тип мамонта в качестве самостоятельного подвида *Mammuthus primigenius valeriani*. Однако, ревизия научных данных по Суольскому мамонту, проведенная Г.Г. Боескоровым и Е.Н. Мащенко (Боескоров и др., 2014), радиоуглеродная датировка (19680±100 л.н.), убедительно доказали, что он не мог являться самостоятельным видом, а был представителем вида *M. primigenius* конца позднего неоплейстоцена, укладывающимся по морфологическим признакам в рамки изменчивости вида шерстистого мамонта *M. primigenius*. В настоящее время остатки Суольского мамонта хранятся в коллекции ЯГОМИ и КНС им. Ем. Ярославского (Винокуров, 1991; Боескоров, 2010).

История находки Чекуровского мамонта описана в замечательной книге «Исполины ледникового периода» (Гурьев и др., 2011). В 1960 году во время учебной геологической практики студенты группы РМ-59 инженерно - технического факультета Якутского государственного университета вблизи

пос.Чекуровка в низовьях реки Лены обнаружили полный скелет мамонта с сохранившимися мягкими тканями (рис.36.).

Рис. 36. Скелет Чекуровского мамонта. Фото автора (из личного архива С.Е.Федорова)

Студент Л. Саввин увидел в траве торчащую кость какого-то животного. При участии руководителя практики доцента В.Н. Яковлева определили, что это трубчатая кость конечности мамонта. Решено было выкопать кость из толщ вечной мерзлоты, но костей оказалось много. Раскопки продолжались два дня: кости были рассыпаны вниз по склону берега и залежали на глубину до 1 метра. В итоге группа студентов из 17 человек выкопала почти полный скелет мамонта «на удивление хорошей сохранности костями», с лоскутками кожи, сухожилиями и «трехцветной шерстью» до полуметра в длину (Гурьев и др., 2011, с.40). По свидетельству геолога А. Цыганова, участника раскопок, Чекуровский мамонт «имел на спине мягкую слегка желтоватую, а около брюха – более светлую длинную шерсть. Подшерсток был еще светлее. Он густой, мягкий, длиной около 2 см. Этой шерсти бы хватило не на один свитер. К сожалению, не удалось сохранить эту шерсть - смыло водой. А часть длинной, волосовидной шерсти привезли» (Гурьев и др., 2011, с.40). У мамонта были сохранившиеся внутренности, местами засохшее мясо, сухожилия и остатки кожи. Но стремление студентов сделать внутренности достоянием науки не увенчалось успехом: стояло лето, внутренности начали

разлагаться, издавая при этом невообразимый запах, что им пришлось отказаться от этой затеи.

Начиная с 1960-х годов на территории Якутии приступили к широкомасштабным палинологическим исследованиям: анализу спор и пыльцы растений, сохраняющихся в почве и обладающей только ему присущей формой пыльцевого зерна или спор. Этот метод широко применяется в геологии в стратиграфических исследованиях.

В супесях, вмещающих скелет мамонта, при палинологическом анализе (Коржуев, Федорова, 1962) было отмечено абсолютное преобладание пыльцы травянистых растений – злаков, полыней, разнотравья. Р.В. Федорова считала, что Чекуровский мамонт обитал в условиях довольно холодного климата среди лугово-степных пространств и погиб в тот период, когда шел процесс наступления леса на степь. Исследователями А.И. Томской и Г.М. Саввиновой (1971) был проведен споро-пыльцевой анализ супеси, вмещающей скелет Чекуровского мамонта и содержимого его желудка. В обоих споро-пыльцевых спектрах преобладали виды травянисто-кустарниковой группы (82,5% в супеси и 65% в содержимом желудка), а древесно-кустарниковая группа – 0,5 % в первом и 18% - во втором. Различия во второй группе объясняются тем, что в супеси анализировались только место захоронения, а в содержимом желудка - что мамонт при жизни пасся на более обширных территориях с более разнообразным ландшафтом. Споро-пыльцевой анализ супеси и содержимого желудка показал господство пыльцы травянистых растений, главным образом полыней и гвоздичных, а небольшое содержание древесно-кустарниковой группы свидетельствуют о том, что «в окрестностях захоронения Чекуровского мамонта преобладал открытый безлесный ландшафт – холодные степи, а климат был засушливым, континентальным, близки к современному» (Томская, 2000, с.10).

В 2009 году коллективом авторов был исследован практически не описанный ранее скелет Чекуровского мамонта (Боескоров и др., 2009). Ряд анатомо-морфологических признаков (небольшие размеры альвеол, некрупные

размеры черепа и трубчатых костей, размеры и строение тазовых костей) позволил достоверно утверждать, что скелет принадлежал самке. Сравнительный анализ костей проводился с промерами аналогичных костей мамонта Адамса (1799), Березовского (1901), Таймырского (1948) Юрибейского (1979) мамонтов. Чекуровская самка отличалась меньшими размерами по сравнению со взрослыми особями и, вероятно, как показали сравнительные таблицы, пропорции самок и самцов были отличны друг от друга «более коротким туловищем относительно высоты тела» (Боескоров и др., 2009, с.85). На основе анализа зубной системы и степени прирастания эпифизов на трубчатых костях (по аналогии с современными слонами) был определен индивидуальный биологический возраст Чекуровского мамонта, который предположительно равнялся 35 годам. Очевидно, что смерть Чекуровского мамонта была преждевременной, учитывая, что продолжительность жизни мамонтов в естественных условиях могла достигать до 75-80 лет (Верещагин, 1985). По данным Музея археологии и этнографии СВФУ, геологический возраст Чекуровского мамонта датирован 23220 ± 110 лет назад.

Привезенный в Якутск и смонтированный скелет Чекуровского мамонта стал на то время 18-м по счету полным скелетом на территории СССР (Гурьев и др., 2011). Чуть позже, официальной эмблемой и логотипом Якутского госуниверситета становится изображение мамонта. В настоящее время находка студентов ЯГУ демонстрируется в экспозиционном зале Музея археологии и этнографии СВФУ.

5.2. Создание республиканской комиссии по изучению мамонтовой Фауны

Успешные научные результаты экспедиций, а также необходимость развертывания работ по изучению остатков плейстоценовых млекопитающих Якутии, недра которой скованы вечной мерзлотой, и, поэтому исключительно

благоприятны для сохранения не только их скелетных, но и трупных остатков, побудили Президиум Якутского филиала СО АН СССР в 1971 году создать Якутскую республиканскую комиссию по изучению мамонтовой фауны (Методические рекомендации <...>, 1979). В состав комиссии вошли крупные ученые, представители руководящих органов, других компетентных учреждений республики. Одним из первых шагов республиканской комиссии явилось издание и распространение листовки-обращения к охотникам, рыбакам, работникам горных предприятий и просто жителям Якутии «О находках ископаемых животных» за подписью председателя Президиума Якутского филиала СО АН СССР, члена-корреспондента АН СССР Н.В. Черского. В ней, в частности, говорилось: «В долинах рек и на побережье Ледовитого океана на территории Якутской АССР вытаивают из земли трупы мамонтов, носорогов, диких быков, лошадей и других животных, когда-то живших в Сибири. Каждая находка такого трупа с мясом, кожей и шерстью представляет большой научный интерес <...>. Поэтому Якутский филиал Сибирского отделения Академии наук СССР просит всех граждан, нашедших вытаивающие из земли трупы животных или слышавшие о них, во-первых, принять меры по их охране от дальнейшего вытаивания и уничтожения хищными животными и, во-вторых, как можно скорее сообщить о находках телеграфом или почтой по адресу: 677007, г. Якутск, Якутский филиал СО АН СССР. За это Якутский филиал СО АН СССР будет награждать заявителей Почетными грамотами и выдавать денежные вознаграждения в размерах, зависящих от научной ценности находки» (из фондов Музея мамонта НИИПЭС СВФУ).

Уже 20 мая 1971 года по ходатайству якутского Комитета по изучению мамонтовой фауны Совет Министров ЯАССР Постановлением №233 объявляет «республиканскими охранными зонами уникальные местонахождения мамонтовой фауны в северных районах Якутии:

- в Аллаиховском: Берелехское на р. Берелех на левом притоке р. Индигирки, Хапташинский Яр на берегу Восточно-Сибирского моря;

- в Булунском районе: Ляховское вдоль южного берега о. Большой Ляховский;
- в Усть-Янском районе: Ойягосский Яр на берегу пролива Д. Лаптева моря Лаптевых;
- в Нижнеколымском районе: обнажения на р. Чукочьей» (Методические рекомендации <...>,1979, с.9).

Охрану вышеперечисленных зон возложили на исполкомы районных Советов депутатов трудящихся и районные Советы общества охраны природы, а право сбора бивней мамонта, лежащих отдельно на поверхности земли (без нарушения кладбищ) было предоставлено заготовительным организациям: Якутпотребсоюзу «Холбос», «Колымторгу», совхозам Министерства сельского хозяйства ЯАССР. По разрешению Комитета такое же право могло предоставляться экспедициям научных учреждений для сбора остатков мамонтовой фауны на территории охранных зон, а у лиц добывающих бивень без разрешения Комитета «костный материал подлежит изъятию органами МВД» (Методические рекомендации<...>,1979, с.10).

На координационном (третьем) совещании по изучению мамонтов и мамонтовой фауны, проведенного в Зоологическом институте АН СССР в 1978 году расширяют состав рабочей группы Комитета по изучению мамонтов и мамонтовой фауны до 14 человек, в числе которых входят представители Якутского филиала СО АН СССР: В. В. Ковальский – председатель Якутской республиканской комиссии по изучению мамонтовой фауны при Президиуме ЯФ СО АН СССР и П. А. Лазарев – ученый - секретарь комиссии (Методические рекомендации<...>,1979).

5.3. Наиболее крупные находки ископаемых млекопитающих в 1970-е гг.: Берелехское «кладбище» мамонтов (1970 г.), Тирехтяхский мамонт (1970 г.), Мылахчинский бизон (1971 г.), Шандринский мамонт (1971 г.), Чурапчинский носорог (1972 г.), Мамонтовогорский носорог (1976 г.), Магаданский (Киргиляхский) мамонтенок (1977 г.)

Впервые сообщение о знаменитом «мамонтовом кладбище» на р. Берелех (левый приток р. Индигирка) дал Н.Ф. Григорьев – известный исследователь Арктики, мерзлотовед, долгое время проработавший в Якутской научно-исследовательской мерзлотной станции. Он опубликовал сведения о Берелехе в 1957 году (Григорьев, 1957), введя местонахождение в научный оборот. Вот как он описывает эти события в своей книге «С любовью к Арктике» (2006): «Летом 1951 года я задумал экспедицию в междуречье рек Яны и Индигирки в нижнем их течении. Меня давно привлекал этот огромный регион с горами и озерами <...>. Экспедиция планировалась всего из пяти человек. Основной вид транспорта – олени. Я даже получил специальное предписание Совета Министров Якутской АССР Усть-Янскому райисполкому оказать мне содействие в выделении транспорта<...>. На восточном этапе мне повезло – на берегу левого притока Индигирки реке Берелех я буквально натолкнулся на «кладбище мамонтов». На песчаном берегу находилось множество костных остатков древних животных. В куче костей преобладали сильно выветрелые крупные кости мамонта, были и обломки более мелких костей, но бивни сохранились плохо. Сравнительно недалеко располагалась фактория, в которой мы остановились на ночевку. Заведующий факторией рассказал, что он знает об этом «кладбище», и охотники ему периодически приносят относительно хорошо сохранившиеся бивни в обмен на продукты питания. За последние два года он принял около десяти бивней, которые заготавливала торговая сеть «Якутторга» для отправки в Москву, на какую-то косторезную фабрику» (Григорьев, 2006, с.107).

Н.Ф. Григорьев по приезду в поселок Чокурдах, районный центр Аллаиховского района, упаковал свои палеонтологические находки в три посылочных ящика и отправил их по почте в Ленинград в Зоологический институт и музей Академии наук СССР. Через два года в Ленинграде специально зашел в Зоологический музей и поинтересовался судьбой посылок. Известный специалист в этой области В.Е. Гарутт поблагодарил Григорьева за ценную находку, которую в музее внимательно изучили. На основании ими было выделено два типа мамонтов – «гигантский» и «карликовый» (Григорьев, 2006). Внутри костей нашли высохшие остатки неизвестных в настоящее время видов насекомых, живших одновременно с мамонтом. Гарутт просил Григорьева подготовить статью об этом «кладбище мамонтов», однако, но он так и не написал. Правда, другой сотрудник Якутской научно-исследовательской мерзлотной станции А.И. Ефимов написал заметку в «Известиях Всесоюзного географического общества», где опубликовал и фотографию, на которой Григорьев стоит рядом с горкой костей.

Интересным фактом является то, что многие источники указывают дату пребывания Н.Ф. Григорьева на р. Берелех - 1947 год (Верещагин, 2002; Тихонов и др., 2008; Питулько и др., 2010). Однако по нашим данным, в своей автобиографической книге «С любовью к Арктике» (2006) со множеством фактических данных жизненных вех автора, деталей многочисленных экспедиций, дневниковых записей, Н.Ф. Григорьев четко указывает время посещения Берелеха - 1951 год, а полевой сезон 1947 года у него был ограничен работами в дельте р. Лены и дельте р. Яны с заходом в с. Казачье. Начиная с 1965 года местонахождение начинают посещать ученые. В коллекции Геологического музея ИГАБМ СО РАН отражены сборы 1965 года О.В. Гриненко: «Место нахождения р.Берелех, *in situ*, «кладбище мамонтов». Коллектор и время сбора: О.В.Гриненко, 1965. Геологический возраст: поздний неоплейстоцен QIII)» (Белолобский, 2008, с. 49). По данным В. Питулько (2010), позднее Берелех посещался геологами Ю.Г. Кулаковым (НИИ геологии Арктики) в 1966 году и Б.С. Русановым (Институт геологии

ЯФ СО АН СССР) в 1967 году, сборы которого также находятся в коллекции этого музея (Белолюбский и др., 2008). Считается, что костище на урочище Угамыт было известно местным собирателям бивня мамонта как минимум с начала XX века (Питулько, 2010).

По данным директора Зоологического музея РАН А.Н. Тихонова (Тихонов и др., 2008) о своей находке Н.Ф. Григорьев сообщил в 1956 году Н.К. Верещагину, научному сотруднику Зоологического института в Ленинграде. Однако организовать экспедицию на Берелёх удалось только через 14 лет. Экспедиция на Берелехское «кладбище» мамонтов описана достаточно подробно разными авторами в разное время, как с палеонтологической, так и с археологической точки зрения (Верещагин, Мочанов, 1972; Верещагин, 1977; Верещагин, 1981; Верещагин и др., 1990; Верещагин, 2002; Лазарев, 2002; Лазарев, 2007; Лазарев, 2008; Мочанов, 2010; Питулько и др., 2010).

В 1970 году Институтом геологии Якутского филиала СО АН СССР была организована палеонтологическая экспедиция на «кладбище» мамонтов на р. Берелех. В работе экспедиции приняли участие сотрудники Зоологического института АН СССР во главе с профессором Н.К. Верещагиным, Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института ДВНЦ АН СССР (г. Магадан), специалисты якутских научных учреждений (Методические рекомендации..., 1979). Комплексную экспедицию 1970-1971 гг. и 1980 года по изучению Берелехского «кладбища» мамонтов возглавлял Н.К. Верещагин, а в 1972 году были проведены работы Б.С. Русановым и П.А. Лазаревым (ЯФ СО АН СССР). В 1971-1973, 1981 годах Берелехская стоянка изучалась в Приленской археологической экспедицией под руководством Ю.А. Мочанова (Мочанов, 2010).

В июле 1970 года Верещагин с помощником, студентом Г. Барышниковым, вылетел из Ленинграда в п. Чокурдах расположенный на северо-востоке Якутской АССР. В то время действовала трансарктическая

воздушная трасса от Москвы до Анадыря, по которой летали самолеты ИЛ-18 с посадками в крупных населенных пунктах вдоль Арктического побережья. В п. Чокурдах ленинградские ученые присоединились к группе геологов, палеонтологов и биологов. Среди них были якутяне Б.С. Русанов, П.А. Лазарев, И.С. Касатонов, магаданцы О.В. Гриненко, А.В. Ложкин. Вертолетом МИ-4 они добрались до р. Берелёх.

Крутой яр высотой около 20м, представлял собой подмытый край, увенчанный невысокими, до метра, буграми-байджерахами, сложенными лессовыми суглинками. У основания обрыва, на речной косе, россыпь больших серых костей, которая имела протяженность до 200м, уходя дальше под воду (рис.39.). Первоочередной задачей стал подсчет и классификация костей, выявление их видового состава. Быстро выяснилось, что это место посещаемое.

Рис.38. Н.К. Верещагин с коллегами на определении видового состава находок. р. Берелех, 1970 г. Фото из личного архива П.А. Лазарева (дополнение к приложению №1, ф. 37-й, д.37.6.)

На некоторых костях были видны свежие зарубки, сделанные топорами любителями сувениров и мамонтовых бивней. Однако попадались и более древние порезы, напоминающие известные на то время образцы из

палеолитических стоянок Дона и Десны (Верещагин и др., 1972; Абрамова, 1995). Н.К. Верещагин, имея огромный опыт работы на палеолитических стоянках, предпринял поиски следов человеческой деятельности. Находки каменных орудий на Берелехе натолкнули его на мысль о существовании здесь палеолитической стоянки древнего человека (Тихонов и др., 2008). 4 обработанных человеком предмета, обнаруженных им в костеносном слое, Верещагин показал археологу, руководителю Приленской археологической экспедиции Ю.А. Мочанову весной 1971 года в Ленинграде. Он определил принадлежность находок к дюктайской палеолитической культуре (Мочанов, 2010).

Рис.39. Общий вид Берелехского «кладбища» мамонтов. 1970 г. Фото из личного архива П.А. Лазарева (дополнение к приложению №1, ф. 37-й, д.37.6).

Позже это предположение подтвердилось. В процессе зачистки культурного слоя стоянки было обнаружено 127 каменных предмета (отщепы, чешуйки, ножевидные пластины, подвески с биконическими отверстиями и др.), 49 костяных предметов (орудия, заготовки из бивня и костей мамонта, наконечники, скребла и др.) и 1003 обломка костей животных, являющихся, вероятно, кухонными остатками, принадлежащих мамонту, волку, зайцу-беляку, лошади, северному оленю, белой куропатке, гусю-гуменнику и рыбе. Исходя из вышеперечисленного пищевого рациона, исследователи сделали вывод, что основой питания древних берелехцев были «зайцы, куропатки и

северные олени» (Верещагин, 1985, с.122; Мочанов, 2010). На некоторых ребрах мамонта имелись следы заполированности, свидетельствующие о использовании их в качестве инструментов, например, лоцил. Там же, как отмечает Ю.А. Мочанов (Мочанов, 2010), впервые на Северо-Востоке Азии, именно на стоянке Берелех, «<...> в случайных сборах местными жителями было обнаружено уникальное изображение мамонта, выполненное на обломке бивня кремневым орудием, способом глубоких штриховых насечек» (Мочанов, 2010, с.125). находка была передана в 1965 году местными жителями пос. Берелех биологу В.Е. Флинту. Впоследствии статья о находке была опубликована им в соавторстве с О.Н. Бадером с комментариями В.И. Громова (Флинт, 1972; Бадер, 1972, Бадер, 1975). Рисунок мамонта был нарисован на обломке небольшого бивня (65мм в поперечнике). На гладкой коричневой поверхности был отчетливо виден контур зверя с длинными ногами и хоботом, торчащими вперед небольшими бивнями и маленьким приподнятым хвостом. Сделанные каким-то острым инструментом, прорезки со временем покрылись черной и голубой патиной. Специалисты предположили, что древний художник делал рисунок с туши мамонта, лежащей к нему ногами, а с этого ракурса конечности кажутся длиннее (Тихонов и др., 2008). К тому же высоко поднятый хвост мамонта позволил выдвинуть гипотезу, что рисовали мамонта с натуры: в минуту раздражения современные слоны тоже высоко поднимают хвост. Вместе с тем, другие исследователи не согласны с такой интерпретацией и трактовкой рисунка. По предположению В.И. Громова, древний художник уже не застал живых мамонтов, а видел только замершие туши, вытаскивающие из грунта, «поэтому для страховки удлинил своему мамонту ноги и хобот» (Верещагин, 1981, с.115), а О.Н. Бадер (1972) на основе анализа изображения с непропорционально удлиненными хоботом и конечностями пришел к выводу о мифологическом характере образа.

Подсчет костей дал цифру – 3.5 тысячи. Они были разнокалиберными, но принадлежали, преимущественно, молодым и полувзрослым животным, а

также некрупным старым самкам. Об этом говорили небольшие размеры зубов и нижних челюстей. Попадались косточки совсем маленьких мамонят, даже утробных. Изредка встречались кости лошадей, бизонов, северных оленей, волков, росомех, пещерных львов – обычных спутников мамонта.

В отмытой мотопомпой вертикальной стенке яра теперь отчетливо прослеживались два слоя. Верхний, на глубине 2,5м содержал скопления ветвей и корней кустарников, нижний на глубине 4,5м - кости, зубы, бивни.

В одном месте удалось отмыть заднюю ногу мамонта: большой кусок толстой кожи, в которую как - бы была завернута голая бедренная кость. Подошва ступни оказалась округлой, слегка выпуклой, диаметром в 27см, шершавой, с сеткой глубоких трещин (Верещагин,1977; Верещагин, Тихонов,1990; Лазарев, 2002; Белолюбский и др., 2008). К сожалению, при извлечении ноги три тонкие покровные пластинки ногтей диаметром в 50-60мм, незаметно отвалились и потерялись в потоках размытой грязи. Необходимо отметить, что использование мотопомп для размыва склонов ведет к разрушению многих костей и утере мелких деталей, имеющих значительное научное значение. В данном конкретном случае, по мнению В. Питулько (2010), последствия работ размывом мотопомпами на Берелехском костыще «как и следовало ожидать, оказались катастрофическими» (Питулько и др., 2010, с.123). Ю.А. Мочанов (2010) также отмечает, что «в связи с сильным разрушением стоянки в процессе палеонтологических работ посредством размыва склона и поверхности террасы гидромомпой, археологические раскопки велись на уцелевших от размыва участках путем карьерных зачисток и поисков сохранившегося в неприкосновенности культурного слоя» (Мочанов, 2010, с.69).

Когда через десять лет, в 1980 году, группа ученых во главе с Н.К. Верещагиным вновь посетила Берелёх и попыталась оконтурить костеносную площадь, то оказалось, что древнее кладбище уже истошилось. Размывание мотопомпами речной косы, которая раньше защищала яр от

паводковых вод, привела к быстрому разрушению и оползанию склона и кости вновь оказались перезахоронены в русле реки Берелех (Тихонов и др., 2008).

Рис.40. Мотопомпа МП-800, примененная для размыва костеносного слоя. Берелех, 1970 г. Фото из личного архива П.А. Лазарева (дополнение к приложению №1, ф. 37-й, д.37.6).

Как мы видим, впервые примененная на Берелехе пожарная мотопомпа М-800 остро обозначила в научном мире проблему ведения и методики археологических и палеонтологических работ в условиях вечномёрзлых грунтов. Вместе с тем, как подчеркивал Н.К. Верещагин (1975), «иные методы извлечения трупов и скелетов из многолетней мерзлоты либо крайне трудоемки, либо менее целесообразны» (Верещагин, 1975, с.82). Здесь же, возле ноги, вскрыли хаотическое нагромождение костей и черепов. Среди них оказались два черепа молодых мамонтов без бивней. Один из них лежал на правой скуле, а второй как бы поставлен на затылок между лопаткой, тазом и вертикально стоящей бедренной костью. Все это напоминало искусственно устроенную ловушку, в которой обнаружился труп мумифицированной росомахи крупных размеров (Верещагин, 1977; Лазарев, 2002; Лазарев, 2008): длина туловища составила 590 мм, плечевой кости – 170 мм, большой берцовой – 160 мм, что значительно крупнее остатков аналогичных черепов и костей росомахи с западных регионов России (рис.42.). Передние лапы и голова хищника были покрыты черной жесткой шерстью, а от туловища осталась лишь голая кожа, прикрывающая скелет. Судя по стертости зубов и размерам, труп принадлежал взрослому самцу. Весьма вероятно, что эту ловушку устроил первобытный человек, но не воспользовался

своей добычей. Не исключено, что и весь необычный завал из костей – дело рук человека.

Однако, уже 2 августа выпал глубокий мокрый снег - лето, практически не начавшись, кончилось, а между тем под моховым и травяным покровом тундры почва оттаяла всего на 30 сантиметров. Ученые начали свертывать полевые работы. Рядом с лагерем вырубили большую яму, в которую заложили более 5 тыс. найденных костей, а сверху прикрыли лапником и дерном. Для перевозки в Якутск и Ленинград отобрали только самые ценные экземпляры. Тремя рейсами вертолет перебросил участников экспедиции в п. Чокурдах, откуда они вылетели домой. Отобранные экспонаты были перевезены из Якутска автотранспортом по зимнику в г. Сковородино до железнодорожной станции, а затем по железной дороге в Ленинград. Так закончилась первая экспедиция на Берелех (Тихонов и др.,2008).

Рис. 41. Применение мощных мотопомп на Берелехском «кладбище» мамонтов. 1970 г. Фото из личного архива П.А. Лазарева (дополнение к приложению №1, ф. 37-й, д.37.6).

Рис. 42. Труп мумифицированной росوماхи крупных размеров. р. Берелех, 1970 г. Фото из личного архива П.А. Лазарева (дополнение к приложению №1, ф. 37-й, д.37.6).

Анализ проведенной работы показал (Верещагин, 2002), что через руки ученых прошло около 8,5 тысяч костей общим весом около 8 тонн, представляющих примерно 140 особей, от эмбрионов и сосунков до старых мамонтов. Остатков других видов животных было немного: олень, росوماха, волк, пещерный лев и заяц. Такая видовая выборочность показывала, что в данном участке существовали особые условия для преимущественной гибели мамонтов в течение ряда лет.

Проведенный палинологический анализ позволил реконструировать природно-климатические условия захоронения наличие «безлесных ландшафтов травянистых и кустарничково-травянистых тундр с осоково-злаковыми лугами в понижениях» (Верещагин, 1985, с.112). Безлесье также подтверждалось отсутствием остатков лесных зверей и лесных насекомых. Обилие остатков жуков-долгоносиков, жужелиц, листогрызцов и навозников (Медведев и др., 1977) свидетельствовало о преобладании тундровых, тундрово-степных и степных видов при полном отсутствии таежных.

Через год, в 1972 году, Н.К. Верещагин вновь посетил Берелёхское кладбище. Вдоль прошлогодних размывов удалось собрать около тысячи вытаявших за это время костей, примерно от 16-ти особей. Если такое же количество костей обнажалось ежегодно, то за сотню лет здесь могли вытаять

и уйти на дно реки десятки тысяч костей от 1,6-1,8 тыс. мамонтов (Верещагин, 2002).

На участке палеолитической стоянки человека был найден длинный изогнутый стержень из бивня мамонта. Он был вырублен кремневыми орудиями из расколотого вдоль бивня мамонта и достигал в длину 94см (конец орудия был сломан) при диаметре – 2,5см. Привязанный к тяжелому древку, такой наконечник мог пробить грудную клетку или брюхо мамонта (Верещагин, 1981). По данным Ю.А. Мочанова (2010), во время полевых сезонов 1971-1973, 1981 годов сотрудниками Приленской археологической экспедиции на Берелехе собрано 178 обожженных и разбитых костей мамонта и 62 каменных предмета (нуклеусы, отщепы, бифасиальные ножи и др.).

Полевые работы 1971 года показали, что возраст мамонтов с Берелёха и с «кладбищ» на Десне и Дону очень схож (Сергин, 1995; Верещагин, 2002). Не исключено, что они образовались при участии первобытных охотников – были результатом приноса костей на стоянку в качестве строительного материала для жилищ и остатками массовых охот. Вероятно, древние берелёхцы загоняли мамонтов на непрочный лед реки, а потом вылавливали утонувших животных, либо использовали в качестве ловушек замаскированные промоины во льду. Первобытные кочевые охотники устроили свою стоянку поблизости от «кладбища», и, возможно, использовали крупные кости, как строительный материал для хижин. Из многих черепов на Берелёхе бивни были выломаны еще в палеолите. И сегодня на остатках эскимосского селения Наукан на мысе Дежнёва (восточная Чукотка) можно видеть большие китовые лопатки, которыми прикрывали мясные ямы, а также внушительные челюсти, служившие опорами для крыш жилищ (Тихонов и др., 2008). Именно в это время (Абрамова, 1995; Григорьева, 1995; Верещагин, 1995; Праслов, 1995; Праслов и др., 1995; Чубур, 2007), примерно 13000 и 15000 лет назад в позднепалеолитических стоянках Восточной Европы (Юдиново, Костенки-1, Костенки-2, Межиричи, Мезин, Добраничевка и др.), первобытные люди

начали использовать крупные кости для строительства жилых конструкций: черепа, нижние челюсти и бивни, лопатки, трубчатые и тазовые кости.

Касаясь истории вопроса, отметим, что одновременная гибель большого числа зверей происходила, скорее всего, при переходе реки по тонкому льду во время осенних и по рыхлому льду во время весенних миграций. Судя по маршрутам переходов стад современных северных оленей, они остаются неизменными в течение десятков и сотен лет, как и места переправ. В качестве примера можно привести поведение современных якутских лошадей, которые переходя по тонкому льду, при треске льда начинают инстинктивно группироваться, тем самым увеличивая критическую массу и, продавливая неокрепший лед, тонут. Трупы утонувших мамонтов сносились во время половодья и их скелеты накапливались и замывались у какой-либо широкой излучины или старицы, где скорость течения воды падала. В старице или пойменном озере пра-Берелёха сотни лет накапливались туши и костяки мамонтов. Следуя этой гипотезе, Н.К. Верещагин и С.В. Томирдиаро (Верещагин и др., 1995) причислили Берелехское «кладбище» мамонтов из выделенных ими 4 тафономических типов местонахождений остатков четвертичных млекопитающих ко второму типу:

«1 тип. Рассеянные (дисперсные) местонахождения костных фрагментов. Образовались в результате естественной и стихийной гибели особей – отсева» популяций. Характерны следы разноса костяков и погрызов их хищниками, реже грызунами и копытными при длительном лежании на открытом сухом грунте (горизонты зырянского времени 70-45 тыс.л.н. до н.д.)<...> Густо-коричневый цвет таких костей и зубов создавался фосфатом азовскитом в щелочной среде лесса. В торфяно-болотной кислой среде в эпоху каргинского потепления (45-25 тыс.л.н. до н.д.) кости, зубы и мягкие ткани подкрашивались фосфатом вивианитом<...>.

2 тип. Массовые «кладбища» мамонтов с небольшой примесью костей «спутников» - лошадей, бизонов, волков, росомах. Они образовались в результате гибели зверей в полыньях при переходе стад по непрочному льду

рек и озер с последующим заносом трупов в староречья, пойменные озера, излучины русла. Для этого типа характерны расчлененность костяков, массовые погрызы эпифизов, пупарии мух, следы орудий первобытного человека. Кроме Берелехской стоянки, приводился пример стоянки Бызовой на р. Печора.

3 тип. Местонахождения целых скелетов, иногда с обрывками мягких тканей. Образовались в результате гибели зверей в береговом речном зыбуне или при попадании их в торфяную сплавину озер с последующей мацерацией мускулатуры. Примеры: Шандринский, Тирехтяхский, Хатангский мамонты, Чурапчинский носорог.

4 тип. Захоронения трупов и их частей. Целиком обусловлены эффектами вечной мерзлоты. Результат попадания в маскированные термокарстовые промоины-колодцы в стенах жильного льда. Примеры: Ленский и Березовский мамонты, Суторохский (Мылахчинский) бизон. Гибель в солифлюкационном или селевом потоке с последующим быстрым промораживанием. Примеры: Селериканская лошадь, Магаданский мамонтенок. Гибель в песчаном речном зыбуне или в береговом иле. Примеры: Юрибейская молодая мамонтиха, Санга-Юряхская старая самка <...>» (Верещагин и др., 1995, с.606)

Но и роль первобытного человека нельзя сбрасывать со счетов. В качестве примера можно привести большую песчаную косу у селения Инчоун на Чукотке, где скопились сотни скелетов китов – остатков регулярных охот (Тихонов и др., 2008). Если эта коса окажется замытой песком, то получится, образно говоря, такое же «кладбище», как и на Берелёхе. Экспонируемая в настоящее время в Геологическом музее Института геологии алмаза и благородных металлов СО РАН целая задняя нога мамонта с шерстью из Берелеха (рис.43.), по версии Б.С. Русанова, «в древности была отделена от туши» палеолитическим человеком (Мочанов, 2010, с.126). Нога принадлежала некрупной, но взрослой особи мамонта. Высота ноги «составляет 175 см, длина отдельных волос с верхней части ноги достигает до 105см, подшерсток темно-серого цвета длиной 20-30см» (Белолобский и др.,

2008, с. 77). Отмечается, что в области колена имеется безволосая поверхность (залысина) размером 15x15 см, которая образовалась, по-видимому, в результате трения о землю (Лазарев, 2008). Таксидермические работы по изготовлению экспоната «Нога Берелехского мамонта» были выполнены Н.М. Губановым и П.А. Лазаревым.

Впоследствии старица, скопление остатков мамонтов и стоянка человека были перекрыты речными наносами, которые испытали сплошное промерзание. Развитие линз и жил инъекционного льда привело к разобшению многих скелетов, разломало многие черепа, перемешало кости с дерном. Русло современного Берелёха «пропилило» эти древние отложения и нарушило целостность кладбища. Многие кости были перемыты и вновь захоронены на дне реки. По мнению А.Н. Тихонова и Ю.К. Бурлакова можно лишь утверждать, что «число мамонтов в «кладбище» достигало нескольких сот, и в речных отложениях перезахоронено много костей, которые попадают при драгировании дна р. Берелёх» (Тихонов и др., 2008, с. 21).

Рис.43. Нога Берелехского мамонта. г. Якутск, Музей геологии ИГАБМ СО РАН. Фото А.Г. Степанова. Из личного архива П.А. Лазарева (дополнение к приложению №1, ф. 37-й, д.37.6).

В 70-е годы XX в. на р. Аччыгый Аллаиха (низовья р. Индигирки) недалеко от Берелехского «кладбища» было обнаружено новое большое скопление костей мамонтов близкого геологического возраста (Никольский и др., 2007). Было собрано более 1000 костей мамонтов (не менее чем от 21 особи) с преобладанием костей детенышей и молодых небольших мамонтов (самок?), в небольшом количестве встречались остатки новорожденных или эмбриональных мамонят, единично – старых животных. В скоплении костей встречались единичные кости бизона, лошади и северного оленя (Никольский и др., 2007). По Никольскому (2007), оба «кладбища» обнаружили большое сходство по времени образования, так и по половозрастному составу. Берелехское скопление отличается большим количеством захороненных животных (свыше 10 тысяч костей мамонтов), большей продолжительностью накопления (около 800 лет, на Аччыгый Аллаихе – не больше 90 лет), большим числом остатков других позднеплейстоценовых животных, а также наличием остатков с мягкими тканями. На основе сравнительного анализа материалов исследований обоих местонахождений Аччыгый Аллаихи в 2003 году и Берелеха в 2004 году, исследователи пришли к выводу, что причиной образования скоплений остатков мамонтов могли быть катастрофические весенние паводки, вследствие сильных потеплений, фиксировавшихся в тот период, жертвами которых могли быть в первую очередь молодняк, новорожденные и дряхлые животные (Никольский и др., 2007). Этот вывод подтверждает гипотезу Н.К. Верещагина и С.В. Томирдиаро (Верещагин и др., 1995) причин образования «кладбищ» мамонтов, аналогичных Берелехскому. На местонахождении Аччыгый Аллаиха не найдено следов утилизации человеком и не обнаружено новых археологических материалов, что, по свидетельству авторов (Никольский и др., 2007), указывает на отсутствие роли древнего человека на причину образования «кладбищ» мамонтов как на Аччыгый Аллаихе, так и на Берелехе.

Захоронение мамонта с сохранившимися фрагментами мягких тканей было обнаружено в 1970 году местным жителем с. Сутуруоха Абыйского

района ЯАССР охотником Х.М. Стручковым на правом берегу р. Тирехтях, притока р. Индигирка, в 47 км к востоку от п. Белая Гора (Верещагин, 1977; Верещагин, 1981; Лазарев, 2008; Гурьев и др., 2011). Кроме основного своего занятия - охоты, он занимался поиском и сбором бивня мамонта: «нашел и сдал государству около тридцати первосортных бивней общим весом не менее полутора тонн» (Гурьев и др., 2011, с.18).

Осенью 1970 года Х.М. Стручков и работник сувенирной фабрики «Сардаана» Н.Н. Шарапов в поисках бивня мамонта обходили долину р. Тирехтях. Открывшаяся в Якутске в 1969 году фабрика для производства художественных изделий и якутских сувениров остро нуждалась в качественном сырье – бивне мамонта (Лазарев и др., 1998). Найдя на береговом обрыве торчащий кончик бивня мамонта, начали детально исследовать это место. Вскоре, тут же, раскопали большую, покрытую кожей и шерстью суставную кость мамонта, обнаружили пучки длинной шерсти, различные кости. Взяв пробы волос, кусок толстой кожи мамонта, Стручков и Шарапов закопали остальные найденные остатки в землю и решили сообщить о находке в Якутский филиал СО АН СССР, предположив, что эта находка может представлять научный интерес.

В мае 1971 года на рекогносцировку местности приехал заведующий лаборатории четвертичной геологии ЯФ СО АН СССР Б.С. Русанов и П.А. Лазарев, которые подтвердили научную ценность находки. 1 августа 1971 года палеонтологический отряд под руководством П.А. Лазарева прибыл на место и приступил к геологическим и палеонтологическим исследованиям.

Рис.44. П.А. Лазарев и Х.М. Стручков во время рекогносцировки на месте находки Тирехтяхского мамонта. Май, 1971 год. Фото из личного архива П.А. Лазарева (дополнение к приложению №1, ф. 50-й, д.50.1.).

Рис.45. Автор находки Х.М. Стручков во время рекогносцировки на месте находки Тирехтяхского мамонта. Май, 1971 год. Фото из личного архива П.А. Лазарева (дополнение к приложению №1, ф. 50-й, д.50.1.).

Для освещения раскопок мамонта в состав экспедиции вошли известный якутский писатель Н.А. Габышев, впоследствии написавший повесть о работе палеонтологов «Осенняя радуга», журналист-кинооператор Н.Е. Саввинов, корреспондент газеты «Известия» Г.А. Медведев (Гурьев и др., 2011) (рис.46.). Осенью 1971 года Н.Е. Саввинов на страницах республиканской газеты «Эдэр

коммунист» описал оживленные события тех дней: «Для Х.М. Стручкова нынешнее лето как никогда было хлопотное. Быстроходные моторки по несколько штук часто стали прибывать в Мылахчын, где он рыбачил. Около его дома несколько раз впервые садились самолеты. К удивлению, даже самолет-гидроплан совершил посадку на воды, где он рыбачил. Да, дверь дома Христофора этим летом не закрывалась!» (Гурьев и др., 2011, с.19). В августе местонахождение мамонта посетил Н.К. Верещагин, прилетевший из специально из п. Чокурдах на гидросамолете АН-2 после полевого сезона на Берелехе (Верещагин, 1981) (рис.47.).

К концу месяца, 30 августа, на раскопки прибыл Б.С. Русанов, который привез пожарную помпу для размыва высокольдистых, мерзлых пород сильной струей воды и незамедлительно начались раскопочные работы под руководством Б.С. Русанова и П.А. Лазарева. По данным П.А. Лазарева (2008), одного из авторов раскопок, скелет мамонта лежал в лессовидных суглинках на глубине от 4 до 5 м в обнажении берега высотой 10 м. Кости скелета располагались беспорядочно, но сосредоточены на площади 3 м x 2 м.

Рис.46. Журналист-кинооператор Н.Е. Саввинов, писатель Н.А. Габышев, корреспондент газеты «Известия» Г.А. Медведев и автор находки Х.М. Стручков на месте захоронения Тирехтяхского мамонта (слева направо). 1971 г. Фото из личного архива П.А. Лазарева (дополнение к приложению №1, ф. 50-й, д.50.1.).

Рис.47. Н.К. Верещагин и Х.М. Стручков на р. Тирехтях. 1971 г.

Фото из личного архива П.А. Лазарева (дополнение к приложению №1, ф. 50-й, д.50.1.)

Рис.48.Череп и бивень Тирехтяхского мамонта в коренном залегании. р. Тирехтях, 1971 г.

Фото из личного архива П.А. Лазарева (дополнение к приложению №1, ф. 50-й, д.50.1.)

Череп был обломан в области скуловых дуг, сохранились зубы (рис.48,49.). Отсутствовали правый бивень и кости левой кисти. На черепе сохранился большой кусок кожи, сложенный в складки. Толщина кожи на голове тонкая — 4-5мм. На трубчатых костях имелись фрагменты сухожилий и мышечных тканей. По данным Г.Г. Боескорова (2010), на черепе тоже местами сохранились сухожилия. Хорошо сохранился небольшой фрагмент нижней передней части передней ноги с кожным покровом и частью подошвы. Фрагмент ноги сильно мумифицирован, серого цвета. Левый бивень очень

хорошей сохранности, светло-желтого цвета с коричневым оттенком длиной около 3-х метров. За исключением отсутствующих костей стопы левой задней ноги и правого бивня, скелет оказался полным. Высота смонтированного скелета в холке составляет 278см (Боескоров, 2010).

Палинологический анализ супеси вмещающих скелет мамонта почв показал преобладание пыльцы травянистых растений (55,7%) – полыней (26 зерен), злаковых (19 зерен) и других в незначительном количестве (Томская, 2000). Доминирующее значение полыней и практическое отсутствие пыльцы древесных растений указывает на более засушливый резко континентальный климат. Состав пыльцы и спор злаково-полынной группировки свидетельствует о широком распространении холодных степей в момент гибели мамонта, схожей с современными степями, но характеризующихся многими тундровыми видами: кустарниковые березы, ивы, пушицы, болотные осоки, зеленые и сфагновые мхи. Для таких ландшафтов и было дано определение «тундростепи», сочетающих одновременно черты степи и тундры (Лазарев и др., 2004, с.31). Мамонт погиб в позднем плейстоцене, в каргинскую межледниковую эпоху — около 32 тысяч лет назад (Ложкин, 1977).

Рис. 49. Сохранившийся левый бивень Тирехтяхского мамонта. р. Тирехтях, 1971 г.

Фото из личного архива П.А. Лазарева (дополнение к приложению №1, ф. 50-й, д.50.1.)

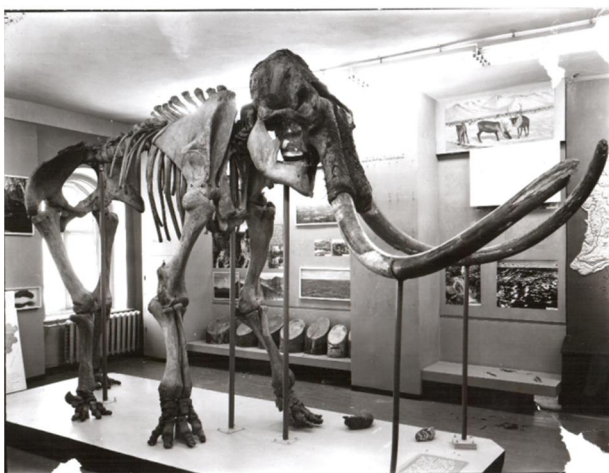

Рис.49. Скелет Тирехтяхского мамонта. 1971 г. Фото А.Г. Степанова. Из личного архива П.А. Лазарева (дополнение к приложению №1, ф. 50-й, д.50.1.).

Скелет мамонта экспонируется в Якутском государственном объединенном музее истории и культуры народов Севера в г. Якутске и является самым известным полным скелетом мамонта в Якутии. Скелет Тирехтяхского мамонта является одной из визитных карточек старейшего краеведческого музея республики, являющегося излюбленным местом отдыха многих поколений якутян и гостей столицы.

Остатки трупа Мылахчинского бизона были найдены в сентябре 1971 года охотником Х.М. Стручковым на правом берегу среднего течения р. Индигирки, в 45 км ниже устья р. Сутуруоха, в районе урочища Мылахчын (Флеров,1977; Лазарев и др., 2004; Гурьев и др., 2011). Раскопки находки производились при помощи ручных инструментов под руководством с.н.с. Института геологии ЯФ СО АН СССР Б.С. Русанова, при участии м.н.с. того же института П.А. Лазарева. Мумифицированные остатки бизона располагались в лессовидных суглинках, на высоте 1,5-3,9м уреза воды, в основании 40-метрового обнажения. Труп находился в полуразложившемся состоянии, но его анатомическая последовательность была сохранена. Передняя часть была сильно повреждена ледяным клином, задняя часть бизона оказалась в хорошей сохранности. Также полностью сохранился волосяной покров без изменения окраса. Сохранились скелет, мышцы, кожа и некоторые внутренние органы, череп был сильно разбит, рога без роговых чехлов.

Полностью сохранился хвост с концевой кистью и копыто левой передней ноги (Флеров, 1977; Лазарев и др., 2004).

Споро-пыльцевой анализ, проведенный В.В. Украинцевой вмещающих труп бизона лессовидных суглинков и содержимого толстой кишки показал почти полную идентичность (Украинцева и др., 1978). В палинологическом комплексе толстой кишки преобладали пыльца травянистых растений (49,7%), преимущественно осоковых, гвоздичных, злаковых, на втором месте споры (43,4%) в основном зеленых мхов, и древесно-кустарниковая группа представлена в основном пыльца кедрового стланика и кустарниковых видов берез (6,9%). Наличие спор зеленых мхов свидетельствует о наличии в местах обитания приозерных и притеррасовых понижений, на которых, возможно, паслось животное незадолго до гибели. На этом же урочище Мылахчин, в том же слое, позже был обнаружен труп Абыйского мамонтенка (1990), в споро-пыльцевом спектре супесей, вмещающих труп мамонтенка, также преобладала пыльца злаковых, осоковых, гвоздичных и полыней (Лазарев, 1995).

Гистологические анализы кожи Мылахчинского бизона проведенные Е.Б. Суминой (1977) позволили определить, что «кожа бизона и ее производные в основном хорошо сохранились в вечной мерзлоте» (Сумина, 1977, с.57). На коже бедра толщиной в среднем 2,460мм были 2 слоя: сосочковый (средняя толщина-0,285мм) и сетчатый (средняя толщина-2,175мм.). В сосочковом слое сохранились корни волос, сальные и потовые железы. Сетчатый слой состоял из плотно переплетающихся толстых пучков коллагеновых волокон. На волосах сохранились сальные железы с секретом, но кровеносные сосуды и мышцы, поднимающие волосы, не были обнаружены (Сумина, 1977, с.57).

Также впервые в ходе комплексных исследований Мылахчинского бизона было проведено морфологическое изучение половой системы особи (Коробко, 1977). При исследовании двух небольших фрагментов органов половой системы 8,5см и 2см на световом и сканирующем микроскопах было выявлено совпадение строения гистологических структур и взаимного расположения слоев тканей на препаратах с ныне живущими современными животными.

Несмотря на сильное усыхание, сжатие и мумификации тканей удалось определить некоторые особенности строения половой системы ископаемого бизона. Эти и ряд других наблюдений (в т.ч. по аналогии с коровами сходного возраста) позволили предположить индивидуальный возраст – «не моложе 1 года 6-8 месяцев» (Коробко, 1977, с.61).

Реконструкция положения тела позволили выдвинуть гипотезу, что Мылахчинский бизон погиб, застряв в прибрежной грязевой нише в прадолине Индигирки. По остаткам мягких тканей и волос бизона в Институте геологии и геофизики СО РАН СССР (Новосибирск) была получена радиоуглеродная дата - 29560 ± 100 лет (СОАН-1007). Следовательно, бизон погиб во каргинской межледниковой эпохи, когда происходило значительное потеплением климата, и возникали условия для спонтанной гибели животных и консервации их трупов на многие тысячелетия. Труп Мылахчинского бизона вначале хранился в г. Якутске, в мерзлотной шахте Института мерзлотоведения, а в декабре 1973 года доставлен в Новосибирск, в Биологический институт СО РАН СССР.

Рис.51. Обнажение ископаемых льдов на урочище Мылахчын на р. Индигирка, 1971 г. Фото из личного архива П.А. Лазарева, дополнение к приложению №1, ф. 50-й, д.50.1.

Труп был препарирован в 1974 году профессором К.К. Флеровым и П.А. Лазаревым (Флеров, 1977; Лазарев и др., 2004). По обнаруженным яичникам, а также по особенностям костей скелета было установлено, что труп

принадлежит самке в возрасте около двух с половиной лет. Внешний облик Мылахчинского бизона – *Bison priscus occidentalis*, восстановленный К.К. Флеровым (1977) по сохранившейся без изменения окраске волос гривы, холки, хвоста, щеток ног и других частей тела, оказался полностью идентичен окраске современного лесного бизона Канады – *Bison priscus athabascae*. Современный канадский бизон является непосредственным потомком *Bison pr. occidentalis*, имевшего в позднем плейстоцене очень широкий ареал и как отмечал К.К. Флеров в своей статье «Бизоны Северо-Восточной Сибири» (1977): «Многие черепа, кости посткраниального скелета и мумифицированные остатки трупов из вечной мерзлоты принадлежат животным совершенно не отличимым от ныне живущего в Канаде лесного бизона» (Флеров, 1977, с.39). Благодаря появлению берингийского "моста" большие стада плейстоценового бизона населяли всю огромную арктическую зону Восточной Сибири, Аляски и Канады, причем проникновение бизона из Сибири на Аляску «происходила (во всяком случае, началась) не позднее конца нижнего плейстоцена» (Вагенгейм, 1961, с.90). Это было хорошо приспособленное к суровому климату животное. Одним из адаптивных особенностей плейстоценового бизона к жизни в этих условиях является строение копыта, в некоторой степени схожее с копытом северного оленя – почти округлые, большие размеры копыт позволяли относительно легко передвигаться по мягким грунтам и по снегу, а при пробиванию наста образовывалась округлая ямка намного шире, чем метакарпальная часть конечностей и поэтому животное не ранилось об острые края наста, что характерно для животных с узкими копытами как у лося или марала, получающих тяжелые травмы о твердый наст (Флеров, 1977). Судя по наличию пыльцы цветковых, осок и злаков в содержимом желудочно-кишечного тракта, бизон погиб в июне или начале июля. Сравнительный анализ Мылахчинского бизона (геологический возраст – 29500±1000 лет назад (СОАН -1007) с останками трупа самки бизона (геологический возраст – около 11950±135 лет назад (st 1633) двух с половиной лет, найденными на Аляске

вблизи г. Фэрбенкс в 1952 г. позволил ученым сделать вывод, что «все параметры, экстерьерные особенности, окрас волосяного покрова и другие характерные признаки останков этих бизонов оказались идентичными» (Лазарев и др., 2007, с.42). Хронологические материалы радиоуглеродных датировок также свидетельствовали, что на территории современной Якутии бизоны вымерли гораздо позже, чем мамонты. Исторические, научные данные сопоставления позднеплейстоценовых бизонов Якутии с современными лесными дикими бизонами Канады, натолкнули специалистов Департамента биологических ресурсов Министерства охраны природы РС(Я) на мысль о возвращении бизонов на свою историческую родину с целью создания жизнеспособной популяции лесных бизонов с полувольным содержанием в загонах с последующим выпуском приплода в дикую природу. Лесной бизон является редким видом и занесен в Международную Красную книгу. Численность лесного бизона в мире колеблется в пределах 4000 особей (Лазарев и др., 2007). Согласно Программе реализации государственной политики РС(Я) в области обогащения флоры и фауны 6 апреля 2006 года из Национального парка «Elk Island» Канады в Природный парк «Ленские Столбы» РС(Я) было переселено 30 голов лесных бизонов, в последующие годы – еще 60 голов. По данным Министерства охраны природы РС(Я) к 2020 году их количество может достигнуть 500 голов и планируется выпуск бизонов в дикую природу.

Летом 1971 года инспектор рыбнадзора Д.Д. Кузьмин на правом берегу р. Шандрин, впадающей в Колымскую протоку дельты р. Индигирка, в 110 км к востоку от п. Чокурдах Аллаиховского района ЯАССР нашел бивни и череп мамонта, вытаявающие из вечной мерзлоты (Верещагин, 1975; Лазарев, 2002; Лазарев, 2008). Он вырубил бивни и сдал в контору «Колымторга» в п. Чокурдах. Спустя год о находке совершенно случайно узнал П.А. Лазарев (Лазарев, 2007), зашедший в контору совхоза «Аллаиховский» покупать бензин для мотопомпы. В августе 1972 года экспедиция сотрудников Института геологии Якутского филиала СО АН СССР из четырех человек:

Б.С. Русанова, П.А. Лазарева и двух рабочих прибыла на место находки. Раскопки были произведены в сентябре с применением пожарной мотопомпы М-800. По данным П.А. Лазарева (2004), скелет сохранился в лежащем на животе положении в полной анатомической последовательности.

Рис. 52. Начало раскопок Шандринского мамонта. р. Шандрин, 1972 г.

Фото из личного архива П.А. Лазарева (дополнение к приложению №1, ф. 66-й, д.66.1).

Рис.53. Участник раскопок И.И. Местников у каркаса ребер Шандринского мамонта. 1971 год. Фото из личного архива П.А. Лазарева (дополнение к приложению №1, ф. 66-й, д.66.1).

По этому поводу Верещагин (1975) отмечал, что «труп (скелет) мамонта лежал в позе характерной для умирающих слонов - на брюхе, с вытянутыми вперед ногами» (Верещагин, 1975, с.81). Он залегал головой вниз по течению, почти параллельно современному берегу. Скелет был замыт в речных

суглинках с прослоями галечников и обломков древесного хлама. Мамонт оказался старым, но не особо крупным самцом 60-70 лет, что было определено по сильно стертому последнему коренному зубу (Верещагин, 1975; Лазарев, 2004; 2008). Были выдвинуты несколько гипотез гибели Шандринского мамонта: по одной из них, мамонт умер от старости и истощения, по второй – от асфикции вследствие «острого метеоризма в желудочно-кишечном тракте в результате поедания трудноперевариваемого прошлогоднего травяного, дернового и веточного корма» (Юдичев и др., 1982, с.35).

Рис.54. Б.С. Русанов на раскопках Шандринского мамонта. 1971 год.

Фото из личного архива П.А. Лазарева (дополнение к приложению №1, ф. 66-й, д.66.1).

В процессе раскопок, когда были изъяты лопатки, позвонки и часть ребер, ученые заметили, что струям воды из мощной мотопомпы не поддается очень плотное образование в области брюшной полости. Как оказалось, у него под ребрами сохранились внутренние органы в виде мерзлого монолита, в частности желудок и кишечник, набитые кормовой массой. Сохранились они благодаря каркасу ребер и широким тазовым костям, послужившим в данном случае защитным барьером, а также тому, что скелет Шандринского мамонта

не подвергался перезахоронению. Вес мерзлого монолита внутренностей составил 291 кг плюс 25 кг разрушенных частей желудка (Верещагин,1975). Извлеченный монолит был упакован в брезент и доставлен самолетом в мерзлотную шахту Института мерзлотоведения СО АН СССР. В январе 1974 года монолит был доставлен в г. Новосибирск, где была исследована специально созданной комиссией из палеонтологов, анатомов, геологов, микробиологов, паразитологов в ходе Всесоюзного симпозиума по изучению Шандринского мамонта и Мылахчинского бизона, найденных на р. Индигирка Х.М. Стручковым. В работе симпозиума приняли участие ученые из 15 городов страны (Методические рекомендации...,1979). По утверждению ряда авторов (Юдичев и др., 1975; Белолобский и др.,2008), «этот экспонат (№6831 «Разрез внутренностей Шандринского мамонта») является одним из пяти уникальных остатков содержимого желудочно-кишечного тракта мамонтов, исследование которых позволило выяснить рацион этого вида» (рис.55.) (Белолобский и др., 2008, с.78). Действительно, желудочно-кишечный тракт в той или иной степени сохранности был обнаружен только у пяти мамонтов: Березовского мамонта Герца (1901), Ляховского мамонта Стенбок-Фермора (1909), Шандринского мамонта Русанова (1971), Магаданского (Киргилляхского) мамонтенка Димы (1977) и Верхнетаймырского мамонта «Рыболовный крючок»(1987).

Биохимические исследования желудка и кишечника, проведенные В.Г. Провоторовой и А.Я. Рябиковым в 1982 году выявили схожесть процесса пищеварения у мамонтов и современных жвачных животных по основным биохимическим показателям (Провоторова и др., 1982). Результаты гистологического анализа мышц (Женевская, 1977) показали, что достаточно хорошую сохранность биологических структур мышц с их специфическими химическими компонентами, при этом отмечалось резкое уменьшение в размерах мышц в связи с холодовым иссушением мягких тканей под воздействием многолетней мерзлоты. В связи с этим, Р.П. Женевская делает вывод, что «<...> изложенные результаты гистологического исследования

скелетных мышц ископаемых животных показывают, что некоторые биологические структуры в определенных условиях могут сохраняться в течении чрезвычайно длительного срока – до десятков тысяч лет. При этом до известной степени сохраняется специфичность их химических компонентов» (Женевская, 1977, с.63).

Находка Шандринского мамонта дала возможность впервые, с использованием современных научных методов, изучить строение внутренних органов мамонта и содержимое желудочно-кишечного тракта. К сожалению, как отмечает Н.К. Верещагин (1975), «органы грудной клетки, а также печень, селезенка, почки и семенники безвозвратно разрушены под струями воды», что в очередной раз показало отрицательные стороны и необратимые последствия применения мотопомп для извлечения палеонтологических объектов из вечномёрзлых грунтов.

Рис.55. Разрез внутренностей Шандринского мамонта. 1972 г. Фото А.Г. Степанова. Из личного архива П.А. Лазарева (дополнение к приложению №1, ф. 66-й, д.66.1).

Безусловно, наибольший интерес для науки представлял как сам желудок и кишечник, сохранившиеся в монолите вечномёрзлых пород, так и его содержимое. По Н.К. Верещагину (1975), монолит состоял из «набитых кормом петель кишечника, частично обтянутых в паховых участках связками и мускулатурой брюшной стенки» (Верещагин, 1975, с.83). Стенки кишечника и желудка сохранились в виде темно-бурых пленок толщиной в 0,5-0.8 мм, на правой стенке брюшной полости уцелел кусок кожи размером 10x12 см с несколькими обрывками черных волос. Одна из интереснейших находок была сделана Б.С. Русановым (Верещагин, 1975; Лазарев, 2008; Тихонов, 2012):

несколько личинок буроватого цвета были вымыты им из-под стенок желудка. Позже, К.Я. Грунин описал по ним вымерший вид желудочного овода – *Cobboldia rusanovi*, который сейчас демонстрируется в коллекции Зоологического музея РАН (рис.56.). Этот вид овода ныне не встречается в современной фауне. Близкие виды того же рода водятся в желудках современных слонов (Верещагин, 1975; Тихонов, 2012).

Рис.56. Личинки мухи-овода из кишечника Шандринского мамонта. р. Шандрин, 1972 г. Из буклета ЗИН РАН: «Мамонты и мамонтовая фауна», 2012.

Просмотр пищевой массы из желудка и разных участков толстой кишки под биноклем показал, что она состоит «более чем на 90% из кусков листьев и стебельков травянистых растений-злаков и осок» (Верещагин, 1975, с.83). Присутствовали в небольшом количестве концевые побеги веточек ив, возможно, березы и ольхи, единичные мацерированные листики, похожие на листики брусники, а также концевые побеги зеленых мхов. Отсутствие зрелых семян в пищевом рационе позволило сделать вывод о времени гибели мамонта – начало лета. Таким образом, исследования желудочно-кишечного тракта Шандринского мамонта убедительно доказали преимущественное питание мамонтов травянистыми растениями (Верещагин, 1975; Юдичев и др., 1975; Солоневич и др., 1977; Томская, 1981; Томская, 2000). В связи с этим, на основе анализа разнообразного по видовому составу пищи (травы, ветки и листья кустарничков и кустарников, хвои лиственницы до мхов) из содержимого

желудочно-кишечного тракта мамонтов, А.И. Томская предложила, что мамонтов «правильнее считать не травоядными, а растительноядными животными» (Томская, 2000). При анализе содержимого желудка в 1977 году В.В. Украинцевой и в 1981 году А.И. Томской было выявлено существенное количественное различие в споро-пыльцевом анализе: пыльца трав по Украинцевой составляла 19,4%, тогда как у Томской – 76%. Это объясняется тем, что спектры, по-видимому, «в различных отделах желудочно-кишечного тракта мамонта могут быть неадекватными, причиной чего, являются место и время приема пищи» (Томская, 2000, с.14). Доминирование спор зеленых мхов, установленных В.В. Украинцевой, А.И. Томская объясняет тем, что, вероятно, незадолго до гибели мамонт питался растениями болот и заболоченных лугов. По результатам своих исследований, А.И. Томская приходит к выводу, что для реконструкции природно-климатических условий времени гибели мамонта «более информативными являются споро-пыльцевые комплексы отложений, вмещающих останки мамонта, нежели таковые содержимого его желудочно-кишечного тракта» (Томская, 2000, с.15). Поскольку природно-климатические условия позднего плейстоцена были близки к современным, для сравнения кормовых пастбищ мамонта также анализировались кормовые угодья современных лосей, оленей, лошадей, ведущих такой же образ жизни как у мамонта на круглогодичном подножном корме. Основываясь на палинологических исследованиях и взаимосвязанной с ней реконструкцией природно-климатических условий, А.И. Томская считает, что одной из причин массового вымирания мамонтов в Якутии, по-видимому, «наиболее важной, является нарушение их кормового баланса, к ней присовокупилась охота первобытных людей и низкая плодовитость мамонтов», а нарушение кормового баланса она связывала с засушливостью резко континентального периода каргинского межледниковья и вследствие чего возникла «острая нехватка зеленого корма, недостаток в их рационе витаминов и высокопитательных веществ» (Томская, 1999, с.54).

К настоящему времени есть сведения, что мамонты в конце плейстоцена, наряду с другими крупными травоядными, начали испытывать «минеральное голодание, которое приводило к деструктивным изменениям костей и зубов» (Боескоров и др., 2009, с. 89). В сентябре 1985 года в Новосибирске небольшой образец внутренностей Шандринского мамонта был исследован на предмет определения минерального состава (Бгатов и др., 1989). Литофагия (камнеедение) как способ регуляции солевого состава организма является непременным атрибутом жизненных потребностей животных, особенно ярко проявляется у травоядных. Из-за дефицита или переизбытка минералов, травоядные периодически посещают минеральные комплексы, известных под термином «зверовой солонец», а также места, где нет соленых почвогрунтов и высокоминерализованных вод, но есть необходимые для нормальной жизнедеятельности организма микроэлементы. С образца внутренностей Шандринского мамонта был определен количественный и качественный состав. Количество минералов легкой фракции по объему (по количеству зерен) составило 90%, тяжелой – 10%. В легкой фракции преобладали кварцы – 70%, полевых шпатов – 28%, кальцита и доломита – 2%. Также был определен список минералов и обломков пород (Бгатов, 1989). Исследования позволили сделать вывод, что выявление «относительно малого количества минерального вещества в желудке Шандринского мамонта (0,2% общего количества пищевых остатков) можно, конечно, рассматривать и как случайно попавшее соловой пылью на листьях и стеблях растений или их корешками» (Бгатов, 1989, с.22). Острый дефицит минеральных элементов мог указывать на предположительную гипотезу гибели особи от истощения и старости, т.к. во всех исследованных пробах количество минеральных элементов существенно превышало эти показатели: экскременты Чурапчинского носорога содержали более 20% песчано-алевролитовых минеральных частиц, экскременты мамонта из пещеры Бечан – более 50% по массе и Киргилляхский мамонтенок – экскременты его содержали до 90% минерального вещества. Изучение литофагии животных мамонтовой фауны в сравнении с современными

травоядными животными привели ряд авторов к еще одной гипотезе вымирания мамонтов: «<...>Атаки холодных масс, продолжавшиеся в позднем плейстоцене, привели наконец к замерзанию земли и в низовьях рек, и на побережье Ледовитого океана. Исчезли участки, доступные для добывания минеральной пищи, что обусловило разбалансировку солевого состава организма мамонтов и других животных, не сумевших приспособиться к новым условиям существования<...> И случилось то, что должно было случиться – вымирание» (Бгатов и др., 1989, с.31)

Монолит из внутренностей мамонта был распилен на 8 сегментов и самый крупный из них весом в 50 кг вновь был отправлен на длительное хранение в мерзлотную шахту Якутска (Верещагин, 1975). В данное время образцы внутренностей Шандринского мамонта экспонируются в Музее геологии ИГАБМ СО РАН (размеры среза 70x35 см), второй образец находится в коллекции Отдела по изучению мамонтовой фауны АН РС(Я). Выяснилось, что Шандринский мамонт умер во время каргинского межледниковья в позднем плейстоцене. Абсолютный возраст его - 41 170 лет. В настоящее время этот мамонт, смонтированный под руководством П.А. Лазарева, экспонируется в Институте археологии и этнографии СО РАН в г. Новосибирске, при этом отсутствующие бивни были заменены бивнями от другого мамонта (Верещагин, 1975; Лазарев и др., 2007).

Одной из замечательных палеонтологических находок последних десятилетий является скелет шерстистого носорога, найденный в феврале 1972 года в центре с. Чурапча, в 140 км к востоку от г. Якутска (Лазарев, 1977; 1998; 2008; Лазарев и др., 2004; Гурьев и др., 2011). Скелет носорога был обнаружен местным жителем Н.Н. Местниковым во время копки погребка (ледника) на территории своей новой строящейся усадьбы. Он и его товарищ И.А. Антипин на глубине 2,5м в мерзлой земле наткнулись на чьи-то кости. О находке местные жители сообщили в Институт геологии ЯФ СО АН. Попытки провести раскопки в феврале оказались безуспешными, так как из-за сильных морозов кости скелета ломались, и работы были приостановлены.

По свидетельству руководителя раскопок П.А. Лазарева (1977), в результате земляных работ, проведенных 15-26 июня 1972 г. при помощи мотопомпы, из мерзлого грунта на глубине 2,5-3,6м извлечен почти полный скелет шерстистого носорога. Недоставало лишь части правой передней конечности до запястья, левой задней конечности ниже бедра и хвостовых позвонков. На правой задней ноге ступня сохранилась в полной анатомической целости с сильно мумифицированной кожей серого цвета, покрытой мягкой светло-желтой шерстью длиной 10-15см. Толщина кожи на ступне — 3-4мм. Кости были распределены на площади около 10 кв. м, причем не в анатомической последовательности. Роговые копытца, уцелевшие на трех ногах, были темно-серого цвета с мелкой горизонтальной рифленостью и имели на передних концах следы истертости.

Рис. 57. Раскопки Чурапчинского носорога. с. Чурапча, 1972 год.

Фото из личного архива П.А. Лазарева (дополнение к приложению №1, ф. 37-й, д. 37.14).

Исследования строения рога и черепа носорога указывают на адаптивные особенности к суровым природно-климатическим условиям позднего плейстоцена (Гарутт, 1970; Гарутт, 1995, Лазарев и др., 1998). На черепе сравнительно хорошо сохранились два рога: лобный и носовой. Его длина по большей (передней) кривизне равна 1249мм и является одним из самых длинных из всех известных науке находок рогов шерстистого носорога. На поверхности рога прослеживались 35 поперечных линий (полосы), в

соответствии с этим ученые определили предполагаемый возраст носорога в 35-36 лет. Эти годовые поперечные линии сопоставимы с образцом рога ИЭМЭЖ 165-75 из коллекции ЗИН РАН, количество которых равняется 35 – максимальное количество, зарегистрированное на передних рогах носорога. Поперечные полосы являются результатом проявления неравномерности сезонного роста молодых филаментов (Гарутт, 1995), и, следовательно, дают возможность установления индивидуального возраста. Передний рог Чурапчинского носорога имеет ярко выраженный уплощенный характер, а задний – объемную форму. При этом существующие в коллекциях маленькие передние рога носорогов (менее 400 мм) тоже имеют плоскую форму и принадлежат, по-видимому, ювенильным (молодым) особям, но рога взрослых особей встречаются чаще (Лазарев и др., 1998). По поводу уплощения переднего рога существуют две точки зрения:

1. Уплощенность есть результат воздействия на них «физико-химических реагентов, подвергших рога мацерации и частичному разрушению», при этом рога первоначально были объемными, хотя бы на одну треть от основания рога (Brandt, 1849; Гарутт, 1970; Гарутт, 1995).
2. Как считал ряд авторов, такая форма рога это его истинная природная форма (Schrenk, 1880; Eichwald, 1835; Fortelius, 1983).

П.А. Лазарев с соавторами (1998) на основе изучения известных ему 30 рогов носорога из разных коллекций (16 из которых он изучил лично) делает вывод о том, что носорог, по-видимому, при жизни имел объемные рога, по крайней мере, у молодых особей. У взрослых и старых особей в некоторых популяциях, в которых «животные активно использовали для работы передний рог, он уплощался на две трети длины от вершины» (Лазарев и др., 1998, с.105). Как отмечают исследователи, в размерах рогов наблюдался четко выраженный половой диморфизм: самцы имели более массивные рога, чем самки, однако были и исключения, к примеру, рассматриваемый передний рог Чурапчинского носорога. Существенные нагрузки на передний рог для добывания пищи из-под снега, трение о мерзлый грунт привели к окостенению

носовой перегородки, тем самым произошло укрепление носовых костей, несущих большой рог. Практически на всех изученных рогах носорогов на наружном ребре имелась так называемая «площадка стирания»: стертая и заполированная площадка, для каждого образца – индивидуальная. По всей вероятности, эта площадка возникла за счет трения рога о плотный грунт и снежный наст. У Чурапчинского носорога она была равна 600 мм, у образца ИЭМЭЖ 165-75 (верховья р. Хомус-Юрях Усть-Янский район) она достигала 720 мм. (Лазарев и др., 1998, с.112). Этот образец, доставленный А.В. Шером из Якутии в Петербург в 1990 году, на данный момент - самый большой рог шерстистого носорога, по наибольшей кривизне достигающий 1260 мм, причем рог обломан в верхней части, что позволяет предположить истинные размеры рога в пределах 1300-1300мм. Как отмечал еще в 1915 году политически ссыльный Емельян Ярославский, один из главных хранителей Якутского областного музея, внесший значительный и весомый вклад в развитие музейного дела Якутии, изогнутый носовой рог якуты называли «когтем *Ексею*» - мифической хищной птицы, прилетающей с юга, а сам носорог, возможно, из-за устрашающего внешнего вида с рогами характеризовался ими как «смерть несущий *Луо Хаан* бык» (Гурьев и др., 2011, с.58).

Из вмещающей породы при помощи сит было отмыто много шерсти разного цвета: от тонких светло-желтых волос туловища до темных длиной до 170мм (возможно хвостовых) (Лазарев, 2008). Большой научный интерес представляют обнаруженное на месте захоронения скелета носорога содержимое желудочно-кишечного тракта в виде плотных комков пережеванной травы. Комки эти достигали диаметров 10x15см и, возможно, являлись сформированными каловыми массами зверя.

Рис.58. Б.С. Русанов (слева) и П.А. Лазарев (справа) у смонтированного скелета Чурапчинского носорога. 1970-е гг. Фото А.Г. Степанова. Из личного архива П.А. Лазарева (дополнение к приложению №1, ф. 37-й, д. 37.14.)

Палинологический анализ 12 проб вмещающих скелет Чурапчинского носорога почв показал, что в Центральной Якутии преобладали лугово-степные пространства, перемежавшиеся с небольшими лесами из лиственницы, березы и некоторых других видов хвойных, что характерно для каргинского межледниковья позднего плейстоцена, климат которого, по мнению большинства исследователей, был сухой и холодный (Лазарев и др., 2004). Споро-пыльцевой анализ желудка, проведенный Н.Ф. Тирской показал, что пищевой рацион состоял преимущественно из злаковых, полыней, осок и маревых (Лазарев и др., 1975). Минералогическому исследованию был подвергнут фрагмент комка экскремента массой 2,470 г, в которой алевролитовая фракция состояла из кварца – 35%, полевого шпата – 55%, слюды – 6%, другие минералы в сумме 4%. Среди обломочного материала были встречены мельчайшие (от 0,021 до 0,056мм) черные блестящие шарики, с большим удельным весом, магнитные. Исследователи не исключили внеземное происхождение этих микроэлементов в виде метеоритной пыли (Бгатов, 1959; Бгатов и др., 1989).

Раскопанный в июне 1972 года полный скелет Чурапчинского носорога с мягкими тканями является третьим в мире полным скелетом и первой в Азии находкой такого рода (Лазарев, 2008). Абсолютный возраст Чурапчинского

носорога – 19500 ± 120 лет (ГИН-9594). Индивидуальный возраст: старая самка преклонных лет (Белолобский и др., 2008). В настоящее время демонстрируется в Геологическом музее ИГАБМ СО РАН г. Якутска.

Часть скелета Мамонтовогорского шерстистого носорога была найдена в 1976 году школьниками с. Усть-Татта Алексеевского района ЯАССР под руководством краеведа, учителя биологии П.Д. Максимова и учителя истории Л.Л. Данилова в верхних покровных слоях лессовидных суглинков террасы 80-метрового уровня в местонахождении Мамонтовая Гора («Лэкэ Хайа») на левом берегу р. Алдан (Лазарев и др., 2004; Лазарев, 2008; Гурьев и др., 2011). Раскопки скелета носорога произведены 17-19 сентября того же года. Захоронение было расположено в верхней части небольшого распадка, в большом оползне, сползшем вниз по склону на 15-20 м. Оползень стал результатом интенсивной оттайки жильных льдов. Захоронение частей скелета располагалось на площадке около 2х2 м на глубине 1-1,5 м от дневной поверхности. В коренном залегании сохранились нижняя челюсть с полным рядом зубов, носовой рог, предплечье, левая лопатка, несколько ребер.

Рис. 59. Место захоронения носорога на Мамонтовой горе. р. Алдан, 1976 г. Фото из личного архива П.А. Лазарева (дополнение к приложению №1, ф. 50-й, д.50.1.).

Рис. 60. П.А. Лазарев (в середине) с учеными ЯФ СО АН СССР на Мамонтовой горе. р.Алдан. 1976г. Фото из личного архива П.А. Лазарева (дополнение к приложению №1, ф. 50-й, д.50.1.)

Анатомическая последовательность костей нарушена. Судя по незаросшим возрастным швам на черепе и эпифизах костей конечностей, скелет принадлежит молодой особи. Сохранилось два рога: передний (носовой) и задний (лобный). Передний рог имеет хорошо выраженную уплощенность, что противоречит гипотезе Н.В. Гарутт (1998) о том, что и передний, и задний рог имеют круглую объемную форму, которая также должна прослеживаться у молодых и юных особей носорогов. Отдельные кости скелета выпали из первичного захоронения и были рассеяны по склону вплоть до дна распадка. В скелете не хватало около 25% костей, в том числе предплечья передней ноги, костей задних конечностей, нескольких позвонков и ребер. На смонтированном скелете недостающие кости были дополнены костями от других носорогов.

Рис.61. Мамонтовогорский носорог в коренном залегании. р. Алдан, 1976 г. Фото из личного архива П.А. Лазарева (дополнение к приложению №1, ф. 50-й, д.50.1.).

Мамонтовогорский носорог, судя по условиям захоронения и малой степени минерализации, умер в конце сартанской эпохи оледенения в конце позднего неоплейстоцена (Лазарев, 2008). Скелет экспонируется в Музее мамонта НИИПЭС СВФУ.

В обзоре уникальных находок остатков животных четвертичного периода на территории Якутии, нельзя обойти вниманием историю Магаданского (Киргиляхского) мамонтенка «Димы», найденного в соседней с Якутией Магаданской области (Верещагин, 1979; Шило и др., 1983; Верещагин и др., 1990; Тихонов и др., 2008; Тихонов, 2012). Именно мамонтенок «Дима» стал, по нашему мнению, той отправной точкой с которого в корне начало меняться отношение местных жителей Якутии (и не только Якутии) к мамонту.

Находка в июне 1977 года мерзлого трупа мамонтенка близ г. Сусуман в Магаданской области явилась настоящей научной сенсацией. Это был самый первый в мире целый экземпляр мамонтенка, попавший в руки ученых. Подробное описание находки приводится в книге «Экстерьер мамонта» (Верещагин и др., 1990). Труп был обнаружен в пределах промышленного контура золотоносной россыпи на правом борту долины ручья Киргилях в 5км от его устья, в 10м выше уреза воды. Бригада старателей из артели «Знамя» готовила полигон для промывки песков. По мере оттайки грунта его удаляли бульдозерами за контур участка. Утром 23 июня бульдозерист А.В. Логачев увидел на месте вытаявшей за ночь линзы льда труп мамонтенка (рис.62.). При этом нечаянно повредил ножом бульдозера левый бок малыша. Впоследствии, новую находку нарекли «Димой» по названию маленького ключа. А.Н. Тихонов приводит интересный факт (Тихонов и др., 2008), что за несколько дней до этого старатели обнаружили на этом же полигоне переднюю часть туловища лошади, но не сохранили ее. На этот раз директор золотодобывающего прииска им. Фрунзе И.Д. Русалев телеграфировал о

находке мамонтенка в Магадан академику Н.А. Шило, а директор Сусуманского ГОКа направил телеграмму в Президиум АН СССР.

Рис.62. Мамоненок Дима в коренном залегании. Сусуманский р-н Магаданской области. 1977 г. Фото из рукописи «Мамонты Сибири», 2008.

По приказу директора Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института (СВКНИИ) Н.А. Шило уже на третий день к месту находки прибыла группа ученых из Магадана (Шило и др., 1983). Оказалось, что хотя старатели и накрыли труп брезентом и обложили льдом, его многократно отрывали, осматривали и фотографировались с ним местные жители, корреспонденты, ребята из соседнего пионерлагеря, что привело к оттайке и началу разложения (рис.63.). По рассказам старателей, мягкие ткани мамонтенка вначале были бледно-розового цвета, но быстро потускнели на воздухе. Уже в Магадане через 10 дней она была грязно-бурого цвета (Тихонов и др., 2008). Вследствие нелетной погоды труп пришлось везти почти 500 км на автомашине, при жаре до +30 градусов. В результате он попал в холодильную камеру только на десятый день уже в размороженном виде.

Через две недели место находки посетили и изучали несколько ученых из Москвы и Ленинграда. Президиум АН СССР создал Комиссию по изучению мамонтенка под председательством Н.А. Шило, но поскольку он в это время отсутствовал в Магадане, работами руководил профессор Зоологического института из Ленинграда Н.К. Верещагин. В середине июля было проведено первичное изучение мамонтенка в СВКНИИ, отбор и консервация проб. Через

широкую рану на правом боку от ножа бульдозера извлечены внутренние органы. Все они были промерены, взвешены, описаны и законсервированы в смеси формалина и глицерина. При этом кишечник быстро «усыхал» и разрушался.

Рис.63. Фотографии на память. Работники Сусуманского ГОКа на месте находки мамонтенка. 1977 г. Фото из рукописи «Мамонты Сибири», 2008.

Вторично замороженный труп поместили в металлический ящик с поролоном и на самолете отправили в Ленинград, где поместили в термобарокамеру с температурой -15 градусов. В течении октября-ноября ученые провели фотографирование, рентгеноскопию, съемки гипсовых форм для изготовления муляжей, извлечение головного мозга и костей скелета. Изготовление чучела не представлялось возможным из-за состояния кожных покровов мамонтенка (Заславский, 1981), поэтому решено было применить метод бальзамирования, а постараться сохранить тушу в виде, близком к натуральному (рис.64.). Процесс бальзамирования заключался в обезвоживании тканей путем длительной выдержки трупа в спирту и ксилоле, а затем пропитки горячим парафином. Эта операция заняла весь 1978 год. К сожалению, при съемке гипсовых форм и смене спиртов были утеряны почти все участки шерстного покрова на хоботе, ушах и ногах. Парафинирование повлекло резкое потемнение туши, которая местами стала черной (Тихонов и др., 2008). Видимо, труп был перезахоронен во время мощного паводка (Верещагин и др., 1990).

Рис.64. Известный таксидермист М.А. Заславский за работой по бальзамированию мамонтенка Димы. Ленинград, 1978 г. Фото из рукописи «Мамонты Сибири», 2008.

С этим связана и потеря значительной части шерстяного покрова в ходе волочения трупа по дну. Разрывы трупа говорили о неоднократном его оттаивании и замерзании. В содержимом кишечника и желудке преобладали минеральные частицы, совсем немного растительных остатков – осок, веточек кустарников, стебельков мхов. Все эти малосъедобные остатки попали в желудочный тракт, скорее всего, с минеральным грунтом. Явно отсутствовали растения, которыми могло питаться это животное. Вследствие этого, учеными было предположено, что мамонтенок погиб в таком возрасте, когда он питался еще в основном молоком матери. Наличие вызревших семян говорит о том, что зверь погиб осенью, от голода, провалившись в озерко-мочажину. Озеро вскоре замерзло и было перекрыто слоем грунта и дернины, сползшего по склону.

Судя по абсолютному возрасту – 40 тыс. лет – зверь погиб в эпоху расцвета мамонтовой группировки. Анализ характера повреждений позволил ученым выдвинуть гипотезу (Верещагин и др., 1990), что его смерть была случайной и не связана с позднейшим массовым вымиранием этих животных.

Изучение показало, что мамонтенок является сильно истощенным самцом. Как уже указывалось, нож бульдозера срезал часть правой стороны

таза, бедра и трех задних ребер. Этот лоскут кожи с мясом и обломками костей был помещен с породой в отвал и утерян. Именно черное пятно из обнажившегося толстого отдела кишечника и привлекло внимание бульдозериста А. Логачева (рис. 65). После захоронения туша была деформирована и сплющена перекрывающими наносами.

Рис.65. Бульдозерист А. Логачев, автор находки мамонтенка Димы. р. Киргиллях, 1977 г. (Фото из рукописи «Мамонты Сибири», 2008.)

Остановимся подробно на внешнем виде и особенностях строения тела мамонтенка, впервые описанного Н.К. Верещагиным и его коллегами (Верещагин, 1981; Верещагин и др., 1990). Размеры зверя: высота в холке – 1 м, груди над землей – 52 см, передней ноги – 43 см. Диаметры подошв передних ног 14x15см, задних – 13x15см. Вес тушки около 70 кг, учитывая потери при вымерзании, зверь весил до 95 кг. Длина хобота 58 см. Верхний пальцевидный отросток имеет длину 5 см, нижний - 2,5 см. Гофрированность хобота мелкая, ширина валиков 5-10 мм, всего насчитывается до 70 таких валиков.

Раковина левого уха по форме и конфигурации несколько напоминает человеческое. Размеры уха: в высоту 13 см, по нижнему краю – 6 см. По площади оно в 10 раз меньше, чем у африканского слоненка того же возраста, и в 5 раз меньше, чем у индийского. Промеры размеров уха подтверждают адаптационные признаки мамонта к холодному климату. Хвост имел вид

мясистою, загнутого вверх и в сторону отростка. Длина его 13 см, при охвате у основания –14 см.

Передние ноги прямые, столпообразные, массивные, несколько согнутые в запястьях, вследствие этого животное без шерсти выглядит высоконогим. При этом задние ноги выглядят не столь длинными. Из-за этих пропорций на палеолитических рисунках в пещерах Западной Европы мамонты изображались обычно вислозадыми, с массивной передней частью туловища. Подошвы диаметром 13–15 см, овальные, несколько вытянутые в продольном направлении. На ногах присутствовало по три копытца, или ногтевых пластинок, соответствовавших фалангам второго, третьего и четвертого пальцев. Первый и пятый пальцы были короткими и не отмечались на подошвах.

Рис.66. Общий вид мамонтенка Димы. 1977 г. Фото из рукописи «Мамонты Сибири», 2008.

При жизни мамонтенок был покрыт весь густой шерстью, которая почти вся слезла в результате размокания и подопревания кожи, а также волочения по дну водотока. На первых любительских фотографиях видно, что длинной шерстью были покрыты все ноги от локтей до подошв (Тихонов и др., 2008). Она имела также на левой щеке и хоботе, левом боку и плече. При доставке в Магадан волосяной покров остался только в виде отдельных прядок. Много шерсти было растащено любителями сувениров в первые дни. Около килограмма шерсти ученые собрали в земле на месте находки мамонтенка.

Последние остатки покрова сошли с тушки при бальзамировании, осталось только несколько прядок на пястных и плюсневых участках ног. Собранная шерсть хорошо разделялась на ость и подшерсток. Окраска ее варьировала от серовато-желтой до темно-коричневой. Длина остевых волос достигала 14см, на хоботе-7см. По краям подошв волосы были заметно сношены, с обломанными и истертыми кончиками. Волосы подшерстка пуховые, светло-желтые, длиной 6-8см. Оголенная кожа левого бока и шеи гладкая, светло-коричневого цвета. Толщина кожи на боку 5-6мм, на подбрюшье 7-8мм, ороговевшая кожа подошв имела толщину до 8мм.

При дальнейших исследованиях в Ленинграде выяснилось, что все клетки и клеточные структуры разрушены (Тихонов и др., 2008). В капиллярах сохранились кровяные тельца. Рентгеноскопия мамонтенка была проведена в ноябре 1977 года по мерзлому труп, вследствие чего результаты оказались невыразительными. Поэтому дополнительная рентгено съемка отдельных частей тела проводилась позднее. Как оказалось, череп мамонтенка нес все «детские» черты: отсутствие резких углов, мягкие переходы лицевой части в мозговую, округлую линию затылка. Чтобы извлечь из головы мозг для детального изучения и хранения, был сделан круговой разрез кожи и трепанация черепа. Рентгено съемка этого участка показала, что кости здесь имеют ряд мелких, до 15-18мм, лобных пазух и твердую мозговую оболочку, отставшую от окружающих костей. Язык оказался небольшим, 19,5 см в длину, уплощенным, в виде лопатки, толщиной всего 6-8 мм. На рентгеновском снимке было видно, что мамонтенок имел молочные не прорезавшиеся бивни диаметром 10 мм и длиной 60 мм. Спавшийся пищевод достигал 25 см в длину и вел в простой желудок объемом около одного литра. В нем обнаружено всего 20 г темной землистой массы. Тонкий отдел кишечника, имеющий длину 315 см, оказался совершенно пустым. Толстый отдел был набит черно-бурой землистой массой, длина его 132 см. В этой массе растительные остатки составляли всего лишь 10 % (Верещагин и др., 1990), а остальное - минеральные вещества, особенно высокое их содержание

было выявлено в конечном отделе толстого кишечника и прямой кишке, до 90% от массы содержимого. Состав минеральной части содержимого пищеварительного тракта изучался исследователями З.Я. Сердюк, В.М. Кремневой, В.Д. Аksenовой (Бгатов и др., 1989). При этом сопоставление минерального комплекса желудочно-кишечного тракта и минерального комплекса места его захоронения показало, что наиболее полный набор минералов содержится именно в пищеварительном тракте, что согласуется, по мнению ученых, с данными о несоответствии пыльцы и спор растений в содержимом желудка и в вмещающих грунтах: «Этот факт может указывать и на то, что незадолго до гибели мамонтом поглощались минералы (вместе с комочками почвы в корнях растений) не в том месте, где он погиб и захоронен, а на другом участке долины<...>» (Шило и др., 1983, с.82).

В соответствии с суровостью климата появление мамонят на свет происходило весной или в начале лета, как у всех северных копытных (Верещагин и др., 1990). Исходя из этого, магаданский мамонтенок погиб в августе-сентябре и ему предположительно было 6-7 месяцев. Хорошо развитый шерстный покров свидетельствует о том, что животные быстро набирали мех за короткое лето, чтобы перенести суровую зиму. Изношенность волос по краям подошв ног и стертость зубов свидетельствует о том, что детеныш вел вполне активную жизнь уже полугодовом возрасте. Вероятной причиной увеличения гибели проанализированных исследователями известных детенышей мамонтов, в т.ч. и «Димы», в конце лета - начале зимы мог служить «переход от летнего к зимнему сезону и сам зимний сезон (время перехода на корм взрослых особей)» и дополнительным фактором стресса было «начало сезонной миграции, обусловленной изменением стратегии выживания мамонтов зимой» (Мащенко и др., 2015, с. 92). Исследования мамонтенка «Димы» и других позволили выяснить адаптивные особенности детенышей мамонтов. Так, детеныши мамонтов рождались более мелкими, чем детеныши современных слонов, но развивались более быстрыми темпами в течение первого года жизни, что было «частью адаптивной стратегии

мамонта, принципиальной для выживания детенышей этого вида животных в течении первой зимы» (Мащенко и др., 2015, с.96). По Е.Н. Мащенко (2015), ускоренное индивидуальное развитие на первом году жизни и быстрая замена первых трех смен зубов свидетельствует о сокращенном периоде лактации по сравнению с современными слонами и раннем переходе детенышей мамонта на пищу взрослых особей: в возрасте 6 месяцев у детенышей мамонта и 12 месяцев и более - у детенышей африканского слона.

До сегодняшнего дня мамонтенок «Дима» остается наиболее хорошо сохранившимся трупом мамонта из мерзлоты, изучение которого позволило узнать много нового по морфологии этого вымершего вида (Верещагин и др., 1990; Тихонов и др., 2008). Находка целой туши мамонтенка пробудила надежду ученых на обнаружение в сохранившейся в вечной мерзлоте туше отдельных жизнеспособных клеток для применения технологий клонирования для возрождения мамонта. Действительно, по свидетельству В. Михельсона (1995), световая и электронная микроскопия действительно позволили найти «внешне хорошо сохранившиеся клетки крови, а также печени, почек и некоторых других органов и тканей (Barnhart et al, 1980; Михельсон и др., 1981; Шошани и др., 1981). Все эти клетки, однако, оказались мертвыми и сильно разрушенными» (Михельсон, 1995, с. 630). Считая сомнительным возможность сохранения живых клеток млекопитающих при температурах, характерных для вечной мерзлоты (-5°-10° С), В. Михельсон (1995) делает вывод, что «надежду на воссоздание мамонта могут дать скорее молекулярно-генетические исследования по установлению и восстановлению последовательностей ДНК в тканях мамонтов и их сравнение с современными слонами» (Михельсон, 1995, с.631). Те же выводы содержатся и в докладе А. Листера «ДНК из остатков мамонта» (Листер и др., 1995): методики, разработанные в последние годы позволяют извлекать и проводить изучение последовательностей ДНК мамонта из сухих и замороженных остатков мамонтов. Группой А. Листера была успешно извлечена ДНК по крайней мере

5 мамонтов из вечной мерзлоты Сибири, как из костей, так и тканей мышц (Листер и др., 1995, с.624).

Впервые под руководством профессора Н.К. Верещагина (1981) была разработана методика описания, измерения и исследования замороженных мумий детенышей мамонта, которая используется учеными до настоящего времени (Мащенко и др., 2015)

Исследования мамонтенка «Димы» проводились специалистами из Зоологического института РАН, Института цитологии, Института эволюционной физиологии и биохимии, Института ботаники им. Комарова, Палеонтологического института им. А.А. Борисяка РАН, Института проблем экологии и эволюции им. Северцова, Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института, МГУ им. Ломоносова, Новосибирского управления геологической службы Министерства геологии России, а также Калифорнийского университета Беркли, Университета Детройта (США).

Магаданский (Киргилыхский) мамоненок «Дима» - настоящий бренд России, самый узнаваемый мамонт в мире. В течение нескольких лет экспонат под номером ЗИН 70188 в составе палеонтологических выставок, где он являлся несомненно «звездой первой величины», побывал в нескольких зарубежных странах: четыре индивидуальные выставки (Великобритания, 1979; Франция, 1980; Италия, 1989; Дания, 1991) и участвовал в полномасштабных выставках, посвященных мамонту и сопутствующей фауне (Финляндия, 1985; Швеция, 1991, 1994; США, 1992; Германия, 1995). Особым успехом мамонтовая выставка пользовалась в Японии (1981, 1987, 1993 гг.). За 2 года (1981-1982 гг.) выставку «Все о мамонтах», организованную Академией наук СССР, посетило около 1,5 млн. посетителей (Кузьмина, 1982; Гурьев и др., 2011).

5.4. Палеонтологические открытия четвертичных млекопитающих в 1980–1990-е гг.: Аканский мамонт (1986 г.), Абыйский мамонтенок (1990 г.), Чурапчинский мамонт (1991 г.)

В 1986 году И.В. Христенко на участке Акана правого берега среднего течения р. Большая Чукочья Нижнеколымского района ЯАССР обнаружил скелет мамонта с остатками мягких тканей и сообщил о находке в Якутский филиал СО АН СССР. Захоронение мамонта залегало в лессовидных суглинках на глубине 11 метров 20-ти метрового берегового обнажения (Лазарев, 2002, Белолобский и др., 2008).

Рис.67. Скелет Аканского мамонта в Геологическом музее ИГАБМ СО РАН.1970-е гг. Фото А.Г. Стеапнова. Из личного архива П.А. Лазарева (дополнение к приложению №1, ф. 50-й, д.50.1.).

Сохранилось примерно 80% от скелета: череп с нижней челюстью, кости конечностей. Бивни отсутствовали. На костях конечностей сохранились сухожилия. Был раскопан П.А. Лазаревым, И.Н. Белолобским и И.Ф. Христенко в 1986 году. Хранится в Музее геологии Института алмазов и благородных металлов СО РАН в г. Якутске (рис. 67.).

В сентябре 1990 г. в урочище Мылахчын в 45км ниже пос. Белая Гора Абыйского района, на правом берегу р. Индигирка местными жителями Г.Н. и Е.П. Слепцовыми во время охоты были обнаружены останки мамонтенка.

Весной следующего года он был раскопан экспедицией якутских ученых под руководством П.А. Лазарева (Лазарев, 1995; Лазарев, 1999; Лазарев и др., 2004; Белолобский и др., 2008; Тихонов и др., 2008). Из мерзлых грунтов извлечены голова с нижней челюстью, хоботом, ухом, молочными зубами и бивнями длиной 4 и 5 см., передняя левая нога с кожей и шерстью, 2 роговых копыта, предплечье правой ноги с мягкими тканями и бедро. Раскопаны практически все ребра и несколько позвонков. Также обнаружен большой кусок шерсти без нарушения первоначального покрова. На голове сохранились кожа и местами шерсть светло-желтого цвета длиной местами до 30мм, на ее левой стороне прослеживаются глазница и слуховой проход. Хобот общей длиной 343 мм, покрытый короткой шерстью желтого цвета, был сильно сплюснен в вертикальной плоскости и оторван от тела у самого основания (Лазарев, 1995). На нем прослеживались слабо выраженные поперечные складки и постепенное сужение к кончику. Внутренние органы и части тела, указывающие на половую принадлежность, полностью отсутствовали. Особого внимания заслуживали молочные бивни мамонтенка: правый длиной 45,2мм и левый - 49,8мм, которые в истории исследований, пожалуй, впервые описывались бивни столь юного мамонтенка (Лазарев, 2008). Из-за повреждений мягких тканей черепа они выпали из альвеол и были обнаружены рядом с черепом. Морфологическое строение молочных бивней и анализ стертости зубов позволил исследователям определить вероятный индивидуальный возраст: 1-3 месяца (Мащенко и др., 2015). Споро-пыльцевой анализ вмещающих труп мамонтенка грунтов показал преобладание пыльцы злаковых, осоковых, гвоздичных и полыней, что и составляет основу пищевого рациона мамонтов (Лазарев, 1995; 2008). Судя по условиям захоронения, мамоненок в двухмесячном возрасте погиб в грязевом потоке. При этом часть головы с хоботом и ноги, «по-видимому, примерзли к ледяному дну, благодаря чему на них сохранились мягкие ткани, кожа и шерсть» (Лазарев, 1995, с. 622). На наружной поверхности плечевой кости отчетливо были видны следы зубов небольшого хищника, вероятно песца, что позволило предположить о

растаскивании части трупа мамонтенка хищниками. Радиоуглеродная датировка мамонтенка «Гоши» не проводилась и его геологический возраст (29000 л.н.) установлен по датировке Мылахчинского бизона (1971), найденного на этом же урочище, в том же слое. Остатки мамонтенка «Гоши» хранятся в Геологическом музее Института геологии алмаза и благородных

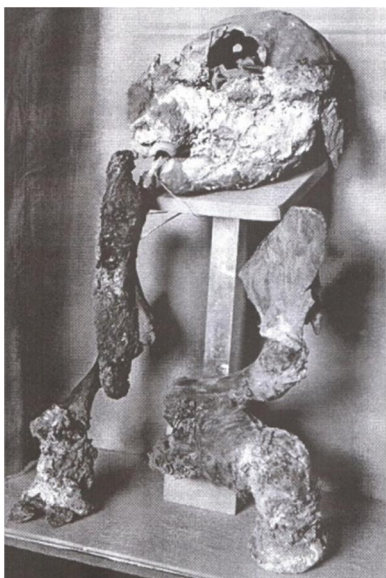

Рис.67. Остатки двухмесячного абыйского мамонтенка с низовьев р. Индигирка, урочище Мылахчын. 1990 г. Фото А.Г. Степанова. Из личного архива П.А. Лазарева (дополнение к приложению №1, ф. 50-й, д.50.1.)

металлов СО РАН в г. Якутске (ИГАБМ №6833). Имя «Гоша» дано в честь безвременно ушедшего якутского палеонтолога Егора Васильева, активно занимавшегося поисками и консервацией мамонтовых остатков в Музее мамонта. Эта находка по счету четвертая в мире находка остатков трупа мамонтенка (Белолобский и др., 2008).

Летом 1991 года в 3 км к западу от с. Диринг Чурапчинского улуса на дне ручья Синнигес-Юрэх местным жителем М.П. Эверстовым был обнаружен вытаявающий череп мамонта (Васильев и др.,1995; Лазарев и др., 1998; Лазарев, 2002). Попытки любительских самостоятельных раскопок привели лишь к сильному повреждению извлеченного черепа мамонта. Из-за затопления русла ручья две экспедиции завершились безрезультатно. И только в августе-сентябре 1993 года экспедиция Музея мамонта произвела раскопки

на этом месте, и впервые в Центральной Якутии был найден почти полный скелет мамонта (рис.68.).

Рис.68. Скелет Чурапчинского мамонта. 2011 г. Фото автора (из личного архива С.Е.Федорова).

До этого все находки скелетов и остатков трупов мамонтов были приурочены к районам Крайнего Севера. Для раскопок Чурапчинского мамонта был использован бульдозер, расчистивший площадку в 12-14м длиной, 7-8м шириной и в среднем, до 1,5м глубиной, далее раскопки велись с помощью лопат. К сожалению, часть из костей скелета: бедренная, несколько позвонков и ребер, были похищены неизвестными лицами (Лазарев и др., 1998). Сохранились оба бивня, которые они были найдены на некотором расстоянии от черепа, что подтверждает на вторичность захоронения скелета. Как было установлено на остатках мамонтов с Берелехского «кладбища» мамонтов, при перемещениях, связанных с перезахоронением, бивни довольно часто выпадают из альвеол (Верещагин, 1977).

Касаясь истории вопроса о предназначение бивней, следует отметить, что долгое время не было единого мнения по этому поводу. Их возможные функции активно обсуждались научным сообществом, но ни одна из версий не пользуется абсолютной поддержкой. М.М. Геденштром (1830) вовсе принимал бивни мамонта за «рога»: «Некоторые бывают в полтора оборота, а природа не дала бы сему животному клыков, которых он, по завитости их, не мог бы

употребить» (Иванов, 1979, с.108), т.е. он оценивал их с позиции целесообразности их использования. Действительно, спирально изогнутые, направленные не вперед, а в стороны бивни заставляли исследователей искать предназначение столь оригинальной формы и многие палеонтологи считали, что бивни «совершенно бесполезны». Первые предположения о предназначении бивней для разгребания снега выдвинул Е. Пфиценмайер (1926). В 1946 году выпускник биофака ЛГУ В.Е. Гарутт в дипломной работе выдвинул гипотезу, что бивни мамонта «великолепно приспособлены для разгребания снега, чтобы добраться до сухой травы и кустарников» (Иванов, 1979, с.109).

Н.К. Верещагин на XXXII сессии Всесоюзного палеонтологического общества в Таллине в 1985 году доложил о установлении основных жизненных констант мамонта, куда входили, в том числе, и его трактовка предназначения бивней:

1. «Соотношение полов (близкое к 1:1);
2. Наибольшая продолжительность жизни (75-80 лет);
3. Наступление половой зрелости (20-25 лет);
4. Наиболее интенсивный рост бивней (в пределах 25-40 лет);
5. Предназначение бивней (не для разгребания снега как раньше думали, а для обдирания коры деревьев, растущих в долинах рек, например, лиственницы, чозении). Зимой мамонты скоблили лед на вертикальных стенках заледенелых холмов и выламывали его из грунтовых трещин, когда отсутствие воды и снега при температуре минус 60-80 градусов принуждало их к этому» (Верещагин, 1985, с.186).

Е.М. Васильев в своей работе «К вопросу о внешнем облике и образе жизни шерстистого мамонта» (2005) подчеркивая, что «бивни - это органы экстерьера мамонта, которые выполняли определенную роль в их жизни, по крайней мере на отдельных ее этапах», анализирует и сопоставляет образ жизни современных травоядных животных и мамонта (Васильев, 2005, с. 5). Он сделал попытки реконструкции его поведения на пастбище в ходе процесса

добывания пищи с учетом природно-климатических, сезонных и временных факторов, потребления большего количества пищи в зимний период. Аналогами для сравнительного анализа служили современные травоядные парнокопытные, обитающие в Якутии и имеющие сходный способ добывания пищи из-под снега («тебеневка»). В связи с характером питания мамонта в котором преобладали травянистые растения (злаки, осоки, разнотравье), в меньшей степени – мелкие кустарники (ивы, карликовые березки и др.), подростом и концевыми побегами крупнствольных кустарников и деревьев (Томская, 2000), Е.М. Васильев не отрицая сам процесс «обдиранья коры деревьев, растущих в долинах рек» (Верещагин, 1971; 1979; 1985; 1986), подчеркивал, что это «не могло быть широкораспространенным явлением, прежде всего по причине низкой эффективности с биоэнергетической позиций» (Васильев, 2005, с.7). Что же касается утверждения Н.К. Верещагина об утолении жажды путем выламывания бивнями жильных льдов (Верещагин, 1985; 1986), по Васильеву (2005), вода в организм животных попадала, вероятно, в виде снега вместе с растительной массой, дополнительно могли «засасывать рыхлый снег хоботом, который в ротовой полости таял и далее переправлялся в желудок, где и смачивал пережеванные части растений» (Васильев, 2005, с.7).

Следы механического воздействия на бивнях трактуются их активным использованием в процессе жизнедеятельности. Е.М. Васильев (2005) рассматривает три основные картины следов механического воздействия на бивнях:

1. Анализируя следы заточки конца бивня у мамонтов исключительно на наружной стороне (т.н. «младенческий» тип затачивания), Е.М. Васильев приходит к выводу, что, возможно, они появились от многократного перекидывания хобота справа налево и наоборот, а не от «процесса выкапывания корневищ и обдиранья коры кустарников и деревьев» (Верещагин, 1971; 1975; 1985; 1986).

2. Зоны стирания на бивне, по Васильеву (2005), появлялись в результате одностороннего трения о твердую поверхность (грунт, камни, льдины, снег, растения и др.), что подтверждается наличием на них «следов ретушировки – царапин и микроуглублений различной (в основном поперечной) направленности» (Васильев, 2005, с.11).

3. Прижизненные изломы бивней, которые составляли около 4% от числа исследованных бивней (Васильев, 2005) были связаны, вероятно, в основном с травматическими ситуациями вследствие большой массы животных и схватками между половозрелыми самцами. В пользу этого факта говорит обнаружение костных остатков и двух черепов со сцепившимися бивнями шерстистых мамонтов в Северной Америке (штат Небраска, США; Haynes, 1991).

В слоях, содержащих кости мамонта, были найдены остатки волка *Canis lupus* и лошади *Equus sp.* (Васильев, 1995). Найденные остатки мамонта были привезены в Якутск в Музей мамонта и смонтированы в скелет. По массивности черепа, крупным размерам костей, по форме таза и по крупным размерам бивней пол мамонта был определен как самец возрастом 30-40 лет. Учитывая, что рост мамонтов, как и слонов, вероятно, продолжался почти до самой глубокой старости, размеры Чурапчинского мамонта являются крупными для этого возраста (Лазарев и др., 1998). Высота смонтированного скелета составляла 285 см, что является одним из крупных размеров скелетов из известных науке скелетов мамонтов. Ныне, скелет Чурапчинского мамонта находится в палеонтологической коллекции Академии наук РС(Я).

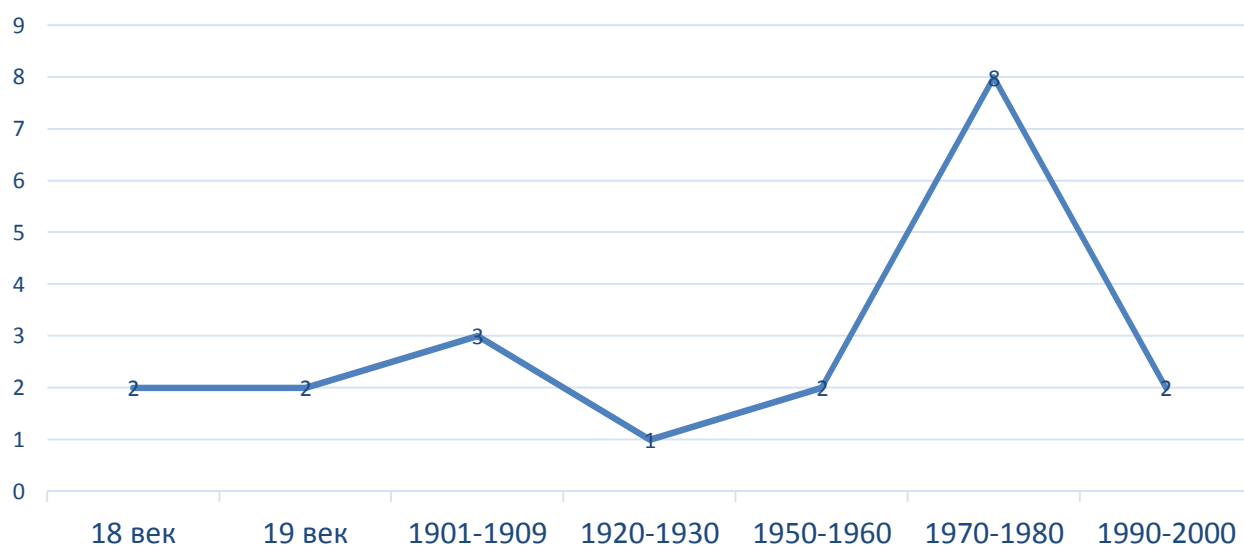
5.5. Краткий обзор крупных млекопитающих четвертичного периода и их изучение в Якутии

В начале позднего плейстоцена на громадных пространствах Евразии, отчасти Северной Америки, сформировалась богатая фауна млекопитающих, названных именем самого яркого и известного представителя – мамонта.

Известным российским палеонтологом А.В. Шером (1974) была выдвинута гипотеза о том, что родиной шерстистого мамонта был северо-восток Сибири, так называемая Западная Берингия, где были обнаружены наиболее древние остатки этого вида (около 800 тысяч л.н.) в долине р.Колыма. Оттуда, впоследствии, он расселился в Европу и Северную Америку (Тихонов, 2005). Как видно из диаграммы, хронология находок мамонтов в какой-то мере совпадает с историей развития Российского государства. Подавляющее большинство находок было сделано до Первой мировой войны и в 1970-1980-е годы советской эпохи, т.е. в периоды наибольшей стабильности в государстве.

Диаграмма 2

*Частота находок мамонтов по годам (из описанных в работе)
(XVIII-XX вв.)*

Наряду с мамонтом обитали и его спутники: шерстистый носорог, северный олень, лошади, первобытный бизон, овцебык, як, сайгак, пещерный медведь, пещерный лев, россомаха, песец, волк, грызуны – лемминг и берингийский суслик и ряд других зверей - всего около 80 видов. Безусловно, наиболее многочисленными и заметными были травоядные животные. Обилие их костей убедительно доказывает о высокой продуктивности тундростепей, способных прокормить эти неисчислимые стада этих зверей. Из них, по

утверждению ряда авторов (Кузнецова и др., 2009; Лазарев, 1977), «по числу находок ископаемых остатков позднеплейстоценового возраста лошадей лишь немного уступают мамонтам» (Кузнецова и др., 2009, с.65). Именно изучению ископаемых лошадей в комплексе с другими млекопитающими четвертичного периода посвятил свою научную и трудовую деятельность основатель Музея мамонта, д.б.н. П.А. Лазарев (1936-2011). Его кандидатская диссертация по теме «Плейстоценовые и современные лошади Якутии» была успешно защищена в Институте экспериментальной биологии в Казахской ССР в 1974 году. Докторская диссертация по теме «Крупные млекопитающие антропогена Якутии (филогенез, систематика, палеоэкология, фаунистические комплексы, тафономия, остатки)» была защищена П.А. Лазаревым в 2005 году в Институте систематики и экологии животных СО РАН (г. Новосибирск).

Наиболее известными находками описываемого советского периода позднеплейстоценовых лошадей *Equus lenensis*, широко распространенных на всей территории пра-Якутии являются труп лошади с эмбрионом из верховьев р. Индигирки, Селериканская (1968), Мойчонская (1977) и Дюкарская (1981). Селериканская лошадь. Обнаружена в 1968 году горняками золотоносного прииска Селерикан в долине ручья Балхан (бассейн верхнего течения р. Индигирка) и была извлечена локальным взрывом из кровли горизонтального штрека шахты в виде мерзлого монолита с трупом лошади и вмещающими породами общим весом 120 кг. От трупа лошади удалось сохранить переднюю часть туловища, без головы, задние ноги и хвост (Лазарев, 1977; 2005; 2008; Кузнецова и др., 2009). Труп Селериканской лошади принадлежал самцу гнедой масти, длина отдельных волос в области плеча достигала 80-90 см, а на крупе – 50-60 см. На щетках ног жесткие черные волосы длиной 120-150мм (Верещагин, Лазарев, 1977; Соколов, 1977). Широкие копыта с сильно стертым передним краем указывали на обитание в мягких заболоченных грунтах и питание «тебеневкой» (добывание пищи путем разгребания снега копытами). По строению тела исследователи отнесли его к группе низкорослых (высота в холке 134-136 см) и достаточно массивных лошадей. Предсмертная поза

животного, положение конечностей позволила предположить, что лошадь провалилась в грязевую ловушку и пыталась выкарабкаться. Туша лошади претерпела значительную деформацию в мерзлых грунтах, хотя внутренние органы не имели разрывов. Судя по состоянию кожного покрова, туша имела частичные признаки разложения. Скелет лошади, за исключением черепа, сохранился почти целиком и зарегистрирован в коллекции ЗИН РАН под №30956 (Лазарев, 1977). Абсолютный геологический возраст Селериканской лошади составил 38590 ± 1120 лет (ЛУ-506) (Кузнецова и др., 2009). Для сравнения скелетных костей Селериканской лошади был специально забит жеребец якутской породы в Усть-Янском районе республики (север Якутии). Сравнительный анализ показал «поразительное» сходство как экстерьерных данных, так и костей скелета, что позволило выдвинуть гипотезу о том, что «современная якутская лошадь берет свое начало от ленской лошади» (Лазарев, 2005, с.36). По Кузнецовой (2009), несмотря на наличие как сходства, так и отличий, «вероятнее всего, *E. Lenensis* является одним из предков современной якутской лошади» (Кузнецова и др., 2009, с.65). На это указывали позднеголоценовые находки *E. lenensis* на оз. Мойчоон, р-н Хромской губы (часть скелета Мойчоонской лошади) – 2310 ± 80 лет (ЛУ-1084) (Лазарев, 1980), на Быковском полуострове, дельта р.Лена – 4610 ± 40 (ГИН-10256), на Новосибирских островах о. Б.Ляховский – 2200 ± 50 (ГИН-10687) (Kuznetsova, Sulerzhitsky, Siegert, 2001) и о. Котельный – 3000 ± 45 (ГИН-13237) (Кузнецова и др., 2009, с.65). Гипотеза о происхождении домашней якутской лошади от сохранившейся местами дикой неоднократно высказывалась палеонтологами и зоотехниками (Афанасьев, 1936; Рогалевич, 1938; Габышев, 2002). Руководитель Якутской экспедиции Академии наук СССР по изучению якутской породы лошадей М.И. Рогалевич (1938), в частности, ссылался на сообщения Е.В. Пфиценмайера о том, что белая тундровая лошадь якобы существовала в районе Колымы между Омолоном и Анюем еще в 1900 году (Лазарев, 1977). По сведениям ламутов, «дикие лошади наряду с оленями являлись излюбленным объектом охоты, похожи по размерам на якутскую

лошадь, мясо их отличается прекрасными вкусовыми качествами» (Лазарев, 2005, с. 39). Сам же М.И. Рогалевич считал более вероятным, что «белые лошади были просто одичавшими лошадьми якутов, впрочем, он не отрицал возможности метизации якутских лошадей с реликтовыми особями местных плейстоценовых лошадей» (Рогалевич, 1938, Габышев, 2002; Андросов, 2012, с.13). Как считал М.Ф. Габышев (2002), ярким свидетельством того, что лошади с давних пор приспособились к окружающей среде, является масть. При промерах, проведенных М.И. Рогалевичем в 1938 году в Среднеколымском районе ЯАССР было зарегистрировано «75% лошадей светло-серой масти, 12%-серой и темно-серой и лишь 13% - мышастой, чалой, буланой и саврасой» (Габышев, 2002, с. 232). Преобладание светло-серой масти как основного окраса в полярных природно-климатических условиях, по-видимому, объяснялось защитой от хищников. Однако, как показали новейшие генетические исследования ряда авторов под руководством Л. Орландо из Университета Копенгагена (Дания) проведенные в 2015 году, пока не удалось установить генетического родства позднеплейстоценовых и современных якутских лошадей. По ДНК-анализам ленская лошадь оказалась ближе к монгольским лошадям, подтверждая тем самым общепринятую гипотезу историков и археологов о том, что предки народа саха пришли с прибайкальских степей в XII-XIV вв. со своим скотом и лошадьми, т.е. они не одомашнивали дикую лошадь, но тем не менее, автохтонная теория происхождения народа саха имеет немало сторонников. Исследования генома современных якутских лошадей в настоящее время продолжают.

На основании изучения обширного остеологического материала позднеплейстоценовых лошадей, результатов исследований Селериканской лошади, сравнительного анализа с костяками лошади Пржевальского, широкопалой лошадью (*E. caballus latipes*) и современной якутской лошадью позволили Н.К. Верещагину и П.А. Лазареву (1977) выделить в ранг самостоятельного вида - *E. lenensis*, описанного ранее как *E. Caballus sub sp.* (Вангенгейм, 1961), позже *E.caballus lenensis* (Русанов, 1968) (Лазарев, 2008,

с.67). Голотип ленской лошади представлен черепом с полным рядом зубов из дельты р. Лена и хранится в коллекции Геологического музея ИГ АБМ РАН под номером ЯНЦ №33.

Мойчоонская лошадь. Остатки полуископаемой лошади были найдены Е.В. Едукиным в 1977 году на берегу оз. Мойчоон в районе верховьев р. Лапча Хромской губы моря Лаптевых (Лазарев, 1980; 2005; 2008). В ходе раскопок были извлечены череп, нижняя челюсть, позвонки, ребра, лопатки, кости плеча и предплечья, бедренная и мелкие кости, а также хорошо сохранившиеся башмаки копыт, остатки шерсти. Широкие башмаки копыт являются морфологической адаптацией лошади к мягкому грунту заболоченных ландшафтов. Размеры костей скелета и строение зубной системы оказалось сходным с таковыми у современной якутской лошади (Лазарев, 2005). Радиоуглеродная датировка показала голоценовый возраст Мойчоонской лошади - 2310 ± 80 лет (ЛУ-1084), что позволило П.А. Лазареву (1980) впервые выдвинуть гипотезу о том, что «ленская лошадь не вымерла вместе с мамонтами, а сохранилась на протяжении всего голоцена» (Лазарев, 2005, с. 39).

Дюкарская лошадь. Трупные останки сильно мумифицированной лошади были обнаружены в 1981 году местными жителями на берегу оз. Дюкарское в нижнем течении р. Индигирки (Лазарев, 2005; 2008). Полностью сохраненная голова и до пояса верхняя часть туловища вывалилась во время интенсивной оттайки грунтов из лессовидных отложений берега озера. Мягкие ткани подверглись сильной степени мумификации и частичному разложению, по видимому, еще до окончательного захоронения в рыхлых отложениях. Кожа тонкая и очень хрупкая. Внутренних органов не было обнаружено. Радиоуглеродная датировка показала, что геологический возраст находки составляет около 29500 лет (Лазарев, 2002). Трупные остатки Дюкарской лошади находятся в палеонтологической коллекции АН РС(Я).

Сайгак (*Saiga tatarica borealis*, Tschersky, 1876) появился 500-700 тысяч лет назад. Его ископаемые останки найдены от Западной Европы до Аляски

(Холодова, 2006). Был впервые описан И.Д. Черским в 1876 году как *Antilopa borealis*. К настоящему времени выделяется один вид *Saiga tatarica* с двумя подвидами *Saiga t. borealis* и *Saiga t. tatarica*. Палеонтологические данные свидетельствуют, что еще 12-14 тысяч лет назад сайгак имел огромный ареал в Голарктике (в северной половине Евразии и Северной Америке) и входил в состав мамонтовой фауны. В Якутии его остатки обнаружены на берегах рр. Лены, Вилюя, Адычи, Индигирки, Колымы и даже на Новосибирских островах (Лазарев, 2004). Обитатель открытых ландшафтов, вероятно, не был таким многочисленным как в настоящее время и находки его остатков сравнительно редки. Предполагается, что одним из основных признаков адаптации в холодном климате в строении его хоботообразного носа, позволяющего согревать холодный воздух для последующего вдыхания.

Кабарга (*Moschus moschiferus* L., 1758) – самое мелкое копытное России: вес взрослых особей достигает 9-14 кг. Очень древнее животное. Современный тип, вероятно, сохраняется с начала плейстоцена. Ее расселение шло на территории современной России из районов Центральной и Восточной Азии (Холодова, 2006). Находки костей скелета достаточно редки.

Северный олень (*Rangifer tarandus* L., 1758) был распространен в позднем плейстоцене по всему северу Евразии. Его находки на территории Якутии встречаются повсеместно, наиболее часто в бассейнах рр. Алдан, Вилюй, Яна, Индигирка, Алазея. По размерам и морфологическим признакам скелета ископаемый и современный северные олени почти не различаются (Лазарев, 2008). Как показали исследования (Соколов, 1995), именно морфофизиологические адаптации, такие как своеобразное строение носовой полости, теплоизоляционные характеристики волосяного покрова, устойчивость конечностей к гипотермии, большая опорная площадь копыт, позволили северному оленю благополучно пережить эпоху оледенений и потеплений и в настоящее время остаться самым многочисленным представителем травоядных в тундровой и лесотундровой зонах.

Лось (*Alces alces* L., 1758) – самое крупное животное из семейства оленей. Вид сформировался в середине плейстоцена. Его расселение по Европе и Северной Америке происходило примерно 100-150 тысяч лет назад (Холодова, 2006). По всей территории Якутии лось был широко распространен в позднем плейстоцене и голоцене и сохранился до настоящего времени без существенных изменений (Лазарев, 2008). На о-ве Большой Ляховский был обнаружен фрагмент рога лося – типичного обитателя таежной зоны (Черский, 1891). На некоторых культурных слоях неолитических стоянок Якутии (например, стоянка Белькачи, Южная Якутия) остатки лосей составляют до 92,5% от общего количества определимых костей (Мочанов, 1977; Лазарев, 1998). Значительное количество костей лося на многих голоценовых стоянках свидетельствует о том, что этот вид являлся одним из важнейших объектов промысла (Верещагин, 1977; Мочанов, 1977; Шер, 1986; Лазарев, 1998) и по настоящее время лось - объект спортивной и промысловой охоты коренных народов Севера.

Овцебык (*Ovibos moschatus pallantis* H. Smith, 1827) не вымер вместе с мамонтом, а дожил до наших дней. Родиной овцебыка, вероятно, является северо-восточная Сибирь, откуда была А.В. Шером определена предковая форма рода *Praeovibos beringiensis* (Шер, 1971). Костные остатки этого древнего овцебыка были найдены им в Колымской низменности. Интродукция канадских и аляскинских овцебыков в СССР на южных склонах хребта Бырранга на Таймыре и на острове Врангеля проводившиеся в 1970 - х гг. показали, что они могут обитать только на определенных участках современной арктической тундры (Верещагин и др., 1985). В 1991 году партия современных овцебыков с п-ва Таймыр была завезена на северо-западную тундру Якутии. В настоящее время количество овцебыков на территории Якутии достигло 2600 особей и это наглядный пример возвращения на свою прародину плейстоценовых животных, которые, вероятно, на территории Якутии вымерли в первой половине голоцена (Лазарев, 2008).

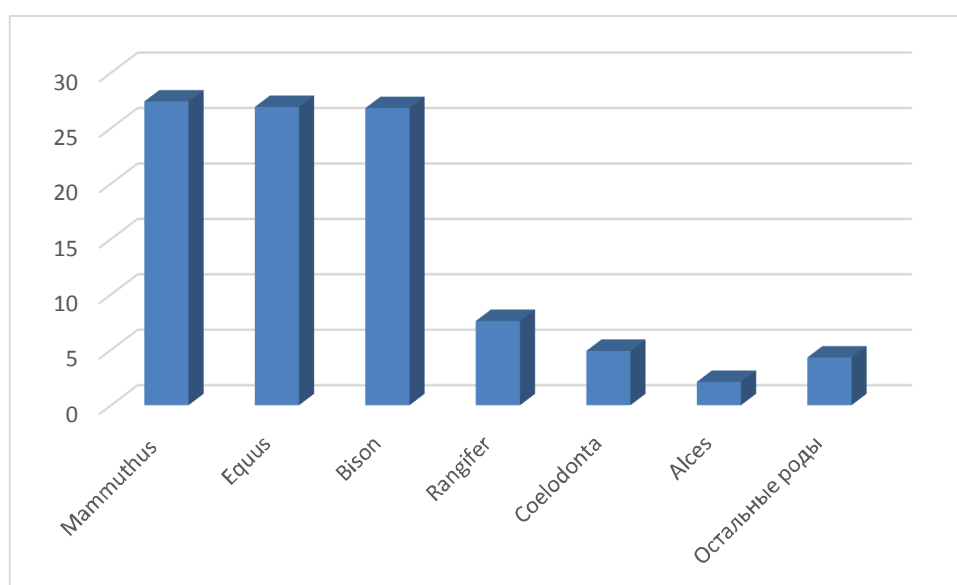
Пещерный лев *Panthera (Leo) spelaea* Goldfuss, 1810 были одним из широкораспространенных хищников Евразии в позднем плейстоцене. Ископаемые остатки пещерного льва найдены практически на всей территории Якутии: в бассейнах рр. Лена, Алдан, Вилюй, Оленек, Яна, Индигирка и Колыма, а также на Новосибирских островах (Вангенгейм, 1961; 1977; Верещагин, 1971; 1979; Лазарев и др., 1987; Лазарев, 1998; 2008). По мнению Н.К. Верещагина (1971), пещерный лев был самостоятельным видом, специализированным к обитанию в холодных тундростепях и занимал, вероятно, по анатомо-морфологическим признакам промежуточное положение между львом и тигром, и, судя по размерам черепов, нижних челюстей, костей посткраниального скелета, был заметно мельче европейского и североамериканского пещерного льва *Panthera (Leo) atrox* Leidy. Г.Ф. Барышников и Г.Г. Боескоров (Baryshnikov, Boeskorov, 2001) описали мелкий подвид *P. Spelaea vereshchagini* (т.н. «тигролев Верещагина»), распространенный в конце среднего и позднего неоплейстоцена в Восточной Сибири и Северной Америке. Один из основных пищевых конкурентов и врагов древнего человека - пещерный лев имел ряд отличий от современного африканского льва: был «приспособлен к холодному климату, был крупнее и весил, по-видимому, около 300 кг, не имел такой пышной гривы и жил небольшими группами – по 2-3 особи» (Лазарев и др., 2004, с.58).

По данным учета и анализа основная часть остеологического материала по Якутии (Лазарев, 2005) относится к следующим родам: *Mammuthus* (27,4%), *Equus* (26,9%) и *Bison* (26,8%). Далее идут представители родов *Rangifer* (7,6%), *Coelodonta* (4,9%) , *Alces* (2,1%), остальные роды (4,3%). Эти данные, вероятно, по утверждению П.А. Лазарева, «в какой-то мере отражают численное соотношение различных родов млекопитающих, обитавших в антропогене» (Лазарев, 2005). Однако преобладание костных остатков мамонтов в коллекциях, вероятно, могло быть следствием целенаправленного поиска промышленниками бивней, в ходе которого и обнаруживали скелетные остатки. Позже, они становились достоянием науки в виде остеологических

коллекций. В то же время необходимо отметить, что кости крупных животных более приметны на местонахождениях мамонтовой фауны, легче идентифицируются и охотнее собираются разного рода коллекторами.

Диаграмма 3

*Данные учета и анализа остеологического материала по Якутии
(по П.А. Лазареву, 2005)*

Основными природными факторами, создавшими палеоэкологические условия для обитания фауны на протяжении плейстоценового периода, по утверждению П.А. Лазарева (2005), являются: «климат, менявшийся от умеренного до холодного резко континентального, развитие оледений, многолетней мерзлоты и тундро-степных ландшафтов на севере, распространение темно-хвойных лесов в более южных широтах» (Лазарев, 2005, с.41). С наступлением суровых климатических условий связанных с похолоданием, у млекопитающих развиваются морфологические адаптации к такому климату: обмельчение размеров, утолщение кожного покрова, развитие густого подшерстка и волосяного покрова, изменение внешних органов.

Радиоуглеродные датировки, получившие широкое распространение в 1980-1990 гг., позволили исследователям выявить временной отрезок захоронений млекопитающих четвертичного периода в Якутии: этот интервал находится в пределах 50-10 тысяч лет тому назад. В этом интервале были выявлены 2 этапа с наиболее частой гибелью и захоронений древних животных (Лазарев, 2005): первый этап – от 50 до 30 тысяч лет назад (каргинское межледниковье, характеризующееся относительным потеплением климата и, как результат, развитием термокарстовых процессов, активизацией речной деятельности с разрушением береговых зон рек, озер и морей, заболачивание тундры и др.) и второй этап – в конце сартанской эпохи оледенения от 14 до 9 тысяч лет назад, т.н. голоценовый климатический оптимум, где вновь активизируются термокарстовые процессы с появлением сети природных «ловушек». По классификации П.А. Лазарева (2005, с.27) они подразделяются на: паводковые наводнения, «жидкие» пески, ледяные «ловушки», полости в мерзлоте, байджераховые формы рельефа, прибрежные трясины, лессовидные суглинки и, возможно, роль палеолитического человека, особенно в загонных способах охоты. Не исключались массовые гибели животных и в результате мора и болезней. Большинство вышеперечисленных находок плейстоценовых млекопитающих и образование захоронений связаны с природно-климатическими факторами. Безусловно, в природные ловушки чаще попадали тяжеловесные животные – мамонт, носорог. По-видимому, эта одна из причин наиболее частого обнаружения трупов и костных остатков мамонтов, носорогов по сравнению с менее тяжелыми спутниками. Проламывая своим весом тонкий лед, срываясь с береговых обрывов, застревая на береговых трясинах, грязевых потоках, они примерзали к мерзлоте и сохранились до наших дней. Однако сам процесс условий сохранения трупных остатков до современности, его относительно быстрое замораживание сразу после гибели изучено недостаточно (Верещагин, 1971; 1977; 1995; Лазарев, 1975; 1980; 2005).

Глава VI. Мамонт в жизни и творчестве народов Якутии

6.1. Палеолитические изображения мамонтов

Как писали известные российские палеонтологи Н.К. Верещагин и А.Н. Тихонов в своей книге "Экстерьер мамонта" (1990), облик мамонта "завораживал первобытных людей каменного века на протяжении тысячелетий, ведь от охоты на мамонтов нередко зависела жизнь целого племени". Авторы проанализировали и сопоставили свыше 20 палеолитических изображений мамонтов, обнаруженных археологами в пещерах и возле стоянок древних людей на территории современных Франции, Германии, Испании, Украины и России (включая и Якутию). Столь распространенные изображения мамонта древним человеком доказывают, что, несомненно, мамонт в те эпохи был «своего рода культовым животным», возможно, почитаемым животным и играл заметную роль в их повседневной жизни (Верещагин, 1990).

Таким образом, уже 40-50 тысяч лет назад судьбы человека и мамонта на Севере тесно переплелись. Ряд авторов начало заселения Арктики первобытными людьми связывают их охотой на мамонтов с одомашненной собакой (Колосов, 2012;2014; Fedorov et al.,2014; Федоров и др., 2015; Кандыба и др., 2015; Протодяконов и др., 2016; Григорьев и др., 2017). По утверждению некоторых исследователей (Верещагин и др., 1990), мамонт сыграл в эволюции человека в определенном смысле прогрессивную роль. Охота на мамонта способствовала организации коллективных усилий первобытных человеческих племен, совершенствованию орудий охоты, формированию осмысленности совместных действий. Мамонты могли служить для древнего человека гигантскими "живыми кладовыми пищи», подобно тому, как для некоторых наших современников (например, для чукчей или эскимосов) добытые в ходе коллективной охоты крупные морские звери (Тихонов, 2008, рукопись).

В наскальном искусстве Северной Азии «узнаваемый образ мамонта к настоящему времени пока не зафиксирован» (Заика, 2014, с. 96). Также

дискуссионным является палеолитическое происхождение изображений наскального искусства других представителей четвертичной фауны (лошади, бизоны) в данном регионе. Так, изображение лошади на Шишкинских писаницах в верховьях реки Лены, было впервые описано академиком А.П. Окладниковым в 1941 году. Изображение представляло собой очень крупный рисунок лошади – 2,8 м, выполненный широкими контурными полосами красной краской, с горбоносой головой на крутой шее, с тщательно обозначенным копытом на передней ноге и пышным хвостом. Академик А.П. Окладников отмечал (Пестерев, 2000, с.16), что шишкинский рисунок напоминал по технике исполнения рисунки древних художников с палеолитических пещер Западной Европы, в частности, с изображениями лошадей с Пиндаля и Костилю (Испания), Фон-де-Гом и Ляско (Франция). На момент открытия в 1941 году, изображение лошади было единственным в своем роде среди древних рисунков не только на Лене, но и в целом в Сибири. В 1947 году, там же, на Шишкинских писаницах, исследователи обнаружили другой рисунок – изображение дикого быка, размером 1,22 м на 0,55 м, выполненный в такой же стилистической манере и технике, как и рисунок лошади. Характерная поза быка, вытянутый хвост, опущенная вниз голова и крутой заметный горб позволили ученым произвести параллели между ним и изображениями бизонов в испанской Альтамире, обнаруживая не только общее соответствие между памятниками палеолитического искусства, но и более близкие совпадения (Заика, 2014).

Большинство же рисунков с писаниц рр. Лены, Олекмы, Алдана, Амги, Токко специалисты относят к бронзовому веку (Якутия. Историко-культурный атлас, 2007). Из более реалистичных образов мамонта стоит упомянуть гравированные изображения на бивне мамонта: одна - из палеолитической стоянки Мальта на р. Белой западнее озера Байкал (Герасимов, 1935), другая была случайно обнаружена на берегу р. Берелех (Бадер, 1975). Существующие ныне гипотезы происхождения рисунка мамонта с стоянки Берелех (мифологический образ, рисование с натуры, с оттаявшего в мерзлоте туши мамонта и др.) не исключают возможности более позднего нанесения

изображения, так как до недавнего времени на Севере была известна традиция помечать найденные бивни, которые шли затем на продажу или обмен. На найденной кости каждый промышленник вырезал ножом свою метку (Зензинов, 1915). В.И. Иохельсон (1898) подчеркивал, что «найденные или вырубленные рога промышленники покидают на месте добывания, оставив на месте знак, указывающий на то, что кость в хозяине больше не нуждается; иные вырезают клеймо на самой кости; в тундре обыкновенно делают земляную насыпь, небольшой курган» (Иохельсон, 1898, с.105). А верхнеколымские юкагиры, у которых сохранились «древние картинные письма», оставляли письма на бересте, рисуя кончиком ножа форму бивня и изображали в виде человеческих фигур количество промышленников нашедших его (Иохельсон, 1898, с.105). Эти традиции и негласные правила закрепления права собственности за тем, кто первый обнаружил бивень, существовали среди промышленников и охотников вплоть до 1950-1960 - х годов (Григорьев, 2006).

6.2. Добыча бивня мамонта в арктической Якутии и на Новосибирских островах

Арктическая Якутия является единственным регионом в России и в мире, на котором осуществляется длительный и устойчивый промысел ископаемой мамонтовой кости (Боескоров и др., 2007; Кириллин, 2011). Анализ ежегодной добычи мамонтовой кости XIX-начала XX века показывает, что в первой половине XIX века через Якутскую ярмарку проходило от 1000 до 2000 пудов (16-32 тонны) мамонтовой кости.

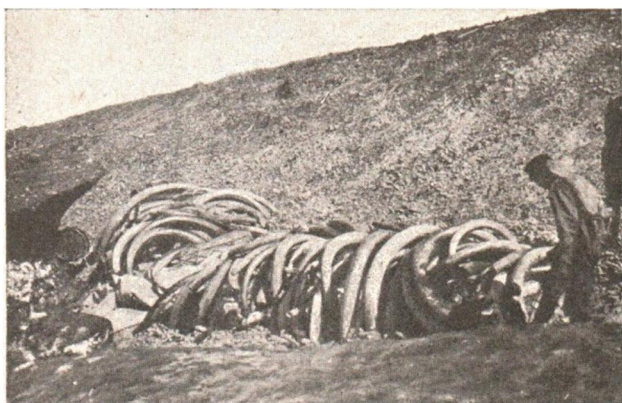

Рис.69. Крупная партия бивня весом в 450 пудов. с. Кюсюр, низовье р. Лены. Начало XX века. Фото из журнала «Природа», 1915, с. 987.

В 60-х годах XIX столетия в Москву поступало до 2500 пудов (приблизительно около 40 тонн) бивней в год, большая часть которой вывозилась с севера Якутии. С 1891 г. по 1913 г. на Якутской ярмарке ежегодно продавалось от 700 до 2000 пудов (11,2 -32 тонны) бивня. Таким образом, добыча бивня на территории Якутии на протяжении XIX века была достаточно устойчивой и колебалась в пределах 20-25 тонн ежегодно.

Таблица 2

Количество мамонтовой кости, доставляемой на Якутскую ярмарку в первой трети XIX века (по таблице Н. Щукина «Изображение звериных промыслов в Якутской области с 1825 по 1830 год» [Щукин, 1844]

Год	Кость мамонтовая		
	Со стороны Жиганской	Со стороны Колымской	Итого:
1825	1700 пуд	250 пуд	1950 пуд
1826	1400	300	1700
1827	1600	150	1750
1828	1700	200	1900
1828	1200	300	1500
1830	1250	270	1520

В дальнейшем, в советское время, добыча бивня в регионе практически прекратилась и объем всей добытой кости до 1979 года был в пределах всего 10 тонн. Возрождение интереса к бивню мамонта произошло в 80-е годы XX века в связи с ужесточением запретов на добычу бивней слонов и сокращением их поголовья в странах Африки и Азии. В начале 2000-х гг. на севере Якутии, только по учтенным данным, добывалось от 25 до 30 тонн ежегодно (Кириллин, 2011). Эти данные показывают приближение уровня добычи на Арктическом севере Якутии к «объему естественного «высвобождения» мамонтовых бивней в результате ежегодной эрозии береговых отложений, который оценивается экспертами в 30-40 тонн в разные годы» (Боескоров, 2007; Кириллин, 2011, с.12.). Таким образом, как показано на таблице 3 устойчивый ежегодный уровень промысла на протяжении уже около 200 лет дает основания полагать о «достаточно равномерном распределении мамонтовых бивней среди верхнечетвертичных едомных отложений», на что обращали внимание многие исследователи (Боескоров, 2007; Кириллин, 2011). В 1990-х годах в России сформировался внутренний рынок, «где ведущую роль, в том числе в экспортных поставках, играет Республика Саха (Якутия)» (Смирнов, 2003, с.31).

Таблица 3

*Данные о реализации мамонтовой кости на Якутской ярмарке в конце XIX в. – XX в.
(по М.В. Пихтину [1891] и В.М. Зензинову [1915])*

Год	Кол-во кости в пудах	Год	Кол-во кости в пудах
1891	1400	1901	700
1894	1750	1902	1600
1895	1500	1908	1000
1896	1460	1909	1570
1897	850	1910	1900
1898	2000	1911	1400
1899	1500	1912	1200
1900	1700	1913	1600

Что касается организации промысла на Новосибирских островах, по данным В.М. Зензинова (1915), имела четко выраженный сезонный характер: летом, собранные бивни собирались в кучи и вывозились зимой по санному пути. Использовались два вида транспорта – олений и собачий. Ежегодная добыча, которая велась с середины июня до глубокой осени, могла составлять несколько тонн, в то время как грузовые олени нарты по тяжелой зимней дороге брали лишь до 8 пудов (100-110 кг). По Зензинову (1915), «рядовая упряжка в 13 собак брала 15 пудов груза (240 кг) и могла проходить в сутки до 90 верст. Обычно при заезде на острова применялись особо большие «островные» нарты: 14-16 собак поднимали 35-40 пудов (500-600 кг) груза» (Зензинов, 1915, с. 989). Вывоз мамонтовой кости осуществлялся в основном в марте, при втором – «зимнем» заезде на острова. В отчете М.И. Бруснева (1904) приводится описание подготовки собачьих нарт для передвижения в зимнее время, т.н. «леденение» полозьев. Он отмечал, что «хорошо устроенная собачья нарта, даже сильно нагруженная, легко идет по твердому снежному покрову» (Ширина, 2011, с.86). Для лучшего скольжения полозьев, нижняя часть покрывалась тонким слоем льда: переворачивали верх полозьями нарты и ямщик проводил куском мокрой оленьей кожи с шерстью несколько раз по полозьям. Этот процесс проводился при устойчивых низких температурах. Полозья для собачьих нарт из березы ценились очень высоко - «иногда очень дорого», заготовки доставлялись купцами из Якутска. Полозья несколько дней вымачивались в воде, считалось, что «тогда лед хорошо пристает к ним, образует с ними как бы одно целое» (Ширина, 2011, с.86). Примечательно, что процесс «леденения наоборот» был применен в 1935-1937 гг. на Ленском леспромхозе Ленского района ЯАССР – были внедрены ледяные двухколейные конные дороги взамен снежных: в мерзлой земле выдалбливали под санные полозья две канавы, которые потом обливали на морозе водой. По двум ледяным колеям одна лошадь на двухполозных санях, подбитых железом, могла вывезти за раз до 12 кубометров леса. «Ледянки», как их

называли лесорубы, повышали производительность труда, позволяли выполнять план военных лет во время Великой Отечественной войны (Андросов, 2012, с.30).

Для передвижения в летнее время, нарты изготавливались из лиственничного дерева – «крени», «наружные годовые кольца которого тонки», верхний слой которого настолько плотна и тверда, что «отполировавшись о землю, скользят по ней довольно легко и не скоро истираются» (Ширина, 2011, с.86). Эти же свойства «крени» были известны предкам народа саха, которые изготавливали из такой лиственницы сложносоставной лук монгольского типа с костяными накладками из мамонтового бивня или рога лося. По мнению ряда исследователей (Толль, 1906; Врангель, 1948; Зензинов, 1915), транспортировка была одной из важнейших проблем промысла – масштабы добычи нередко ограничивались возможностью вывоза с островов на материковую часть. Это существенное ограничение по вывозу подтверждается словами Н.В. Пинегина, руководителя экспедиции Академии Наук, работавшего в 1927-1928 гг. на Новосибирских островах: «<...> такого баснословного количества бивней, какое встретила наша экспедиция, вряд ли кто-нибудь где-либо наблюдал. Груды их, сложенные промышленниками и за трудностью переправы на материк так и оставшиеся здесь, для вывоза их отсюда потребовали бы значительных транспортных средств» (Полярная геофическая станция <...>, 1932, с.14).

Рис.70. Погрузка бивней для отправки из Якутска в Иркутск. 1915 г. Репродукция картины З. Буриана.

На Новосибирских островах не было постоянного населения, но каждый год их посещали промышленники из числа коренного и русского населения Прианского, Индигирского, Нижнеленского районов и, как писал А.А.Бялыницкий-Бируля (Отчеты о работах Русской полярной экспедиции <...>, 1902) «безлюдными, по крайней мере в продолжение известной части года, ни в коем случае нельзя назвать» (Ширина, 2011, с.87). Источником питания промысловых партий была охота, главным образом на дикого северного оленя. Так как популяция дикого оленя была небольшой, существовало негласное правило, чтобы окончательно не распугать и разогнать оленей, за одну охоту добывать только одного оленя. В связи с этим, из-за недостатка питания, партиям приходилось голодать по нескольку дней. В.М. Зензинов (1915) описывал случаи, когда после длительной голодовки удается наконец застрелить оленя, то «нередко остальные тут же набрасываются на жертву, как звери, распластывают своими ножами оленя на месте и глотают сырое, еще теплое мясо <...>» (Зензинов, 1915, с. 990). Рацион дополнялся сбором яиц, гаг, гусей, чаек и охотой на линяющих гусей, которые в изобилии гнездятся на арктических островах. Летовали в основном вхолщовыхпалатках.

Промыслом занимались преимущественно «инородцы» с. Казачье, до середины 1840-х годов – русские мещане с Индигирки. Из архивных данных Русского Устья видно (Мостахов,2013), что, вероятно, после гибели пяти промышленников в 1847 году, с низовьев р.Индигирка промышленники перестали ходить на Новосибирские острова через открытое море и прекратили этот вид промысла. Среди них встречались и приезжие из Якутска. В XIX - начале XX века Новосибирские острова являлись главным районом добычи мамонтовой кости. Основной промысел велся в т.н. «ближних» островах – Большом и Малом Ляховских, реже на «дальних» - Котельном, Фаддеевском и Новой Сибири. На «дальних» островах промысел был гораздо богаче, но путь туда был сопряжен большими трудностями и

опасностями, которые ожидали промышленников на бескрайних просторах арктического моря (Зензинов, 1915).

Рис.71. Карта Новосибирских островов. Начало XX века. Рисунок из журнала «Природа», 1915, с.982.

Партия промышленников обычно составляла 40-50 человек, которые затем разбивались на группы по 4-5 человек, ведущих поиски на разных частях островов (Зензинов, 1915). Снаряжали «островников» местные купцы из с.Казачье, но, несомненно, провизии не хватало на весь промысловый сезон. Собак, нарты, палатки, одежду и прочее промышленник должен был иметь сам. Половина собранного кости шла купцу, остальная кость продается ему же по цене 40-75 рублей за пуд (в зависимости от качества), обычно на человека приходится 10-12 пудов, т.е. 5-6 пудов продажной, следовательно, за весь промысел человеку достается 200-300 рублей, что составляет 20-35 рублей в месяц за тяжелый, изнурительный труд, сопряженный зачастую со смертельной опасностью (Зензинов, 1915).

Бивни мамонта – это не переразвитые клыки, а средняя пара резцов (Верещагин и др., 1990). Уже у новорожденных мамонят имелись маленькие, до 3-4см, молочные бивни, которые в годовалом возрасте замещались постоянными. Бивень взрослого мамонта – это серия дентиновых конусов, нанизанных друг на друга. Эмалевое покрытие у бивней отсутствовало,

поэтому их поверхность не отличалась твердостью и довольно быстро стачивалась при работе. Бивни росли в длину и толщину в течении всей жизни. Размеры их сильно варьируют. Наиболее крупные бивни ранних мамонтов могут достигать 4,5м, при диаметре у выхода из альвеол до 20см, вес их доходил до 110-140кг. В 2003 году Комитет по драгоценным металлам Республики Саха (Якутия) передал в Музей мамонта уникальный прямой бивень длиной более 3 метров и весом 115кг. Бивни самок значительно тоньше и менее изогнуты.

По сортности бивень подразделялся на «гребельную» и «торговую» (Иохельсон, 1898, с.107). Под «гребельной» подразумевался первосортный бивень без трещин, костное вещество которого «чиста, бела и плотна». Второй сорт – «торговый», могла всегда иметь трещины как радиальные, так и концентрические, «внутри кость не плотна, с небольшими трещинами, не чиста, желтоватого цвета». Каждый из сортов имел еще два подсорта в зависимости от длины и толщины «рогов». Чем больше «рог», тем дороже ценился купцами. Якутские купцы подразделяли еще и «островную кость», добытую в основном на Новосибирских островов.

Таблица 4

Объём поставок ископаемой мамонтовой кости на Якутскую ярмарку в XIX – начале XX века

А.И. Смирнов, 2003: 1825-30 гг. по данным Н. Щукина, 1833; за 1825-1830 гг., 1891-1913 по данным М.В. Пихтина (1891 и, В.М. Зензинова (1915); * Данные Национального Архива РС(Я), Калашиников А.А. Якутия. Хроника. Факты. События. 1632-1917 гг. Бичик, 2000. – за 1838-1914 гг.

Годы	Всего, пудов/тонн по сортам	Со стороны Булуна, Жиганска, пудов	Со стороны Колымы, пудов	Общая стоимость (руб./пуд)
1	2	3	4	5
1825	1950/ 31,2	1700	250	
1826	1700/ 27,2	1400	300	

1827	1750/ 28,0	1600	150	
1828	1900/ 30,4	1700	200	
1829	1500/ 24,0	1200	300	
1830	1520/ 24,3	1250	270	
1838*	250/ 4,0 - отборная 250/ 4,0 - обыкновенная			13750 (55руб./п.) 12100
1839*	1200/ 19,2			54000 (45 руб. п)
1840*	1310/ 20,96			65000 (49,6 руб./п.)
1841*	1500/ 24,0			69000 (46руб./п.)
1842*	1300/ 20,8			39000 (30руб./п.)
1843*	1500/ 24,0			45000 (30руб./п.)
1848*	400/ 6,4 – «гребельная» 300/ 4,8 - торговая			11 – 13 руб./п. 7 – 9 руб./п.
1849*	350/ 5,6 – «гребельная» 200/ 3,2 – торговая			
1850*	510 / 8,16 – «гребельная» 180 / 2,88 – торговая			
1851*	600 / 9,6 – «гребельная» 500 / 8,0 – торговая			
1852*	600 / 9,6 – «гребельная» 500 / 8,0 – торговая			
1863*	Кость мамонтовая			8783 руб.
1869*	55 / 0,88			
1890*	ИМК и моржовая на сумму в 40800 рублей			
1891	1400 / 22,4			24-35руб./пуд
1894	1750 / 28,0			29-35руб./пуд
1895	1500 / 24,0			29-35руб./пуд
1896	1460 / 23,36			29-35руб./пуд
1897	850 / 13,6			29-35руб./пуд
1898	2000 / 32,0			
1899	1500 / 24,0			

1900	1700 / 27,2			
1901	700 / 11,2			
1902	1600 / 25,6			
1908	1000 / 16,0			40 руб./п.
1909	1570 / 25,12			

6.3. Развитие косторезного искусства в Якутии

С широким проникновением «служилых людей» на «Якольскую землю» XVII - XVIII веках, вместе с ними и костяных изделий, происходит знакомство местных мастеров с традициями русского косторезного искусства, которое привело к активизации творческого процесса, которое затем трансформировалось в самостоятельный очаг художественной резьбы (Национальный художественный музей РС(Я), 2003). Большое влияние оказали признанные по всей России изделия холмогорской резьбы по кости тобольских мастеров из Западной Сибири (Лазарев и др., 2004). Холмогорские мастера в одном изделии сочетали разные приемы декорации: изысканную ажурную резьбу, цветную графику, окраску пластин кости. Разнообразен был ассортимент изделий, создаваемых холмогорскими резчиками: ларцы прямоугольных форм, шкатулки-комодики для туалетного стола с множеством ящичков, открываемых с секретам, разнообразных форм табакерки, гребни, игольники. Как считают искусствоведы (Национальный художественный музей РС(Я), 2003), становлению другого направления резьбы по кости - тобольской, имевшей большое влияние на якутских мастеров, способствовало обилие в севере Западной Сибири мамонтовой кости, а также древняя традиция народов, населяющих Север Обского бассейна — остяков и вогулов (ныне ханты и манси), вырезать бытовые предметы из дерева и кости. Из мамонтовой кости выполнялись скульптуры, изображающие фигурки людей в национальных одеждах, северных оленей, собак, медведей. Наиболее

излюбленные темы мастеров народного промысла — изображения поездки на оленях и собаках (Национальный художественный музей РС(Я), 2003).

Якутская резьба по кости зародилась в конце XVII века, причем, как считают исследователи (Смирнов, 2003), немаловажное значение в возникновении и формировании этой отрасли народного творчества сыграло наличие в большом количестве прекрасного материала – мамонтовых бивней. Однако, косторезные работы того периода чрезвычайно редки, что видно из архива изображений предметов материальной культуры XVII–XIX вв. художника М.М. Носова - знатока якутской истории, быта и культуры народа саха. Среди рисунков предметов XVII века изделия из мамонтовой кости встречаются крайне редко, что позволило, наряду с другими архивными данными сделать вывод, что «резьба по мамонтовой кости – это все-таки явление XVIII века» (Лазарев и др., 2004, с. 106).

Уже в конце XVIII века Якутия становится одним из центров резьбы по кости. Прекрасные резчики по дереву, якутские мастера, обладая богатыми древними традициями бытовой орнаментальной резьбы по дереву, перенесли основные технические приемы на мамонтовую кость. Как утверждает В.Х. Иванов (1979), косторезные работы выполнялись мастерами, в основном, под заказ. Заказчиками выступали «представители администрации и имущая часть торговых промышленных людей», вероятно всего, изготавливались по привезенным в Якутск образцам холмогорских и тобольских изделий из мамонтовой кости (Иванов, 1979, с.15). По мнению ряда авторов (Лазарев и др., 2004; Национальный художественный музей РС(Я), 2003), в произведениях якутских резчиков нет «изысканности и утонченности», характерной для изделий северорусских умельцев. Стремление к яркой живописности, праздничности, присущее русским народным мастерам, также оказалось чуждым якутским косторезам. Их художественный вкус формировался под воздействием суровой природы Крайнего Севера. В литературных источниках XIX столетия в некоторых якутских изделиях отмечали «особый шик» и «своеобразие». В 1896 году известный исследователь, этнограф В.Л.

Серошевский в своем фундаментальном труде «Якуты» (1993) писал: «Из кости, рога, камня якуты в настоящее время выделяют предметы только второстепенного значения, кость употребляют по преимуществу мамонтовую, рог коровий...» (Серошевский, 1993, с.387). Основным и главным материалом для косторезов служил мамонтовый бивень – материал, хорошо поддающийся обработке и имеющий различные цветовые градации: от молочно-белого до желтоватых, золотисто-коричневых оттенков. Якутские мастера специализировались на декоративно-утилитарных предметах: шкатулках, ларцах, гребнях, подчасниках и других предметах домашнего обихода, применяя сквозную и плоскорельефную резьбу. Кроме них, весьма были популярны изображения праздников, в частности национального праздника *ысыах*, бытовые охотничьи сценки и др. В настоящее время многие уникальные экспонаты XVII-XX вв. материальной культуры коренных народов Якутии, представляющие большое научное, этнографическое, историческое и культурное значение, находятся в музеях Российской Федерации и за рубежом (в Великобритании, Германии, США). Среди них немало и уникальных творений якутских мастеров-косторезов. Их изделия демонстрировались в 1900 году на Всемирной выставке в Париже, открытой 17 августа 1899 года. Всего из Якутии было отправлено около 200 экспонатов общим весом в 27 пудов 8 фунтов (чуть более 335 кг), где наравне с женскими украшениями из серебра, образцами одежды, чучелами животных и многими другими экспонатами, были представлены изделия из мамонтовой кости (Якутия: рекорды <...>, 2004).

В этом плане примечательна судьба композиции «Ысыах» - одного из уникальных произведений косторезного искусства, являющегося экспонатом Британского музея (Ушницкая, 2016). В апреле 2015 года при содействии Абердинского Университета (Шотландия) и Британского музея (Великобритания) в Национальном художественном музее РС(Я) была организована временная выставка этой замечательной многофигурной композиции, изготовленной из бивня мамонта, что, несомненно, явилось

целым культурным событием в республике. По проведенным специалистами НХМ РС(Я) исследованиям, в республике нет аналогов этой композиции. Она была изготовлена из бивня мамонта неизвестным мастером в середине XIX века. Произведение представляет собой сценку из национального праздника *ысыах* и является одним из самых ранних изображений этого праздника. Композиция «Ысыах» была приобретена Британским музеем на Всемирной выставке в Париже в 1867 году и с тех пор находится в его коллекциях. Впервые композиция «Ысыах» выставлялась на выставке «Гробница неизвестного автора» английского мецената Грейсен Пирри в 1912 году, главной особенностью которого было то, что все выставленные экспонаты были созданы неизвестными мастерами. В ходе кропотливой работы Е.С. Ноговицыной, специалиста НХМ РС(Я), были изучены каталоги выставок, регулярно проводимых императорским двором. Исследователь отмечает, что наряду с пушниной, изделия из бивня мамонта из Якутии организаторами охотно отбирались в качестве экспонатов на разные выставки. Данная работа была отобрана для «Русского отдела Всемирной выставки в Париже» 1867 года и исследователям удалось даже определить по каталогам имя ранее неизвестного мастера, изготовившего эту композицию-Николай Белоусов из Намского улуса (Ушницкая, 2016).

В каталоге «Циркумпольная цивилизация в музеях мира: вчера, сегодня, завтра» (2009) среди описанных 300 предметов, отобранных по степени уникальности, редкости, сохранности, музейной и исторической значимости, обращают внимание и предметы, изготовленные из бивня мамонта, в основном XIX-начало XX вв. Из наиболее интересных экспонатов из бивня мамонта можно перечислить грузила для невода (*киибэс* – як.яз.) из фондов Аллаиховского музея природы тундры и охотничьего промысла им. Д.А. Лебедева; кружки от лыжного посоха (*ампара оргурата* – эвенк.яз) из собраний Тунгусской этнографического подотряда Комплексной экспедиции 1927 года Васильева В.Н.; типичные костяные пластины из бивня мамонта на аркане (*маамыкта* – як.яз) для ловли оленей, сплетенную из четырех тонких

сыромятных ремней; насторожка от пасти для ловли песка из Русского Устья Нижнеколымского района ЯАССР (из коллекции этнографической экспедиции Научно-исследовательского института языка, литературы и истории ЯАССР под руководством И.С. Гурвич, 1954 год); шаманские колотушки - вместилище духа – помощника во время камлания, через который проходила связь с духами (из фондов из Анабарского краеведческо – этнографического музея, XIX век); элементы оленьей упряжи из фрагментов бивня мамонта (нащечные пластины сложного оленьего недоуздка, блок крепления тяжа с нартой) у есейских якутов (с.Есей Красноярского края); элементы собачьей упряжи у колымских старожилов, подставка для фиксирования гильз при набивании патронов во время охоты из Улахан-Чистайского музея истории и культуры эвенов и другие предметы традиционного обихода северных народов.

Особое место в каталоге занимают скульптуры из бивня мамонта. Скульптура «Рыбак в лодке» выполнена неизвестным мастером в XIX веке и изображает рыбака с веслами в лодке, с *турсуком* для рыбы. Поступление в краеведческий музей от купца Громова И.И. в 1916 году из Булунского района. В конце XIX века большой интерес вызывали научные экспедиции, изучавшие быт, этнографию и культуру народов Севера, по результатам которых местным мастерам давались заказы на изготовление точных уменьшенных копий-сувениров (Якутия: рекорды <...>, 2004), в числе которых можно назвать модели якутского *арангасного* (наземного типа) захоронения, модели нарты с кибиткой и шарнирную статуэтку шамана из мамонтовой кости из запасников краеведческого музея. Известно, что на скульптуре «Надземное захоронение якутов (*арангас*)» изображен один из трех видов захоронения у якутского народа (надземное, подземное, сожжение) – надземное. На деревянных столбах установлен гроб, выдолбленный из цельной широкой лиственницы, который снаружи выглядит как соединенный из двух половинок цилиндр. Внутри гроба лежит фигурка мужчины со скрещенными на груди руками. К двум столбам у основания гроба прислонены две лыжи без креплений по одной на каждую. Между столбами прикреплен крест накрест лук со стрелой.

Данная скульптура является миниатюрной моделью надземного захоронения. Она была сделана якутским резчиком Верхоянского округа в конце XIX века. Не меньший интерес представляет скульптурка неизвестного якутского мастера «Модель нарты с кибиткой», которая представляет североякутский вариант оленьей нарты. Она является миниатюрной моделью нарты кибиткой северных якутов, которая изготавливается из дерева и ровдуги. Сделана якутским резчиком из с. Булун Верхоянского округа в начале XX века. Поступила в краеведческий музей в 1916 году от купца И.И. Громова.

В некоторых северных районах Якутии из мамонтового бивня вырезались даже печати-матрицы местных князьков и состоятельных людей - баев. Так, в Аллаиховском музее природы тундры и охотничьего промысла им. Д.А. Лебедева есть печать XIX века из цельного куска бивня с вырезанными инициалами владельца с ручкой в виде полусферы. Печать принадлежала князю Аллаихи Н.А. Рожину. Изготовление печатей из бивня продолжалось и в советское время. Например, печать-матрица Юкагирской советской школы Аллаиховского района ЯАССР, которая была изготовлена в первой половине XX века. Печать имеет круглую форму с ручкой в виде набалдашника в верхней части имеющей форму шара. На лицевой стороне печати, внутри круга, вырезан серп и молот на фоне восходящего солнца, над ним надпись – «ЯАССР». По краям нанесена надпись: «Юкаг. сов. шк. Аллаих. рай.». Из коллекции этнографической экспедиции Научно-исследовательского института языка, литературы и истории ЯАССР под руководством И.С. Гурвич, 1954 год (Циркумпольная цивилизация в музеях мира <...>, 2009).

Наиболее значительные коллекции косторезного искусства сосредоточены в двух главных музеях республики: ЯГОМИ и КНС им. Ем. Ярославского и Национальном художественном музее РС(Я). История комплектования фондов Якутского краеведческого музея берет начало с конца XIX-начала XX века, впоследствии часть коллекции была передана в музей изобразительных искусств. Эти редкие, безусловно, ценные как в историческом, так и в художественном плане единичные экспонаты XIX века

послужили основой современных коллекций крупнейших музеев республики. Ядро коллекции раздела якутской резной кости НХМ РС(Я) представляют, кроме этих уникальных экспонатов, произведения известных якутских косторезов В.П. Попова, Д.И. Ильина, Т.В. Аммосова, С.Н. Пестерева, С.Н. Петрова, Н.Д. Амыдаева, Ф.И. Маркова.

Первая выставка работ местных художников-любителей и косторезов, среди которых был и Е.М.Ярославский, открылась в краеведческом музее в ноябре 1915 года (Якутский музей, 2004). В 1921 и 1924 годах в Якутске предпринимались попытки организации артели по обработке мамонтовых бивней, однако, по разным причинам, развития этот вид промысла не получил. В 1945 году в Якутске открывается художественное училище, призванное готовить профессиональных художников с 5-летним курсом обучения, а в 1960 году в училище открывается прикладное отделение художественной обработки кости (Лазарев и др., 2004). Выпускники отделения в дальнейшем внесли и вносят большую лепту в совершенствовании и развитии косторезного искусства в Якутии. Уже на первой послевоенной Всероссийской художественной выставке 1947 года работы якутских мастеров заняли видное место с произведениями высокого технического мастерства и художественного совершенства. В 1957 году выходит публикация Л.И. Якунина «Якутская резная кость», которая явилась первым обобщением опыта и традиций одного из самобытных видов народного декоративного искусства – художественной резьбы по кости (Иванов, 1979).

1 декабря 1969 года в Якутске организуется фабрика «Сардаана», которая объединила мастеров по изготовлению национальных декоративных изделий из различных природных материалов, в т.ч. кости и рога оленя, мамонтовой кости (Иванов, 1979; Бардина,1990). Впоследствии, фабрика была преобразована в экспериментальную фабрику художественных промыслов и сувениров, а 9 июня 1986 года приказом №215 Министерства местной промышленности РСФСР фабрика была включена в список предприятий народных художественных промыслов (Лазарев и др.,2004).

В советское время становление косторезного искусства в Якутии связано с именами народных мастеров Е.Н. Алексеева, И.Ф. Мамаева, В.П. Попова, А.В. Федорова, Т.В. Аммосова, Д.И. Ильина, С.Н. Пестерева, С.Н. Петрова, чьи работы вызывали восхищение красотой, своеобразием и самобытностью на международных выставках и ярмарках в Монреале, Бухаресте, Лейпциге, Вене, Токио и других городах. Традиции старых мастеров продолжают в работах современных якутских косторезов, сочетающих своеобразный сплав народного и профессионального искусства.

6.4. Музейные коллекции мамонтовой фауны Якутии

В настоящее время в старейшем музее республики – Якутском государственном музее истории и культуры народов Севера им. Ем. Ярославского насчитывается свыше 400 единиц хранения, относящихся к остеологической коллекции (Боескоров, 2010). В их числе известные широкому кругу палеонтологов и краеведов скелет Тирехтяхского мамонта (1970), часть скелета Суольского мамонта (1955), большая серия черепов ископаемых бизонов и костные остатки большинства млекопитающих мамонтовой фауны.

С основанием в 1947 году Якутского филиала Сибирского отделения Академии наук исследования остатков мамонтовой фауны стали проводиться в его Отделе геологии, а с 1957 г. – в Институте геологии ЯФ СО АН СССР (ныне Институт геологии алмаза и благородных металлов СО РАН). В нем выросли местные специалисты: палеонтологи, палинологи, палеотериологи, палеозоологи. Начало формирования музейных коллекций республики и их изучение в Якутске связано с деятельностью упомянутого института. Вместе с этим, назрела необходимость образования в Республике Саха (Якутия) специализированного научно-исследовательского учреждения, каким и явился Музей мамонта, основанный в 1991 г. по Указу первого президента РС(Я) М.Е. Николаева как научный и культурный центр по изучению мамонтовой фауны

и среды ее обитания. Позднее, Музей мамонта вошел в состав НИИ прикладной экологии Севера СВФУ им. М.К. Аммосова. Основными направлениями деятельности являются: научно-исследовательская работа, музейная и выставочная. В музее хранятся, изучаются и демонстрируются богатые и уникальные палеонтологические материалы. Коллекция музея насчитывает более 2000 костных остатков практически всех крупных животных мамонтовой фауны: мамонтов, шерстистых носорогов, древних лошадей, бизонов, пещерных львов и др.

Рис.72. Палеонтологический зал музея геологии ЯФ СО АН СССР. г. Якутск, 1970-е гг. Фото А.Г. Степанова. Из личного архива А.Г. Степанова.

Прекрасная коллекция остатков животных мамонтовой фауны хранится в Геологическом музее Института геологии алмаза и благородных металлов СО РАН. Он был создан на базе Коллектора мамонтовой фауны и археологических культур Северо-Востока Азии, основанного в 1982 году. Зал мамонтовой фауны музея вместил в себя уникальные экспонаты, такие как чучело ноги Берелехского мамонта (1971), скелет Аканского мамонта (1986), полный скелет Чурапчинского шерстистого носорога с остатками мягких тканей, кожи и шерсти (1972), остатки Абыйского мамонтенка (1990). Демонстрируются палеонтологические материалы, отражающие эволюцию мамонта, шерстистого носорога, бизона, овцебыка, сайгака, пещерного льва и др. (Белолубский и др., 2007).

С 2011 года палеонтологические исследования проводятся в Отделе изучения мамонтовой фауны Академии наук РС(Я), в коллекциях которого сконцентрирована значительная часть находок последнего десятилетия.

Костяк, основу экспозиции музея-театра «Ледниковый период» открытого в 2004 году в Москве составили палеонтологические материалы, экспонаты, добытые на территории Республики Саха (Якутия). Экспозиция музея посвящена мамонтовой фауне и природе ледникового периода, собственно мамонту и его спутникам, а также различным школам косторезного искусства России. Сегодня это крупнейший в РФ частный палеонтологический музей, обладающий самой большой в мире коллекцией остатков шерстистого носорога (более 300 экз.), в т.ч. более 50 целых и поврежденных черепов. Также в коллекциях музея выставлена уникальная коллекция рогов носорога (около 70 экз.), из них только лобных (задних) – наиболее редко встречающихся рогов - насчитывается 12. В музее сосредоточены лучшие работы косторезных школ со всей России, отображающие всю палитру косторезного искусства, разного стиля, разных направлений. В нем широко представлены работы и якутских резчиков по кости (Шидловский, 2007).

Одним из объектов, имеющим прямое отношение к мамонтовым исследованиям советского периода, является подземная научная лаборатория Института мерзлотоведения СО РАН, состоящая из двух галерей и нескольких помещений, находящихся на разных глубинах – от 4 до 15 м общей площадью более 300 кв.м. В ней, как в естественном холодильнике, в советское время хранились мягкие ткани, кости животных мамонтовой фауны, предназначенные для исследований как в Якутске, так и в лабораториях центральных городов. В 2015 году Музей мамонта НИИПЭС СВФУ и подземная научная лаборатория ИМЗ СО РАН по версии британской газеты «Daily Telegraph» вошли в список 20 самых интересных достопримечательностей России.

6.5. Мамонт – один из символов современной Якутии

Мамонт является одним из символов современной Якутии, как и кенгуру, панда и другие животные в некоторых странах. Символом, эмблемой Якутского государственного университета до придания ему в 2010 году статуса Северо-Восточного Федерального университета, долгое время был мамонтенок. В Якутске есть ресторан «Мамонт», клуб джиперов «Мамонт», можно увидеть несколько скульптур мамонта на улицах города, с успехом проходит фестиваль циркового искусства «Мамонтенок», фестивали косторезного искусства России. Мамонт красуется на гербе одного из якутских старинных городов и на гербе одного из северных районов республики. Недавно в сетке вещания местного телевидения появился канал «Мамонт». Наиболее известной скульптурой мамонта является фонтан-памятник «Мамонт», изготовленный сотрудником Института мерзлотоведения СО РАН Л.Г. Адониным в 1972 году, который находится на территории института.

Талисманом IV Международных спортивных детских Игр «Дети Азии» стал мамонтенок, окончательно и бесповоротно вытеснив старый символ Игр – мальчика-мячика *Бэргэна*. Мамонтенок с факелом в правой лапе, источающим пламя из пяти языков синего, чёрного, красного, жёлтого и зеленого цветов — цветов Олимпийской эмблемы, является символом Игр по настоящее время. Даже юбилейная золотая монета, выпущенная в 1992 году, приуроченная к 360-летию вхождения Якутию в Россию (нумизматическая редкость), содержит изображение мамонта на фоне карты Якутии. Из аннотации к монете: «Предки якутов заселили свой край в X-XIV вв. В 1632 г. был основан город Якутск. Тогда Якутия вошла в состав Российского государства. Ныне Республика Саха (Якутия) находится в составе Российской Федерации. Символом своего сурового края, отдавая дань прошлому, якуты считают мамонта – вымершее млекопитающее семейства слонов. Мамонт – это и кров, и одежда, и пища, и предмет быта, и произведение искусства – шкура, мел,

кость, шерсть. Все это древнему человеку давало возможность выжить на бескрайних просторах многолетней мерзлоты».

К 70-летию Генерального секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева в 1976 году от трудящихся Якутии ему был вручен подарок – *чорон* (посуда для питья кумыса в форме кубка) из мамонтового бивня, богато инкрустированный бриллиантами и серебром. Он был изготовлен народным мастером Терентием Аммосовым. Пожалуй, это самое известное произведение народных промыслов Якутии. В период перестройки, в 1990-х годах, он был возвращен в республику и в настоящее время хранится в фондах ЯГОМИ и КНС им. Ем.Ярославского.

Бивни мамонта, являясь прекрасным упругим диэлектриком, были незаменимы в радиотехнике и самолетостроении: из них изготавливались мелкие детали сложной аппаратуры, в частности, в радиорелейных устройствах (Тихонов и др., 2008). В настоящее время, с появлением пластмасс и различных композитных материалов, необходимость применения бивня в этой отрасли отпала.

Как видно из вышесказанного, с пиететом к мамонту начали относиться совсем недавно. Стойкие суеверия распространенные среди местного населения, олицетворявшие мамонта с выходцами из «Нижнего» мира, несущими смерть, невзгоды и неприятности, начали постепенно сходить на нет с развитием коммуникаций, телевидения, радио и распространением знаний о мамонтах через публикации в газетах и журналах. Трансформация образа мамонта в сознании местного населения происходит именно в 1970-е гг.: после череды громких палеонтологических находок и широкого освещения этих находок в средствах массовой информации.

Заключение

История величайших палеонтологических открытий на территории Северо-Востока Азии золотыми буквами вписана в историю изучения Земли и является его неотъемлемой частью. Донесение этих знаний до широкого круга посетителей, грамотный и квалифицированный ретроспективный экскурс в прошлое и является основной задачей музейного специалиста. Своеобразным окном в мир прошлого являются музеи. Таким окном в мир мамонтов стал специализированный Музей мамонта в Якутске.

За сравнительно короткое время существования Музей мамонта НИИПЭС СВФУ стал одним из популярных и посещаемых в республике. И в этом заслуга не только музейных работников, но и та чередка сенсационных находок животных мамонтовой фауны за последнее десятилетие, которые сделаны местными жителями, впоследствии раскопанные и исследованные учеными республики. Ни одна из ключевых находок за всю историю палеонтологических исследований не была найдена непосредственно учеными в ходе научных экспедиций. Необходимо подчеркнуть роль местного населения как определяющего фактора в выявлении и нахождении остатков мамонтовой фауны на местах. Высокая стоимость бивня мамонта на международном рынке и глобальное потепление климата активизировали традиционный промысел коренных народов Севера - сбор бивня. И эта активизация начинает приносить свои результаты в виде ценнейших находок, таких как голова Юкагирского мамонта (2002), Оймяконского мамонтенка (2004), туши Колымского носорога (2007), Хромского мамонтенка (2008), туши голоценовой Верхоянской лошади (2009), мумии Батагайского бизоненка (2009), туши Омолойского лося (2010), мумий Туматских щенков (2011, 2015), полным черепом пещерного льва (2012), останками Малоляховского мамонта (2013), скелета Анабарского мамонта с мумифицированными тканями (2013) и другими научными объектами, ставших экспонатами Музея мамонта.

Неразгаданные тайны, связанные с исполинами минувших эпох-мамонтами, будоражат умы не только ученых, но и простых людей. Например,

где родина мамонтов, почему они вымерли, можно ли клонировать мамонта? С массой подобных вопросов приходится сталкиваться в каждодневной работе сотрудникам Музея мамонта и без знания истории находок, анатомо-морфологических особенностей животных мамонтовой фауны, базовых сведений о родном крае, географии, геологии, биологии невозможно компетентно ответить на эти вопросы. В данной работе значительное место уделено истории раскопок мамонта Адамса (1799), Березовского мамонта (1901), Магаданского мамонтенка Димы (1977), Берелехскому «кладбищу» мамонтов (1970), без которых трудно представить себе современную палеонтологию. Каждая ценная находка - это целый этап развития науки, но на наш взгляд, именно описываемые в работе ключевые находки и последующие их научные исследования внесли действительно неоценимый вклад в целом в эволюционный взгляд на мир мамонтов.

К сожалению, в последнее время, время рыночных отношений, имеющая богатейшую историю мамонтовая тематика становится все больше предметом коммерциализации. Мамонт, его костные остатки, прежде всего бивни, были известны нашим далеким предкам задолго до того, как находки этих животных пробудили всеобщее любопытство и привлекли внимание науки. В настоящее время интерес к представителям мамонтовой фауны имеет три взаимосвязанных аспекта:

1. Промысловый интерес к добыче мамонтовой кости (бивня);
2. Коммерческий интерес в плане организации выставочных экспозиций и продажи экспонатов музеям и частным коллекционерам;
3. Сугубо научный, познавательный интерес.

Приходится признать, что в последние десятилетия градация интереса к мамонтовой фауне располагается именно в такой последовательности, а не в иной. Но исключительные находки последнего десятилетия, интерес к ним ученого мира, общественности, СМИ позволяют выразить надежду, что научный интерес, научные исследования будут выступать в качестве главного приоритета. В этом немаловажную роль играет популяризация научных

исследований в различных средствах массовой информации. Музей мамонта НИИПЭС СВФУ с 2012-2014 гг. снял с английскими кинокомпаниями 3 фильма о раскопках мамонта, исследовательской работе международной группы ученых по проекту «Возрождение мамонта» для канала National Geographic, Channel 4 телевидения Великобритании, Smithsonian channel(США). Последний научно-популярный фильм «Woolly mammoth. The autopsy» рассказывающий о самой последней находке Музея мамонта – «Малоляховского мамонта» (или «Мамонт с кровью») привлек большое внимание телезрителей Европы и США и ученых всего мира. Для российского телезрителя он пока недоступен, хотя премьера фильма с успехом прошла в Англии и США еще в ноябре 2014 г. Документальный фильм поднял целый пласт вопросов перед общественностью этих стран, прежде всего этически-моральные вопросы возможного появления на свет клонированного мамонта, в технической возможности самого процесса клонирования, похоже, уже не сомневается никто. Научный доклад об этом мамонте, начале его комплексного исследования на VI-й Международной мамонтовой конференции в гг. Гревена и Сиатиста (Греция) в мае 2014 г. признан одним из лучших докладов конференции.

В настоящее время изучение мамонтов и мамонтовой фауны в целом, всего комплекса палеоэкологических, биогенетических аспектов, клеточных технологий связанных с ними, выходит на новый уровень. К исследованиям все чаще подключаются целые коллективы и отдельные ученые зарубежных стран. Наглядным примером служит научное сотрудничество СВФУ с южно-корейским Фондом биотехнологий SOOAM по проекту «Возрождение мамонта», одним из первых шагов которого стало создание Центра коллективного пользования «Молекулярная палеонтология» на базе Музея мамонта НИИПЭС СВФУ. Специализированным оборудованием для клеточных технологий эту лабораторию оснастили корейские партнеры проекта на собственные средства.

Все эти открытия уникальных палеонтологических объектов, их исследования уже становятся частью истории и одной из насущных задач Музея мамонта состоит в популяризации достижений науки как в историческом плане, так и на современном этапе в доступных для посетителя формах.

Выводы

По результатам проведенных исследований сделаны следующие выводы:

1. На основе анализа литературных, фондовых и архивных материалов воссоздана история изучения млекопитающих мамонтовой фауны на территории Якутии от древности до конца XX века. Показано, что находки и последующие исследования млекопитающих четвертичного периода в Якутии позволили определить систематическое положение, выяснить биологические особенности, а также реконструировать среду обитания этих животных в плейстоцене.
2. Изучение истории палеонтологических находок на территории Якутии позволяет сделать вывод, что огромную роль в обнаружении остатков животных четвертичного периода на обширных территориях региона сыграли местные коренные жители Якутии, которые принимали активное участие в экспедиционной работе.
3. В традиционном укладе жизни народов севера России в XVIII – начале XX вв. немаловажное место занимал промысел бивня. Этот вид деятельности сыграл важнейшую роль в географических открытиях, исследовании островной и материковой части северо-востока России, а также в изучении биологических особенностей млекопитающих четвертичного периода.
4. История биологических исследований млекопитающих четвертичного периода в Якутии наглядно демонстрирует связь научной работы с экономико-политическими процессами, происходившими в России–СССР. Наиболее продуктивным временем в истории данного направления можно считать 1890–

1900-е гг. и 1970–1980-е гг., т.е. годы, наиболее благоприятные для проведения палеонтологических исследований в экономическом и политическом плане.

5. Выделены два основных историко-научных этапа изучения четвертичных млекопитающих Якутии: донаучный (с древнейших времен до XVIII в.) и научный (с конца XVIII в. – до конца XX в.) этапы. В свою очередь в научном этапе развития данного направления выделены следующие периоды:

I. Первые исследования млекопитающих четвертичного периода учеными-естествоиспытателями (конец XVIII в. – первая половина XIX в.).

II. Комплексные экспедиции Императорской академии наук (1850-1900-е гг.).

III. Первые советские исследования мамонтовой фауны (1920-1940-е гг.).

IV. Период 1950-1990-х гг., который отличался значительным подъемом в изучении мамонтовой фауны.

6. Доказано, что на протяжении всего периода изучения четвертичных млекопитающих изменялся образ и восприятие мамонта коренным населением Якутии. В 1970-е годы, в период бурного развития телевидения и радио, массовых печатных изданий наступил переломный момент в изменении сознания коренного населения Якутии относительно мамонтов. К этому времени приурочены все значимые находки мамонтовой фауны: Берелехское «кладбище» мамонтов (1970), Тирехтяхский мамонт (1970), Шандринский мамонт (1971), Чурапчинский носорог (1972), Магаданский (Киргилляхский) мамонтенок Дима (1977).

Литература:

1. Абрамова, З.А. Кости мамонта как конструктивный материал в палеолите / З.А. Абрамова // Первое международное мамонтовое совещание. 16-22 октября 1995 г. - СПб, 1995. – С.594.
2. Аверьянов, А.О. Мелкий мамонт *Mammutus Primigenius vrangelinsies* Garutt, Averyanov et Vartanyan 1993 с острова Врангеля (Северо-Восточная Сибирь) / А.О. Аверьянов, С.Л. Вартанян, В.Е. Гарутт // Тр. Зоологического института РАН. -Т. 263.-1995.– С. 184—199.
3. Андросов И.М. Якутская лошадь. / И.М. Андросов. - Якутск, 2012. – С.13.
4. Анучин, Д.Н. Доклад по поводу реставрации мамонта для антропологической выставки / Д.Н. Анучин // Изв. О-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете - т.ХХV.- М., 1879.
5. Архив АН СССР, фонд IV, оп.2 (1808), книга 17.
6. Архив АН СССР, фонд 1, оп.2 (1808).
7. Афанасьев С.В. К вопросу о происхождении типов лошадей / С.В. Афанасьев. // Записки Детскосельской зоотехнической лаборатории под ред. проф. М.И. Дьяконова.- Л., 1936.- С.17.
8. Бадер О.Н. Художник рисовал с натуры / О.Н. Бадер // Природа. – 1972. - №8. – С.95-96.
9. Бадер О.Н. Палеолитическая гравировка с Индигирского Заполярья / О.Н. Бадер. // Археология Северной и Центральной Азии – Новосибирск, 1975. – С.30-35.
10. Бардина Р.А. Изделия народных художественных промыслов и сувениры (товароведение и организация торговли) / Р.А. Бардина // Учеб.для ПТУ. 4 изд., перераб. и дополн.- М., шк., 1990. – С.74 – 83.
11. Бгатов В.И. Метеорная пыль в шлифовых пробах / В.И. Бгатов, Ю.В. Черняев // Природа, №7, 1959. – С.111-112.
12. Бгатов В.И. Литофагия и мамонтовая фауна / В.И. Бгатов, П.А. Лазарев, М.А. Спешилова. - Якутск, 1989. – С.1-30.

13. Белолобский И.Н. Каталог коллекции четвертичных млекопитающих Геологического музея Института геологии алмаза и благородных металлов. / И.Н. Белолобский, Г.Г. Боесков, А.И. Сергеенко, М.Д. Томшин.- Якутск, изд. ЯНЦ СО РАН, 2008.– С.33-79.
14. Белолобский И.Н. Геологический музей Института геологии алмазов и благородных металлов СО РАН – хранилище останков животных мамонтовой фауны / И.Н. Белолобский, М.Д. Томшин. // Тезисы докладов IV Международной мамонтовой конференции - Якутск, 2007. – С.78.
15. Боесков Г.Г. Особенности морфологии и палеоэкологии Чекуровского мамонта. / Г.Г. Боесков, А.П. Черкашина, И.Н. Белолобский, А.И. Зайцев. // «Отечественная геология», №5, 2009. – С.84-90.
16. Боесков Г.Г. Каталог остеологической коллекции Якутского государственного объединенного музея истории и культуры народов Севера им. Ем.Ярославского / Г.Г. Боесков. - Якутск, 2010. – С.4-27.
17. Боесков Г.Г. Систематическое положение «суольского» мамонта (*Mammuthus, Proboscidea*) / Г.Г. Боесков, Е.Н. Машенко // «Наука и образование», №2, 2014. – С.48-54.
18. Бялыницкий-Бируля Ф. Исследование трупа Березовского мамонта / Ф. Бялыницкий – Бируля. - Койданава. «Кальвина», 2016. – С.1-42.
19. Вангенгейм Э.А. Палеонтологическое обоснование стратиграфии антропогенных отложений Севера Восточной Сибири / Э.А. Вангенгейм. // Тр. ГИН. Вып. 48. - Изд. АН СССР, М.,1961. – С.1-169.
20. Вангенгейм Э.А. Палеонтологическое обоснование стратиграфии антропогена северной Азии / Э.А. Вангенгейм. - Изд. «Наука», М.,1977. – С.90.
21. Ванхонеккер М. *Mammuthus primigenius* в сибирском представлении с конца XVII века до Василия Никитича Татищева // Рукопись, 2015. – С.1-11.
22. Василевич Г.М. Языковые данные по термину *хэл-кэл*. / Г.М. Василевич. // Сборник Музея антропологии и этнографии.-Т.ХI. Ленинград : Изд-во АН СССР, 1946. – С. 154.

23. Васильев Е.М. Новая находка мамонта (*Mammuthus primigenius*) в Якутии / Е.М. Васильев, П.А. Лазарев, Г.Г. Боескоров. // Первое международное мамонтовое совещание 16-22 октября 1995 г.- СПб, 1995. – С.603-604.
24. Васильев Е.М. К вопросу о внешнем облике и образе жизни шерстистого мамонта / Е.М. Васильев. - Якутск, 2005. – С.1-13.
25. Величко Н.И. Мифологема мамонта в традиционной картине мира народов Сибири / Реальность этноса: северное измерение / Н.И. Величко. // Сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции. СПб., 12 октября 2011 г. – СПб., 2011. – С.133-139.
26. Верещагин Н.К. Самые северные в мире следы верхнего палеолита / Н.К. Верещагин, Ю.А. Мочанов. // «Советская археология» - 1972., №3. – С.332-336.
27. Верещагин Н.К. О мамонте с реки Шандрин / Н.К. Верещагин. // Вестник зоологии №2. Краткие сообщения, 1975.- С.81-84.
28. Верещагин Н.К. Берелехское «кладбище» мамонтов / Н.К. Верещагин. // Тр.ЗИН АН СССР. – 1977. – Т.72. – С.5-50)
29. Верещагин Н.К. Почему вымерли мамонты / Н.К. Верещагин. – М.: Наука, 1979. – С.50-196.
30. Верещагин Н.К. Записки палеонтолога. По следам предков / Н.К. Верещагин. - Л., Наука, 1981.– С.104-144.
31. Верещагин Н.К. Морфометрическое описание мамонтенка. Магаданский мамонтенок *Mammuthus primigenius*. / Н.К. Верещагин. – Л., Наука, 1981. – С.52-80.
32. Верещагин Н.К. Некоторые итоги и проблемы изучения мамонтовой фауны / Н.К. Верещагин. // Важнейшие биотические события в истории Земли. Труды XXXII сессии ВПО. Таллин, 1985. – С.181-188.
33. Верещагин Н.К. Вымирание млекопитающих в четвертичном периоде северной Евразии / Н.К. Верещагин, Г.Ф. Барышников // Млекопитающие Северной Азии в четвертичном периоде. Тр.ЗИН АН СССР. - 1985, т.131.- С.3-38.

34. Верещагин Н.К. Происхождение и стратиграфия Берелехского «кладбища» мамонтов / Н.К. Верещагин, В.В. Украинцева. // Млекопитающие Северной Азии в четвертичном периоде. Тр. ЗИН АН СССР. - 1985, т.131.- С.104-113.
35. Верещагин Н.К. Экстерьер мамонта / Н.К. Верещагин, А.Н. Тихонов. - Якутск, Ин-т мерзлотоведения СО АН СССР, 1990. – С.4-40.
36. Верещагин Н.К. Памятники мамонтовой фауны России и проблемы их охраны / Н.К. Верещагин. // Первое международное мамонтовое совещание 16-22 октября 1995 г. - СПб, 1995. – С.605.
37. Верещагин Н.К. Тафономия остатков млекопитающих в мерзлых грунтах Сибири и Аляски / Н.К. Верещагин, С.В. Томирдиаро. // Первое международное мамонтовое совещание 16-22 октября 1995 г. - СПб, 1995. – С.606-607.
38. Верещагин Н.К. О работе Комитета по изучению мамонтов и мамонтовой фауны / Н.К. Верещагин, Е.И. Кузьмина. // Мамонт и его окружение: 200 лет изучения. Юбилейный сборник научных трудов. - М., ГЕОС, 2001. – С.35.
39. Верещагин Н.К. От ондатры до мамонта / Н.К. Верещагин. - СПб., изд. Астерион, 2002. – С.175-203.
40. Винокуров П.В. Знакомьтесь: Якутский музей / П.В. Винокуров. – Якутск: изд-во «Полиграфист», 1991. – С.47.
41. Витсен Н. Северная и Восточная Тартария / Н. Витсен. - Югра: изд. Европейский дом, 2010. – С. 742.
42. Виттенбург П.В. Жизнь и деятельность Э.В.Толля / П.В. Виттенбург. // Изд. АН СССР. - М., Л., 1960.- С.9.
43. Воллосович К.А. Мамонт из Ново-Сибирских островов / К.А. Воллосович. // «Природа», апрель, 1915. – С.603-607.
44. Врангель Ф.П. Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому океану, совершенные в 1820, 21, 22, 23 и 24 годах / Ф.П. Врангель. - М., 1841. - С.77-78.

45. Габышев М.Ф. Якутское коневодство / М.Ф. Габышев. – Новосибирск, 2002. – С. 232.
46. Гарутт В.Е. Новые данные о пище шерстистого носорога в Сибири / В.Е. Гарутт, Е.П. Метельцева, Б.А. Тихомиров. // Северный Ледовитый океан и его побережье в кайнозое. - Гидрометеиздат, Ленинград, 1970. - С. 113-125.
47. Гарутт В.Е. История изучения мамонта и шерстистого носорога в России / В.Е. Гарутт. // Мамонт и его окружение: 200 лет изучения – М.:ГЕОС,2001.- С.7-21.
48. Гарутт Н.В. Новые данные о строении рога шерстистого носорога *Coelodonta antiquitatis* (Blumenbach, 1799) / Н.В. Гарутт. // Первое международное мамонтовое совещание.16-22 октября 1995 г. Тезисы докладов. - СПб., 1995. – С. 608-609.
49. Гарутт Н.В. Автореферат диссертации / Н.В. Гарутт. - СПб., 1998. – С.2-21.
50. Геденштром М.М. Отрывки о Сибири / М.М. Геденштром.- СПб, 1830.- С.125.
51. Герц О.Ф. Отчеты начальника экспедиции Императорской Академии наук на Березовку для раскопки трупа мамонта / О.Ф. Герц. //Изв. Имп.Акад. наук. - Т.16, №4, 1902. - С.137-174.
52. Григорьев Н.Ф. Находки мамонта. Обзор поступивших в редакцию материалов. / Н.Ф. Григорьев. // Природа.- №5.- 1957. – С.104-106.
53. Григорьев Н.Ф. С любовью к Арктике / Н.Ф. Григорьев. - Новосибирск, Академическое издательство «Гео», 2006. – С.107-109.
54. Григорьев С.Е. Якутия как мировое хранилище останков мамонтовой фауны и последние находки ископаемых животных музея мамонта им. П.А. Лазарева НИИПЭС СВФУ / С.Е. Григорьев, М.Ю. Чепрасов, Г.П. Новгородов, С.Е.Фёдоров, Г.Н.Саввинов. // «Арктическая зона Российской Федерации: северо-восточный вектор развития», Санкт-Петербург, 2012. – С. 16-18.
55. Григорьев С.Е. Палеонтологические и археозоологические исследования в бассейне р.Яна / С.Е.Григорьев ,М.Ю. Чепрасов, Г.Н. Саввинов, А.Н. Тихонов, Г.П. Новгородов, С.Е. Фёдоров, Г.Г. Боескоров, А.В. Протопопов, В.В.

- Плотников, К.Е. Протодяконов, Й. ванн дер Плихт. // Вестник СВФУ. - №1. - Якутск, 2017. – С.20-35.
56. Григорьева Г. Использование костей мамонта для изготовления изделий в Деснинских позднепалеолитических стоянках / Г. Григорьева. // Первое международное мамонтовое совещание.16-22 октября 1995 г. Тезисы докладов. - СПб., 1995. – С. 609.
57. Гурьев К.Н. Исполины ледникового периода / К.Н. Гурьев, П.А. Лазарев, П.Н. Колосов. - Якутск, 2011. – С. 3-137
58. Джемс, Ричард. Русско-английский словарь-дневник / Ричард Джемс. // В кн.: Ларин Б.А. Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618-1619гг.). - Л.: изд. Ленинградского Университета, 1959.- С.181.
59. Дубинин В.Б. О скелете мамонта из дельты реки Лены / В.Б. Дубинин, В.Е. Гарутт. // Зоологический журнал. - Т.ХХХІІІ.- Вып.2. - 1954.- С. 423-426.
60. Женевская Р.П. Гистологическое изучение мышц туловища Шандринского мамонта и ископаемого бизона с реки Индигирки / Р.П. Женевская. // Мамонтовая фауна и среда ее обитания в антропогене СССР. Тр. ЗИН АН СССР. - Т.73. -1977. – С.61-64.
61. Жукова Л.Н. Легенда о мамонте / Л.Н. Жукова. - Якутск, Изд-во «Якутский край», 2008. – С.1-18.
62. Заславский М.А. Опыт бальзамирования мамонтенка. Магаданский мамонтенок. / М.А. Заславский. -Л., 1981. – С.279-288.
63. Захарова А.Е. Символом Якутии стало «исчадие ада» / А.Е. Захарова // «Якутск вечерний», 24 июня 2005 г. – С.29.
64. Зензинов В.М. Добыча мамонтовой кости на Ново-Сибирских островах / В.М. Зензинов //«Природа». -Июль-август, 1915. - С.980-992.
65. Зензинов В.М. Очерк торговли на Севере Якутской области / В.М. Зензинов. - М., 1916. – С. 194-212.
66. Зольников В.Г. О находке скелета мамонта на р.Соле / В.Г. Зольников. // Научные сообщения.- Вып. 3. – Якутск: Кн. Изд-во, 1960. – С.26-32.

67. Иванов С.В. Мамонт в искусстве народов Сибири / С.В. Иванов. // Сборник Музея антропологии и этнографии. - Т.ХІ. – Л., Изд-во АН СССР,1946.– С. 134-140.
68. Иванов В.Л. Архипелаг двух морей / В.Л. Иванов. - М., Изд-во «Мысль», 1979. – С.107-125.
69. Иванов В.Х. Якутская резьба по кости / В.Х. Иванов. - М.: Наука, 1979. – С.14-15.
70. Избраннедес, Эбергард. Путешествие и Журнал по указу Великих Государей, Царей и Великих Князей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича отправленного из Москвы в Китай / Эбергард, Избраннедес // В кн.: Древняя российская вивлиофика.- Часть VIII. - М.: изд. Н.И.Новиковым, 1798 .- С. 397
71. Известия ИРГО. - Т.II. - Вып.3. - 1916. – С.2-5.
72. Илларионов В.Т. Мамонт. К истории его изучения в СССР / В.Т. Илларионов. - Горький, 1940. - С.27
73. Иохельсон В.И. По рекам Ясачной и Коркодону. Древний и современный юкагирский быт и письмена / В.И. Иохельсон. // Изв.РГО.-1898.-Т.34.- Вып.3. – С.34.
74. Иохельсон В.И. Очерки зверопромышленности и торговля мехами в Колымском округе / В.И. Иохельсон. -СПб., 1898. – С.104 – 115.
75. Иохельсон В.И. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора / В.И. Иохельсон. -СПб., 1900. – С.24.
76. Кандыба А.В. Местонахождение Сыалах – новый археологический объект позднего неоплейстоцена Сибирской Арктики / А.В. Кандыба, С.Е. Федоров, А.И. Дмитриев, К.Е. Протодяконов.// Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. - Том XXI. - 2015. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – С. 90-93
77. Карелин Д.Б. Море Лаптевых / Д.Б. Карелин. – М., 1946. Изд-во Главсевморпути. – С.48-50.

78. Кириллин Н.Д. Ископаемая мамонтовая кость – особый геокриогенный природный ресурс Севера России: проблемы права, экономики и организация рационального пользования / Н.Д. Кириллин. - Якутск, 2011. – С.12.
79. Кириллина В.З. На вечной мерзлоте вечная истина / В.З. Кириллина. - Якутск, 2002. - С.45-46.
80. Колосов П.Н. Освоение Арктики связано с охотничьими племенами и одомашниванием собаки / П.Н. Колосов. // История изучения и освоения Арктики – от прошлого к будущему. Материалы научной конференции (12-13.09.2012г., Архангельск) - 2012. – С.248-249.
81. Колосов П.Н. Этапы заселения Арктики охотничьими племенами и одомашнение волка (собаки) / П.Н. Колосов. // Наука и образование. - № 3.- 2014. - С.19-24.
82. Коржуев С.С. Чекуровский мамонт и условия его обитания / С.С.Коржуев, Р.В. Федорова // Докл. АН СССР. - Т.143. - №1. - 1962. – С.181-183.
83. Коробко Ю.А. Морфологическое изучение половой системы ископаемого бизона с реки Индигирки / Ю.А. Коробко. // Мамонтовая фауна и среда ее обитания в антропогене СССР. Тр. ЗИН АН СССР.- Т.73. – С.59-61.
84. Кузнецова Т.В. Позднеплейстоценовые и голоценовые лошади северной Якутии / Т.В. Кузнецова, Ханс ванн дер Плихт. // 200 лет отечественной палеонтологии (1809-2009). Материалы всероссийского совещания 20-23 октября 2009 г. - М., 2009. – С.65-66.
85. Кузьмина И.Е. Выставка в Японии / И.Е. Кузьмина. // Охота и охотничье хозяйство. - 1982. - №10. – С.29.
86. Куприянова Л.А. Анализ пыльцы растительных остатков из желудка березовского мамонта / Л.А. Куприянова. // Сборник памяти А.Н.Криштофовича. - Изд. АН СССР, М.; Л., 1957. – С.335.
87. Курилов Н.Н.. Юкагиры: неразгаданная загадка человечества (размышления юкагира) / Н.Н. Курилов. - Якутск. Издательство «Северовед», 1999. – С.17-19.

88. Курилов Н.Н. Русско-юкагирский словарь. / Н.Н. Курилов.- Изд. «Бичик», 1990.- С.204.
89. Лазарев П.А. Автореферат диссертации: Плейстоценовые и современные лошади Якутии / П.А. Лазарев. – Алма-Ата, 1974. – С.3-22.
90. Лазарев П.А. Об остатках шерстистого носорога в селе Чурапча (Центральная Якутия) и споро-пыльцевых спектрах вмещающих их отложений / П.А. Лазарев, Н.Ф. Тирская // Палинологические материалы к стратиграфии осадочных отложений Якутии – Якутск, ЯФ СО АН СССР, 1975. – С.66.
91. Лазарев П.А. Новая находка шерстистого носорога в Якутии / П.А. Лазарев // Фауна и флора антропогена Северо-Востока Сибири – Л.: Наука, 1977. – С.56-59.
92. Лазарев П.А. История находки трупа Селериканской лошади и его изучение / П.А. Лазарев // Фауна и флора антропогена Северо-Востока Сибири – Л.: Наука, 1977. – С.173-183.
93. Лазарев П.А. Мамонтенок из урочища Мылахчын, р.Индигирка / П.А. Лазарев // Первое международное мамонтовое совещание.16-22 октября 1995 г. Тезисы докладов. - СПб., 1995. – С. 621-622
94. Лазарев П.А. Скелет Чурапчинского шерстистого носорога / П.А. Лазарев // Млекопитающие антропогена Якутии.- Якутск, ЯНЦ СО РАН, 1998. – с.55-97.
95. Лазарев П.А. Млекопитающие антропогена Якутии / П.А. Лазарев, Г.Г. Боескоров, А.И. Томская, Н.В. Гарутт, Е.М. Васильев, А.К. Каспаров, Г.Н. Родионов. - Якутск, ЯНЦ СО РАН, 1998. – С.13-113.
96. Лазарев П.А. Остатки Абыйского мамонтенка из урочища Мылахчын, р.Индигирка / П.А. Лазарев. // Детеныши мамонта: Тр. Зоол. ин-та РАН. – Т. 275. – СПб., 1999. – С.39-43.
97. Лазарев П.А. Кадастр местонахождений фауны млекопитающих позднего кайнозоя Якутии / П.А. Лазарев. - Новосибирск, Наука, 2002. – С.20-52.
98. Лазарев П.А. Якутский феномен: мир мамонтов. / П.А. Лазарев, Г.Г. Боескоров, Д.Д. Саввинов, Г.Н. Саввинов, А.В. Протопопов, Ю.В. Шумилов,

В.М. Васильев, Г.Н. Родионов. - Якутск, ИД «Якутия», НИПК «Сахаполиграфиздат», 2004.- С.14-125.

99. Лазарев П.А. Автореферат диссертации: Крупные млекопитающие антропогена Якутии (филогенез, систематика, палеоэкология, фаунистические комплексы, тафономия, остатки) / П.А. Лазарев.- Якутск, 2005. – С.1-43.

100. Лазарев П.А. Бизоны позднего плейстоцена и акклиматизация современных северо - американских бизонов в Якутии / П.А. Лазарев, В.Г. Тихонов. // Тезисы докладов IV Международной мамонтовой конференции. Якутск, 2007. – С.42.

101. Лазарев П.А. Крупные млекопитающие антропогена Якутии/ П.А. Лазарев. - Новосибирск: Изд. Наука, 2008. – С.2-148.

102. Лазарев П.А. По следам мамонтов. Экспедиции, исследования и выставки музея мамонта. / П.А. Лазарев, Г.Г. Боескоров, А.Н. Тихонов, Г.Н. Саввинов. - Якутск, ОАО «Медиахолдинг Якутия» 2007. - С.1-69.

103. Лазарев П.А. Личная библиотека П.А. Лазарева: 533 ед. хр. и 88 папок с документами и фотографиями. Дар семьи Музею мамонта НИИПЭС, 2012.

104. Ламутский П. Сир иччитэ / П. Ламутский. - Изд.: «Бичик», (на як.яз.) 1987.- С.56-58.

105. Лекай Л.Л. Автореферат диссертации: История географического изучения Камчатки (вторая половинаXIX– начало XX века) / Л.Л. Лекай.- М., 2005. – С. 4.

106. Листер А. ДНК из остатков мамонта / А. Листер, Э. Хагельберг.// Первое международное мамонтовое совещание.16-22 октября 1995 г. Тезисы докладов. - СПб., 1995. – С.624.

107. Ложкин А.В. Условия обитания берелехской популяции мамонтов / А.В. Ложкин // Тр. ЗИН АН СССР. - Т.72. - 1977. – С.5-50.

108. Мащенко Е.Н. Мамонты (*Mammuthus primigenius*) из позднеплейстоценового местонахождения Севск (Брянская область, Россия) / Е.Н. Мащенко. // Первое международное мамонтовое совещание.16-22 октября 1995 г. Тезисы докладов .- СПб., 1995. – С.629

109. Машенко Е.Н. Луговское: пейзаж на фоне ледников / Е.Н. Машенко, Ю.В.Шубина, С.Н. Телегина. - Ханты-Мансийск, 2006. – С.19-25.
110. Машенко Е.Н. Детеныши мамонта: свидетельства жизни ледниковой эпохи / Е.Н. Машенко, О.Р. Потапова, Г.Г. Боескоров, А.С. Харламова, А.В. Протопопов, В.В. Плотников, А.И. Климовский, И.С. Павлов, С.Д. Колесов, Л. Агенброд. – Якутск, 2015. – С.4-61.
111. Медведев Л.Н. Колеоптерологический анализ геологических разрезов мамонтовых «кладбищ» в Северной Якутии / Л.Н. Медведев, Н.В. Воронова. //Тр. ЗИН АН СССР.- Т.72. - 1977. – С.72-77.
112. Методические рекомендации по поискам и изучению мамонтовой фауны Якутии / под ред. В.В.Ковальского. - Якутск, изд. ЯФ СО АН СССР,1979. – С.1-24
113. Миддендорф А.Ф. Путешествие на север и восток Сибири. Часть 1. / А.Ф. Миддендорф. - СПб., Императорская Академия наук, 1869. – С.259-821.
114. Миддендорф А.Ф. Путешествие на Север и Восток Сибири: Север и Восток Сибири в естественно-историческом отношении /А.Ф. Миддендорф.- СПб.:Типография императорской Академии наук. - Ч.6. - 1878. – С.821.
115. Михельсон В. Предпосылки для восстановления мамонта как вида / В. Михельсон. // Первое международное мамонтовое совещание.16-22 октября 1995 г. Тезисы докладов.- СПб., 1995. – С.630-631
116. Москвитин С.В. Моя седая Мухтуя / С.В. Москвитин. - Ленск, 2005.- С. 25.
117. Мостахов С.Е. Сподвижники путешественников и исследователей / С.Е. Мостахов. - Якутск, 1966. – С.173.
118. Мостахов С.Е. Русские путешественники-исследователи Якутии (XVII-нач.ХХвв.) / С.Е. Мостахов.- Якутск,1982.-С.47.
119. Мостахов С.Е. История географического изучения Северо-Востока Сибири (XVII-нач.ХХвв.): избранные труды / С.Е. Мостахов. - Якутск: Издательский дом СВФУ, 2013. – С.85-441.

120. Мочанов Ю.А. 50 лет в каменном веке Сибири (археологические исследования азиатской части России). / Ю.А. Мочанов.—Т. 2. - Якутск, 2010.- С.123-127.
121. Нелихов А. Агдьян Кэмы или могила мамонта / А. Нелихов. // Охотничий двор. - №3. - 2010. – С.59.
122. Никольский П.А. Кладбище мамонтов Аччыгый Аллаиха в низовьях р.Индигирка (Северо-Восток Сибири) / П.А. Никольский, А.Е. Базилян, Л.Д. Сулержицкий. // Тезисы докладов IV Международной мамонтовой конференции - Якутск, 2007.- С.92.
123. Никольский П.А. Ляховский мамонт / П.А. Никольский. // Рукопись, М., Ледниковый период, 2013.- С.1-10.
124. Окладников А.П. Петроглифы Забайкалья. Часть 2. /А.П. Окладников, В.Д.Запорожская. - Изд-во «Наука», Л., 1970. - С.42.
125. Павлов А.С. Колыма от истока до устья / С.А. Павлов. - Якутск,2014. – С. 172-173.
126. Павлова М.В. Описание ископаемых остатков млекопитающих, собранных русской полярной экспедицией в 1900-1903 гг. / М.В. Павлова. // Записки АН. - СПб. – 21 - №1, 1906.
127. Пасецкий В.М. Находки, которые открывают тайны / В.М. Пасецкий. - М., 1964. - С.60.
128. Пестерев В.И. Страницы истории Якутии в документах, легендах, мифах / В.И. Пестерев. - Якутск, 2000. - С. 16-35.
129. Питулько В.В. Геоархеология и радиоуглеродная хронология каменного века Северо-Восточной Азии / В.В. Питулько, Е.Ю. Павлова. - СПб, Наука, 2010. – С.121-143.
130. Питулько В.В. Обработка бивня мамонта в верхнем палеолите Арктической Сибири (по материалам Янской стоянки) / В.В. Питулько, Е.Ю. Павлова, П.А. Никольский. // Время первых художников. - Санкт-Петербург, Кишинев, Одесса, Бухарест , 2015. – С.227.

131. Полное собрание законов Российской империи. - Т.28.- СПб, 1830. – С.695
132. Полярная геофизическая станция АН СССР на о. Большом Ляховском.ч.1.- Изд.АН СССР. Л., 1932. - С.13-14.
133. Попов А.А. Материалы по истории религии якутов б. Вилюйского округа / А.А. Попов. // Сборник музея антропологии и этнографии. - Т. XI. - Ленинград: Изд-во АН СССР, 1949. – С.284.
134. Попов Н.И.- Кюндюлюн. Усуйаана тунг былыргыта / Н.И. Попов – Кюндюлюн. - Якутск, (на як. языке) , 2015. – С.34-35.
135. Попов Ю.Н. Находки ископаемых животных в вечной мерзлоте / Ю.Н. Попов. // Природа. - №9. - 1956. – С.40-48.
136. Праслов Н. Мамонт в жизни палеолитического человека / Н. Праслов // Первое международное мамонтовое совещание.16-22 октября 1995 г. Тезисы докладов. - СПб., 1995.- С. 634-635.
137. Праслов Н. Археологический контекст находок тушек песцов в одной из землянок Костенок – I / Н.Праслов // Первое международное мамонтовое совещание. 16-22 октября 1995 г. Тезисы докладов.- СПб., 1995. – С. 635.
138. «Предприниматель Якутии». - №12.- 2007. – С.24.
139. Провоторова В.Г. Некоторые биохимические показатели содержимого желудка и кишечника Шандринского мамонта / В.Г. Провоторова, А.Я. Рябиков // Тр. ЗИН АН СССР. -Т.3. - Л., 1982. – С.29-34.
140. Продолжая традиции... // Буклет Музея мамонта НИИПЭС СВФУ.- Якутск, 2013.
141. Протодяконов К.Е. Находки плейстоценовых псовых в многолетней мерзлоте Якутии / К.Е. Протодяконов, С.Е. Фёдоров, А.И. Дмитриев. // Проблемы геологии и освоения недр. Труды XX Международного симпозиума имени академика М.А. Усова студентов и молодых ученых, посвященного 120-летию со дня основания Томского политехнического университета. - Т.1. - Томск, 2016. - С.80-82.

142. Пфиценмайер Е.В. В Сибирь за мамонтом / Е.В. Пфиценмайер. - Гос. Изд-во, М. 1926. – С.9.
143. Рогалевич М.И. Коневодство Якутской АССР / М.И. Рогалевич. // Тр. Якутской экспедиции СОПС Акад. Наук СССР.- М., 1941.
144. Русанов Б.С. Внимание: мамонты! Документальная повесть / Б.С. Русанов. - Магадан, Магаданское книжное издательство, 1976. - С.50-190.
145. Русанов Б.С. Биостратиграфия кайнозойских отложений Южной Якутии / Б.С. Русанов. – М., Наука, 1968. – С.459.
146. Сарычев Г.А. Путешествие по северо-восточной части Сибири, ледовитому океану / Г.А. Сарычев.- М.:Географгиз,1952. – С.88.
147. Сергин В. Человек и накопления костей мамонта на палеолитических поселениях Русской равнины / В. Сергин// Первое международное мамонтовое совещание. 16-22 октября 1995 г. Тезисы докладов. - СПб., 1995. – С. 638-639.
148. Серошевский В.Л. Якуты. Опыт этнографического исследования /В.Л. Серошевский. - М., 1993. – С.387.
149. Слепкова Н.В. Автореферат диссертации: Развитие Зоологического музея Академии наук как центра исследований по систематике (1883-1932 гг.)/ Н.В. Слепкова. – М., 2006. – С.16.
150. Смирнов А.Н. Ископаемая мамонтовая кость / А.Н. Смирнов. // Труды НИИГА-ВНИИ океанологии.- Т.201.- СПб, 2003. – С.27.
151. Соколов А. Экофизиология северного оленя позднего плейстоцена в свете современных данных / А. Соколов // Первое международное мамонтовое совещание. 16-22 октября 1995 г. Тезисы докладов. - СПб., 1995. – С. 639 – 640.
152. Солоневич Н.Г. Предварительные результаты исследования растительных остатков из желудочно-кишечного тракта Шандринского мамонта (Якутия) / Н.Г. Солоневич, Б.А. Тихомиров, В.В. Украинцева. // Тр. ЗИН АН СССР. – Т.63. - 1977. – С. 277-280.
153. Сукачев В.Н. Исследования растительных остатков из пищи мамонта, найденного на р.Березовке Якутской области / В.Н. Сукачев. // Научные

результаты экспедиции, снаряженной Академией наук для раскопки Березовского мамонта в 1901 г. - Т.Ш. - 1914. – С. 1-19.

154. Сумина Е.Б. Гистологическое строение кожи бизона, найденного в вечной мерзлоте на берегу реки Индигирки / Е.Б. Сумина. // Мамонтовая фауна и среда ее обитания в антропогене СССР. Тр. ЗИН АН СССР. – Т.73. – С. 56-58.

155. Татищев В.Н. Сказание о звере мамонте / В.Н. Татищев // Избранные произведения. - Л.: Наука, 1979. – С. 36-50.

156. Тезисы докладов IV Международной мамонтовой конференции - Якутск, ОАО «Медиахолдинг Якутия» 2007.

157. Тихонов А.Н. Мамонт, *Mammuthus primigenius* (Elephantidae, Proboscidea) с острова Большой Ляховский, Восточная Сибирь / А.Н. Тихонов. // Четвертичные и современные млекопитающие Евразии. Тр.ЗИН РАН. - Т270.- СПб.,1996. – С. 168.

158. Тихонов А.Н. Мамонты Сибири / А.Н. Тихонов, Ю.Ю. Бурлаков. // Рукопись. - М., АСПОЛ, 2008. – С. 3-69.

159. Тихонов А.Н. Мамонт / А.Н. Тихонов. // Серия «Разнообразие животных».- Вып.3. -М.,СПб:Т-во научных изданий КМК, 2005. – С. 3-86.

160. Тихонов А.Н. Мамонты и мамонтовая фауна / А.Н. Тихонов // Буклет Зоологического музея РАН. - СПб., 2012.- С. 1-20.

161. Толль Э.В. Плавание на яхте «Заря» / Э.В. Толль.- М., 1959. – С. 300-301.

162. Томская А.И. Споро-пыльцевые спектры плейстоценовых отложений бассейна среднего течения р. Яна / А.И. Томская, Г.М. Саввинова. // Палинологическая характеристика палеозойских, мезозойских и кайнозойских отложений Якутии.– Якутск, Кн. Изд-во, 1971. – С. 131-146.

163. Томская А.И. Палинология кайнозоя Якутии / А.И. Томская. – Новосибирск, Наука, 1981. – С. 221.

164. Томская А.И. О времени и причинах вымирания мамонтов в Якутии / А.И. Томская. // Наука и образование. - №1. - 1999.- С. 53-58.

165. Томская А.И. Кормовая база мамонта в позднем плейстоцене Якутии / А.И. Томская. – Якутск, 2000. – С. 9-54.
166. Украинцева В.В. Реконструкция флоры и растительности времени жизни и гибели селериканской ископаемой лошади / В.В. Украинцева // Тр. ЗИН АН СССР.- Т.63. - 1977. – С. 223-253.
167. Украинцева В.В. Анализ растительных остатков из желудочно-кишечного тракта мылахчинского бизона (Якутия) / В.В. Украинцева, К.К. Флеров, Н.Г. Солоневич. // Ботанический ж-л. – Т.63. - №7 - 1978. - С. 101-104.
168. Украинцева В.В. Природная среда и условия гибели мамонтенка / В.В. Украинцева . - Л., Наука, 1981. – С. 254-261.
169. Ушницкая О. Тайна композиции «Ысыях» / О. Ушницкая. // Бортовой журнал. - Якутск, 2016. – С.14-15.
170. Шер А.В. Млекопитающие и стратиграфия плейстоцена Крайнего Северо-Востока СССР и Северной Америки / А.В. Шер. – М., Наука, 1971. – С. 3-263.
171. Шер А.В. О времени появления субарктических млекопитающих в геологической летописи / А.В. Шер. // Зоологические исследования Сибири и Дальнего Востока - Владивосток, 1974. – С. 7-15.
172. Шер А.В. История и эволюция лосей / А.В. Шер. // Биология и использование лося. Обзор исследований. – М., «Наука», 1986. – С.6-35.
173. Шило Н.А. Киргилыхский мамонт / Н.А. Шило, А.В. Ложкин, Э.Э. Титов, Ю.В. Шумилов. – М., «Наука», 1983. – С. 82, 214.
174. Ширина А.Д. Русская полярная экспедиция Э.В.Толля (1900-1903 гг.) / А.Д. Ширина // Наука и образование. - №3. - 2011.- С. 81-87.
175. Шкловский И.В. На Крайнем Северо - Востоке Сибири / И.Н. Шкловский. - СПб.: Изд. Л.Ф.Пантелеева, 1895. – С. 7-10.
176. Шренк Л.И. Записки академика Шренка / Л.И. Шренк // Зап. Имп. Академии наук. – Т. XX. - 1872.- С. 70.
177. Федоров В.В. Дороги Якутии / В.В. Федоров, Е.П. Неймохов. - М., изд. «Дом Старателя», 2003. –С. 5-21.

178. Федоров С.Е. Туматский хищник: что показало вскрытие? / С.Е. Федоров, С.Е. Григорьев, Д.К. Гармаева, И.К. Слепцов. // «Природа». - №10. - 2015. – С.54-56.
179. Федоров С.Е. К 220-летию адмирала Анжу (1797-1869) / С.Е. Федоров. // Вестник СВФУ.-№1 (57). - Якутск, 2017. – С. 147-148.
180. Флеров К.К. Бизоны Северо-Восточной Сибири / К.К. Флеров. // Мамонтовая фауна и среда ее обитания в антропогене СССР (Сборник статей). - Л.: 1977. – С.39-56.
181. Флинт В.Е. Уникальная находка на Берелехе. Древность или современность? / В.Е. Флинт.// Природа. -№8. -1972.– С. 94.
182. Холодова М. Жизнеспособность диких копытных / М.Холодова. // Наука в России. - №2.- 2006. – С. 101-105.
183. Черский И.Д.. «Описание коллекции млекопитающих животных, собранных Ново-Сибирской экспедицией 1885-1886 гг.» / И.Д. Черский. - СПб, 1891.- С. 1-622.
184. Чубур А.А. Палеонтология, археозоология и тафономия мамонтовой фауны поселения Хотылево-2 (по материалам раскопок 1994-2003 гг.) / А.А. Чубур. // Тезисы докладов IV Международной мамонтовой конференции. - Якутск, 2007. – С. 97.
185. Юдичев Ю.Ф. Диагноз через 40 тыс. лет. О причинах гибели Шандринского мамонта и условиях, способствовавших сохранению его внутренних органов. / Ю.Ф. Юдичев, А.И. Аверихин.// Земля сибирская, дальневосточная. - №8. -1975.-С. 57-58.
186. Юдичев Ю.Ф. О макро- и микроморфологии органов брюшной полости Шандринского мамонта и о причинах его смерти / Ю.Ф. Юдичев, А.И. Аверихин. // Тр. ЗИН АН СССР. - Т.3. - 1982. –С. 35-37.
187. Явловский П.П. Летопись города Якутска от основания до настоящего времени. I том. (1632-1800 гг.) / П.П. Явловский. - Якутск., 2002. - С. 22-190.
188. Якутский музей // Краеведческий альманах.- №1. - Якутск, 2004.- С. 98.

189. Якутия: рекорды, самое первое, самое-самое. - Якутск, НКИ Бичик, 2004. – С. 130-143.
190. Baryshnikov G., Boeskorov G. The Pleistocene cave lion? *Panthera spelaea* (Carnivora, Felidae) from Yakutia, Russia /G. Baryshnikov, G. Boeskorov // *Cranium*. – 2001. – Vol. 18, 31. – P.7-24.
191. Brandt I. Die rhinocerotis sen tichorhini, sen Pallasii structura externa er Osteologica observationes a religuiis, quae in museis Petropolitanis servantu erutae / I. Brandt // *Memories de L Acad. Imp. Des Sciences de St. Peterburg ser.6 Sci. mat. Phys. Et. Mat.* - Vol.7. - pt.2, Sci.mat. - vol.5. - 1849.
192. Haynes G. Mammoths, mastodonts and elephants. Biology, behavior and the fossil record / G. Haynes. – Cambridge, 1991. – P.365.
193. Kolosov P.N. Primitive Mammoth Hunters and the Earliest Breed of Dog / P.N. Kolosov // *Natural Resources*. – 2014. - V.5. - No 3. – P. 99-105.
194. Kuznetsova T.V. New data on the “Mammoth” fauna of the Laptev Shelf Land (Arctic Siberia) / T.V. Kuznetsova, L.D. Sulerzhitsky, Ch. Siegert // *Proceedings of the First International Congress “The World of Elephants”*. Rome. 16-20 October, 2001. – P. 289-292.
195. Fedorov S. Tomographic study and 3D-reconstruction of mummified Pleistocene dog from North-Eastern Siberia. Abstract Book of the VIth Internaional Conference on Mammoths and their Relatives / S. Fedorov, D. Garmaeva, N. Luginov, S. Grigoriev, G. Savvinov, S. Vasilev, K. Kirikov, M. Allentoft, A.Tikhonov, - S.A.S.G. - Special Volume 102. - 2014. - P. 53.
196. Pfizenmayer, E.W. Les mammouths de Siberie / E.W. Pfizenmayer.- Trad. Du Dr. G.Montandon. Ed. Payot,Paris, 1939. – P. 208.
197. Witsen, N.C.(1692). NoordenOostTartarye.Tweeddeel. / N.C. Witsen.- FrancoisHalma, 1705. - P. 742.
198. Strahlenberg, Philippe Johann. Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia / Philippe Johann Strahlenberg.- Stokholm, 1730. - C. 394.